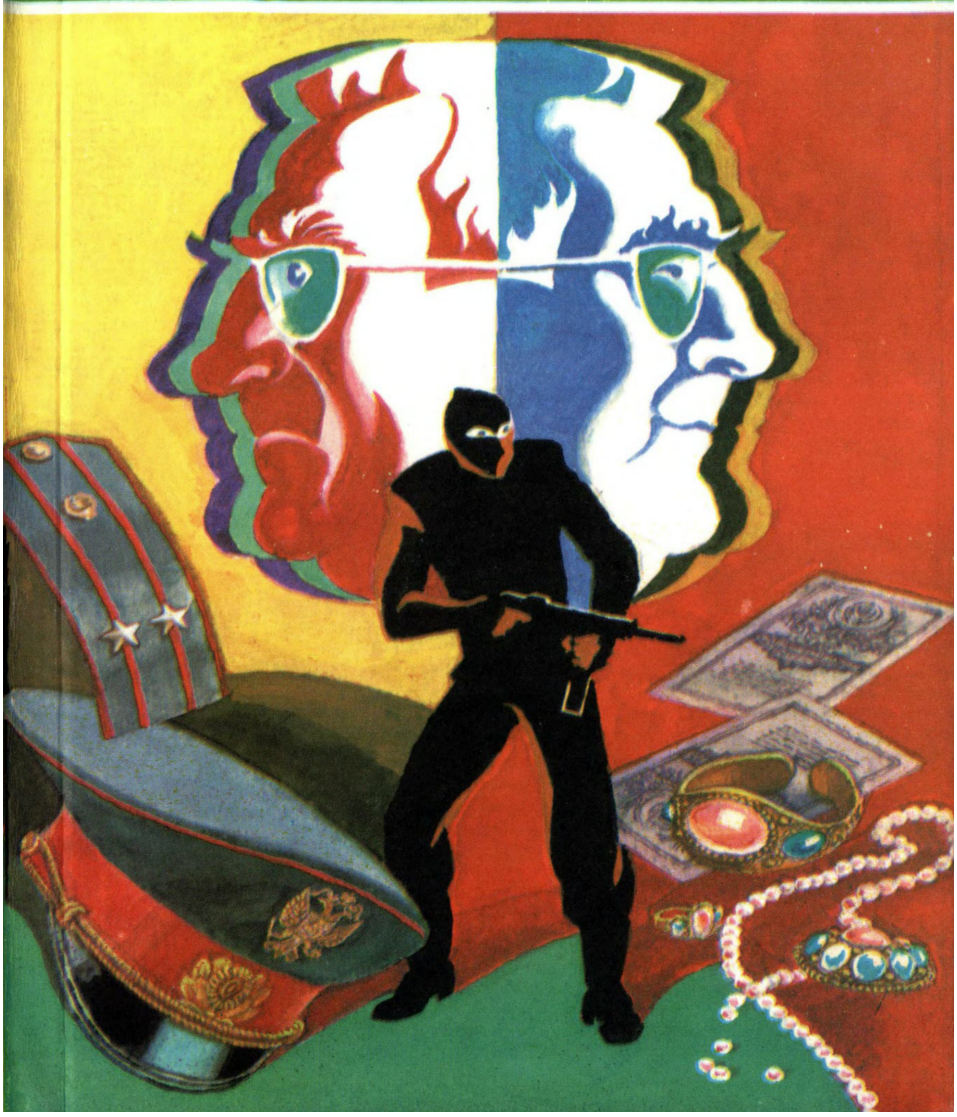
ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ



ИСКАТЕЛЬ 1996

№ 4 (214)

ИСКАТЕЛЬ

ФАНТАСТИКА ПРИКЛЮЧЕНИЯ

4
(214)
1996

Москва, 1996

*

Выходит 6 раз в год
Издается с 1961 года
© «Издательский дом «Искатель»

Содержание:

ЮРИЙ МАСЛОВ
ДЯТЛЫ УМИРАЮТ ОТ СОТРЯСЕНИЯ МОЗГА
Роман
ФРЕДЕРИК БРАУН
ЗЕМЛЯНЕ, ДАРЫ ПРИНОСЯЩИЕ
Рассказ

Дорогие читатели!

В разные годы в своих письмах Вы советовали нам преобразовать приложение «Искатель» в самостоятельный журнал и увеличить периодичность его выхода. К сожалению, раньше мы не могли этого сделать. Но сегодня у нас такая возможность появилась. В июле 1996 года «Искатель» зарегистрирован Комитетом по печати РФ как самостоятельное издание.

В этом полугодии он будет выходить, как раньше, один раз в два месяца, а с 1997 года — ежемесячно. Конечно, новая периодичность повлечет за собой увеличение общей суммы подписки, но хочется надеяться, что для истинных почитателей популярного журнала цена не станет препятствием. Зато Вы сможете получать не 6, а 12 выпусков в год. Существенно преобразится и лицо «Искателя». Обложка станет ярче благодаря более качественной бумаге: романы и крупные повести теперь будут сопровождаться оригинальными иллюстрациями и информацией об авторах. О своих новых работах расскажут известные писатели — и Вы сможете задать им вопросы.

Кроме ставших уже привычными фантастики, приключений и детектива Вас ждут увлекательные путешествия в непознанный мир загадочных явлений. В первых выпусках в новом году Вы познакомитесь с долгое время хранившимися в секрете результатами экспедиций, занимавшихся раскрытием загадки Тунгусского метеорита; с материалами, связанными с поисками легендарного ковчега Ноя на горе Арарат и неожиданными сведениями полученными в ходе экспедиции; с предсказаниями русского прорицателя Иоанна, который еще в XIII веке более точно, чем Нострадамус предсказал многие важные события последних столетий; прочтете о самых загадочных и таинственных событиях, происшедших с 1990 по 1996 гг. — от спонтанного возгорания людей, левитации и телекинеза до проклятия предметов, криптозоологии и вампиризма; воспоминания лейб-астролога Гиммлера, о вечных скитальцах Вселенной — НЛО и о многом другом.

В новом году мы возобновим нашу добрую традицию печатать подборки произведений молодых авторов. Молодые дарования смогут также принять участие в конкурсе на лучший рассказ, повесть,

роман. Победителей ждут специальные призы.

Читая журнал «Искатель», Вы будете обладать самой свежей информацией о клубах фэнов, о международных книжных ярмарках и книжных новинках, о творчестве отечественных и зарубежных авторов. Специально для Вас, дорогие читатели, мы открываем рубрику «Обмен». Коллекционеры смогут обмениваться недостающими номерами «Искателя» и интересующими их книгами.

Не все очевидно знают, что за 35-летнюю историю нашего издания увидели свет всего два сборника «Мир «Искателя»: в 1971 и 1991 гг. И вот теперь впервые объявляется подписка и на сборник «Мир «Искателя», который будет выходить пока один раз в полугодие. Объем — 352 стр. Кроме новых исторических романов, детективов, (фантастики и приключений на его страницах под рубрикой «Ретро» вновь появятся лучшие произведения, публиковавшиеся в «Искателе» в прежние годы.

Итак, 1 сентября начинается новая подписная кампания. Взяв в руки каталог Федеральной службы почтовой связи (обложка зеленого цвета), откройте его на 104 странице, где представлены оба наших издания.

Индекс на «Искатель» — 70424; на «Мир «Искателя» — 40920 и на комплект обоих изданий — 40940. Подписаться на «Искатель» можно с любого номера. Мы хотели бы узнать Ваше мнение о том, как идет подписка на местах.

Наш адрес: 125015, Москва, ул. Новодмитровская, 5а, 16-й этаж.

Главный редактор Евгений КУЗЬМИН

ЮРИЙ МАСЛОВ

Дятлы умирают от сотрясения мозга

Бой барабанов лучше слушать издалека.
Персидская пословица

Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в

государственных бедствиях, свидетельствуя, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось.

Н. Карамзин

ГЛАВА 1

Телефон верещал, словно подстреленный заяц, — взахлеб, пронзительно и тревожно…

Родин взглянул на Скокова, который, просматривая свежий номер газеты, сидел в кресле напротив, и снял трубку.

— Агентство «Лучник».

— Здравствуй, Александр Григорьевич! Как здоровье? — спросил начальственный, с приятной хрипотцой женский голос.

Родин на секунду опешил. Звонила сокурсница по институту, его старая любовь Рита Кудимова, с которой он когда-то вместе проходил практику в МУРе, в отделе полковника Скокова… Теперь она — Маргарита Васильевна, майор, начальник уголовного розыска 38-го отделения милиции и, что самое странное, он до сих пор к ней неравнодушен.

— Саша, куда ты пропал? — переспросила Кудимова, обеспокоенная его молчанием.

— Здесь я, здесь, — обрадованно забубнил Родин.

— Это хорошо, что еще здесь, — нажимая на последнее слово, проговорила Кудимова. — Как здоровье?

— Пока не жалуюсь.

— Для тебя это не показатель.

— Это почему же?

— Потому что здоровые мужики за бабами ухаживают, а не за цветочками на даче.

— Ты не права, Марго. Эти самые цветочки я каждый год дарю тебе на Восьмое марта.

— Опять двадцать пять! Я ему про любовь, а он мне про цветочки, — нервно рассмеялась Кудимова. — На этот раз цветочками не отделаешься…

— Что-нибудь серьезное?

— Все подробности вам расскажет клиент. Он уже к вам едет. Но вы, прежде чем браться за это дело, хорошенько подумайте и… посоветуйтесь со мной.

— Думаем мы всегда, а вот советуемся с красивыми женщинами…

— Не хами, — остановила его Кудимова.

— Тогда выскажись по существу.

— Очередная афера с квартирой. Хозяин не доехал до нового места жительства.

— Так сообщи об этом в МУР. Насколько мне известно, при отделе Климова создана специальная группа, которая занимается этими делишками. У них — компьютеры, банк данных…

— Клиент не желает иметь дело с МУРом.

— А кто он?

Ответить Кудимова не успела. В комнату заглянул дежурный охранник Миша Краев и сказал:

— Семен Тимофеевич, к вам посетитель.

— Марго, он уже здесь, я тебе перезвоню. — Родин положил трубку и, поймав на себе вопросительный взгляд Скокова, пояснил: — Клиент. По рекомендации Кудимовой.

— Это я уже понял. — Скоков отложил в сторону газету, взглянул на Краева и властно взмахнул рукой. — Давай его сюда.

Посетитель — мужчина лет тридцати восьми — сорока, роста чуть выше среднего, плотный, с острым живым взглядом, который прятался под припухлыми веками, и аккуратно подстриженными, можно сказать элегантными усиками — сел по приглашению Скокова в кресло и после довольно длительной паузы спросил:

— Не узнаете, Семен Тимофеевич?

— Лицо мне ваше знакомо, а вот имя… Впрочем, подождите… — Скоков откинулся на спинку кресла и закрыл глаза, пытаясь воссоздать обстоятельства, при которых он видел этого человека. Через несколько секунд услужливая память вынесла на поверхность то, что казалось давным-давно похоронено и забыто.

В 1979 году он, майор Скоков, заместитель начальника 2-го отделения 3-го отдела МУРа, раскручивал картежную мафию. Дело было интересное. Веселые, симпатичные ребята садились в поезд в Бресте, знакомились с офицерами, которые возвращались после службы за границей, угощали их вином и… потрошили в карты до самой Москвы.

На судебные заседания Скоков обычно не ходил — со временем было туго, но в этот раз выбрался — замучило любопытство: сколько дадут? И вот результат. Он до сих пор помнит не только фамилию подсудимого — Добровольский, но и недоуменный вопрос судьи к нему: «Почему вы избрали своей профессией именно карты»? — и философский ответ Добровольского: «Кто не играет в карты в молодости, тот готовит себе печальную старость», — и гомерический хохот в зале, который сразу поставил на одну доску и обвиняемых, и

потерпевших.

Скоков открыл глаза и улыбнулся.

— Добровольский Игорь Николаевич. Верно?

В глазах Добровольского отразилось радостное изумление.

— Феноменально, — сказал он. — Разрешите закурить?

— Пожалуйста. — Скоков придвинул к нему пепельницу. — Что привело вас к нам, Игорь Николаевич?

— Беда, — коротко ответил Добровольский. — Большая беда. Но перед тем, как поведать вам о своих неприятностях, я хотел бы поставить вас в известность о своем прошлом и настоящем, то есть рассказать о том, что произошло с момента нашей последней встречи.

— Это имеет значение?

— Думаю, да. Вы должны знать своего клиента. — Добровольский посмотрел на Родина, затем на Скокова. Взгляд спрашивал: можно ли доверять этому человеку.

— Это мой помощник, — сказал Скоков. — Родин Александр Григорьевич.

— Очень приятно! — Добровольский легким, но четким наклоном головы засвидетельствовал Родину «свое почтение», стряхнул пепел и задумался. — Значит, так… Срок свой я отсидел от звонка до звонка, приехал в Москву, а меня не прописывают — сто первый километр. Меня это не устроило. Я — житель сугубо городской, вырос в Большом Каретном переулке, поэтому хлебать кашу из провинциальной кастрюли — извините… Что делать? Думал, думал и… сел в поезд Москва — Хабаровск. В Одессе сгорел…

— Простите, а как вы попали в Одессу? — перебил Родин. — Ведь Хабаровск… Это совсем другое направление.

Добровольский презрительно фыркнул.

— Я ехал с пересадками.

— Понятно, — сказал Родин, запоздало сообразив, что вопрос задал архиглупый. Добровольский отправился на «гастроли», а он… — Извините, что перебил.

Добровольский примирительно улыбнулся и, помолчав, продолжал:

— После второй ходки я завязал. Вы спросите: почему? Отвечу: перестройка. Я же по профессии экономист, я сразу почувствовал: под ногами не осенние листья хрустят — деньги! Только не ленись, собирай и набивай карманы!

— Ну и каким же образом вы набиваете карманы? — поинтересовался Скоков.

Добровольский изящным движением руки профессионального картежника выудил из верхнего кармашка пиджака визитную карточку.

— В настоящее время я — директор китайского ресторана «Веселые ребята».

— Так вы что, из Хабаровска к нам пожаловали? — удивленно спросил Скоков, ознакомившись с визиткой.

— Да.

— Почему ресторан китайский, я понимаю: китайцы, по всей вероятности, поставляют вам продукты, причем, по цене, которая вас очень устраивает. Так?

— Именно.

— Но почему «Веселые ребята»?

— Они обожают песни Леонида Осиповича Утесова. Особенно вот эту… — Добровольский щелкнул пальцами и голосом, который почти невозможно было отличить от утесовского, негромко пропел: «С одесского кичмана бежали два уркана…»

Скоков от души расхохотался.

— Ресторан принадлежит вам?

— Бог с вами, Семен Тимофеевич. Я — рабочая лошадка, наемная сила, так сказать, а парадом командует небезызвестный вам Владимир Петрович Пуданов. Когда я приехал в Хабаровск, он был генеральным директором акционерного общества «Свобода», владел двумя магазинами и сетью лотков — торговал пирожками с капустой и мясом. А на досуге— картишки, чтобы, значит, квалификацию не потерять. Я однажды составил ему компанию и крепко пощипал. Отдавать ему было нечем — у таких людей деньги всегда в ходу — работают, — и он предложил мне должность директора ресторана. Я согласился. — Добровольский погасил сигарету, сдвинул брови и некоторое время сосредоточенно молчал. — Семен Тимофеевич, теперь вы обо мне знаете все, почти все… Согласны вы иметь такого клиента?

— Я не вижу причин, по которым мог бы вам отказать.

— Спасибо.

Скоков улыбнулся.

— Но возьмусь я за дело или нет… На этот вопрос могу ответить только после вашего обстоятельного рассказа.

— У меня пропала мама.

От этого «мама» Скоков аж вздрогнул: больно странно звучало это слово в устах человека, который лучшие свои годы провел за решеткой

и жил по воровским законам, законам насилия и жестокости.

— Если можно, подробнее… При каких обстоятельствах, когда вы об этом узнали и так далее.

— Ну что ж, — печально проговорил Добровольский, — начну с самобичевания… Я, наверное, плохой сын… За все эти годы навестил мать всего два раза — после первой ходки, а затем после второй. Но переписывались мы с ней регулярно — письмо в две недели.

— Вы помогали ей материально?

— Всегда. А в прошлом году на ее день рождения я перевел ей на сберегательную книжку пять миллионов — на проценты с такой суммы можно жить вполне безбедно.

— Можно, — согласился Скоков. — И что произошло дальше?

— Дальше? — повторил Добровольский, совершенно мальчишеским жестом взъерошив поседевшие волосы. — Дальше — сплошная чертовщина… Наш дом — в центре, напротив французского посольства, точнее — Второй Спасоналивковский переулок. Вокруг него — коробки двадцатиэтажных зданий — Министерство внутренних дел, Министерство нефти и газа, банк Российской Федерации, ресторан «Варшава», в общем, — бетон, стекло, металл. А прямо под окнами в шикарном и длинном, как пенал, двухэтажном особняке открыли спортивный комплекс и ночной клуб, который посещают в основном иностранцы и так называемые новые русские. Поэтому переулок превратился, по существу, в стоянку автомашин, которые день и ночь гудят, ревут и воют, как волки, когда срабатывает сигнализация. Можно жить в таком доме? Нет. Но устроить офис — престижно и выгодно: центр! Этим, по всей вероятности, и воспользовались… Однажды к матушке пришли двое молодых людей, представились, показали свои визитные карточки, которые свидетельствовали, что они являются сотрудниками агентства недвижимости «Онега» — купля, продажа и расселение коммунальных квартир, и предложили ей обмен — ее двухкомнатную на трехкомнатную в Коломенском. Мама поехала, посмотрела, осталась очень довольна — дом кирпичный, рядом парк-заповедник, Москва-река — и согласилась. Молодые люди в темпе вальса оформили документы, перевезли маму за свой счет на новое место жительства и смылись. А примерно через месяц к маме заявился некто Глазов Виктор Павлович и сказал, что эта квартира принадлежит ему. И показал дарственную, которую бывшая хозяйка этой квартиры Конькова Маргарита Петровна, ныне покойница, оформила на него за несколько месяцев до своей смерти.

— Квартира была приватизирована? — спросил Родин.

— Да. И мамина, и Коньковой.

— А откуда вам все это известно? Вы же в Хабаровске находились.

— Из писем.

— Продолжайте.

— Мама и Глазов обратились в суд. Там ознакомились со всеми документами и… признали их действительными — и дарственную Глазова и ордер мамы, но поскольку дарственная Глазова была оформлена раньше, то он и стал хозяином квартиры, а мама оказалась в дураках. Это было ее последнее письмо. Еще она сообщила, что Глазов разрешил ей пожить в квартире, пока она будет оформлять документы в Дом престарелых.

— Широкий жест, — хмыкнул Родин. — Как звали вашу матушку?

— Добровольская Екатерина Васильевна.

— Профессия?

— Учительница. В школе литературу преподавала. С тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года — на пенсии.

— Когда вы получили ее последнее письмо?

— Сейчас скажу… В позапрошлую пятницу. Это было… двенадцатого августа. Три дня у меня ушло на сборы, шестнадцатого я вылетел, семнадцатого утром был в Москве. Приехал домой, уже по новому адресу — проспект Андропова, пятьдесят, звоню — никто не открывает. Я вышел во двор, сел на скамеечку и стал ждать. Ждал до десяти вечера. Бесполезно. Решил поговорить с соседями, выяснить: куда моя Екатерина Васильевна запропастилась. Первая соседка, Надя, была под градусом и ни хрена не соображала, вторая — благообразная бабулька, примерно одних лет с моей матушкой, сказала, что видела, но дня два назад. Тогда я в их присутствии открыл дверь — замок там пустяковый, осмотрел квартиру, вроде все в порядке, все на своих местах, поужинал — холодильник был забит продуктами до отказа— и лег спать. А утром заваливается участковый, этакий, знаете ли, молодцеватый хам, размахивает перед моим носом пистолетом, кроет в Бога, душу, мать и спрашивает, за каким чертом я забрался в чужую квартиру? Я объясняю, он не понимает. Или не хочет понимать. Тогда я позвонил в местное отделение милиции и потребовал, чтобы меня соединили с начальником уголовного розыска…

— И Кудимова отфутболила вас к нам, — продолжил Родин. — Так?

— Не сразу. Сперва заставила написать заявление, проверила, действительно ли я сын Добровольской и, только убедившись в этом,

порекомендовала обратиться к вам. Сказала, что вы лучшие специалисты по розыску пропавших.

— Так и сказала? — Скоков улыбнулся, но взгляд его круглых кошачьих глаз оставался тверд и холоден.

— Она сказала, что не в состоянии мне помочь, сказала, что на ее участке это уже двадцать четвертый аналогичный случай, а всего в Москве только за последние десять месяцев не доехало до своих новых квартир двадцать восемь тысяч человек.

Скоков кивнул, откинулся на спинку кресла и посмотрел на Родина.

— Что скажешь, Александр Григорьевич?

— Дело сложное и опасное, — подумав, ответил Родин, — ибо цепочку, за которую мы ухватимся, замыкает группа наемных убийц, профессиональных киллеров, так что не исключено, что мы найдем…

— Не стесняйтесь, Александр Григорьевич, — пришел на помощь Добровольский. — Меня устроит и труп. — На секунду его лицо исказила гримаса боли. — Я хочу, чтобы моя мать покоилась на кладбище, чтобы была могила, на которую я всегда мог бы принести цветы и помянуть ее добрым словом.

— Вполне естественное желание, — поддержал его Скоков. — Как долго вы можете находиться в Москве?

— Вообще-то, я взял отпуск — месяц, но если потребуется, могу и задержаться. Проблем нет.

Скоков открыл дверку левой тумбочки своего шикарного— из красного дерева — письменного стола, выдвинул верхний ящик, достал типовой договор и в графе «клиент обязан выплатить…» вывел цифру с шестью нулями.

— Это наш гонорар. Устраивает?

— За деньги не волнуйтесь — есть, — сказал Добровольский.

— Плюс текущие расходы…

— Согласен.

— Тогда распишитесь.

Добровольский с хрустом расписался и выразительно посмотрел на Скокова, взглядом спрашивая, что от него еще требуется.

— Где вы намерены остановиться? — спросил Скоков.

— Я хотел бы дома, — сказал Добровольский. — Некоторые вещи мне очень дороги — память, но этот сукин сын участковый…

— Я позвоню Кудимовой. Думаю, проблем не будет.

— Спасибо.

— И оставьте, пожалуйста, свой телефон — не исключено, что мне

потребуется ваша помощь.

Когда Добровольский ушел, Скоков некоторое время молчал, потирая подбородок, затем резко развернулся и посмотрел на Родина, по-кошачьи округлив свои неопределенного цвета — не то серо-зеленые, не то желто-карие — глаза.

— Что скажешь?

— Крутой паренек. — Родин усмехнулся. — И сентиментальный— мама, вещи, память…

— Все жестокие люди, как правило, сентиментальны — любят собак, кошек, музыку; интеллектуалы — Шопена, блатные — лирические песни, и те и другие со слезами на глазах вспоминают свое безгрешное детство.

— Вот это меня и настораживает.

— Не понял, — сказал Скоков. Лицо его приняло заинтересованное выражение.

— Добровольский — авторитет. Он связан с мафиозными структурами, поэтому сам попытается выйти на людей, которые угрохали его маму.

— А за каким чертом он тогда обратился к нам?

— Он — умный человек и прекрасно понимает, что в одиночку ему с этим делом не справиться.

— Может быть, ты и прав. — Скоков придвинул к себе телефон и набрал номер Кудимовой.

— Здравствуй, Маргарита Васильевна!

— Здравствуйте, учитель! Вы довольны клиентом?

— Как тебе сказать, — замялся Скоков. — Впервые работаю на того, кого когда-то собственными руками отправил за решетку.

— Значит, вы взялись за это дело?

— Взялись. Но раскручивать мы его будем до определенной точки…

— Знаю. Вы завтра же свяжетесь с областным управлением, выудите у них покойника и… Наше дело правое — мы победили! Так?

— Мыслишь логически.

— Я хороший ученик, Семен Тимофеевич, — хохотнула Кудимова. — А хороший ученик всегда идет дальше своего учителя.

— Ну, если ты так далеко зашла, то всыпь хорошенько своему участковому.

— За что?

— Чтобы больше не размахивал пистолетом перед носом моего клиента.

— А он еще долго здесь пробудет?

— Пока мы не найдем его матушку. И еще. Ты сегодня к четырем сможешь к нам подъехать?

— Хочу.

— Соскучилась?

— У меня есть кой-какие мыслишки по этому делу.

— Тогда до встречи.

— Целую вас. Заранее.

— А Родина?

— Когда в жены возьмет, тогда и поцелую.

Скоков положил трубку, откинулся на спинку кресла и смежил веки. Можно было подумать, что он спит. Но Родин, который проработал с полковником более пятнадцати лет, прекрасно знал, что именно в такой позе он размышляет — приводит к единому знаменателю все сказанное и услышанное от своих подчиненных. На этот раз Родин ошибся. Скоков действительно размышлял, но не о предстоящем деле, а о событиях давно минувших дней, когда Родин и Кудимова заявились на стажировку в МУР, размышлял и думал: не виноват ли он, что эти симпатичные ребята пришли на практику вместе, а ушли порознь? Родина взял под свое крыло Скоков — его оперативный отдел давно требовал омоложения, а на Кудимову положил глаз майор Редькин, начальник «2-го Отдела по раскрытию половых преступлений». Но это — официальное — название среди сотрудников МУРа не прижилось — слишком длинно и вычурно, поэтому говорили проще — «Блядский отдел». Отдел занимался раскрытием изнасилований, искоренением проституции, которая от этого искоренения только ширилась и возрастала, гомосексуализма, лесбиянства и прочих половых извращений.

Майор Редькин, сам большой любитель женского пола, был сравнительно молод — тридцать два, но по служебной лестнице пер энергично и уверенно благодаря родственным связям — его дядя заведовал хозчастью на Старой площади— и умению вовремя поставить коллегам и начальству хорошеньких девочек. А девочек у него была тьма — из сорока тысяч взятых на учет московских проституток как минимум две тысячи работали на уголовный розыск. Кудимова же потребовалась Редькину для спасения репутации — не он, мол, бабник, а его подчиненные, которые почему-то вбили себе в голову, что прежде чем привлечь какую-либо девчонку к сотрудничеству с МУРом, надо обязательно залезть к ней под юбку — проверить: способна ли она расшевелить и зажечь клиента до той

степени, когда последний теряет контроль над собой.

Майор Редькин не успел забраться Кудимовой под юбку, но контроль над собой потерял… Рита Кудимова была очень привлекательна: безупречная фигура спортсменки — она играла за сборную Москвы по волейболу — прекрасно сочеталась с ярко выраженными чертами классического римского лица, но… Мужчин, как правило, притягивает к женскому полу женственность, а этого Рите как раз и не хватало. У нее был тяжеловатый, раздвоенный подбородок с ямочкой посередине и очень спокойный, внимательный, гипнотизирующий взгляд. Она не смотрела на собеседника — изучала, так обычно изучают слабые стороны противника, чтобы потом, выбрав момент, нанести ему последний, сокрушительный удар. Некоторых этот взгляд настораживал и отпугивал, и они, нутром чувствуя свою беспомощность и несостоятельность, старались быстрее ретироваться, а некоторых — чаще всего ребят с характером — притягивал, требовательно и неумолимо. Притянул он и Редькина, которому давно надоели всякие там безотказные валютные проститутки и минетчицы, и он, мужик крутой и не признающий поражений, однажды, крепко выпив, не выдержал и набросился на Кудимову, словно разъяренный бык, которого долгое время дразнили красной тряпкой. Совершенно случайно свидетелем этой сцены стал Родин. Он задержался на работе и по приказу Скокова топал во Второй отдел, чтобы покопаться в картотеке — требовались данные на одну проститутку, которую придушили в номере гостиницы «Советская». Время было позднее, поэтому в отделе находился только дежурный. Родин без труда отыскал нужную ему карточку и, возвращаясь, вдруг услышал хриплый, сдавленный вскрик. Он в недоумении остановился, посмотрел на плотно закрытую дверь кабинета, начальника Второго отдела, хотел было уже двинуться дальше, но в это время крик повторился — «Пусти, своло-очь!» Родин узнал голос, в слепой ярости плечом вышиб дверь и увидел Редькина, который, завалив Кудимову на кожаный диван, пытался содрать с нее трусики. Рита отчаянно сопротивлялась, но силы были явно не равны — майор весил девяносто килограмм и хорошо владел приемами рукопашного боя, так что если бы не Родин, то неизвестно, чем закончилась бы эта схватка. Увидев Родина, Редькин мгновенно вскочил, поправил уже сброшенные с плеч подтяжки и мутным, невидящим взглядом впился в лицо стажера.

— Какого черта…

Договорить он не успел. Рита схватила бронзовую пепельницу,

которая стояла на журнальном столике рядом с диваном, и ударила Редькина в лицо с такой силой, с какой обычно пробивала блок над волейбольной сеткой. Редькин покачнулся и осел на диван. Из разбитой брови, изуродованного носа обильно сочилась кровь. Но Рита даже не взглянула на поверженного противника, поправила волосы и выскочила из кабинета, а Родин, уже остыв и разжав кулаки, смотрел на залитую кровью физиономию майора и думал о последствиях этого трагического эпизода, который произошел не где-нибудь на частной квартире, а в стенах самого МУРа. На следующий день Кудимова позвонила Родину из дома и попросила его зайти. Когда он пришел, она протянула ему заявление.

— Подпиши.

Родин подписал.

— А теперь, — сказала Рита, — отнеси его в прокуратуру. — И посмотрела на Родина так, как смотрит голодный удав на кролика. — Это будет мое первое дело. И меньше, чем десятку, эта сволочь не получит!

Боже, какие они были тогда наивные!

В тот же день, после обеда, Скоков вызвал к себе в кабинет Родина, плотно закрыл за ним дверь и, пристально рассматривая лакированную поверхность стола, повторил фразу, которую час назад ему сказал заместитель начальника МУРа генерал-майор милиции Панкратов.

— Саша, наша партия должна быть кристально чистой, поэтому сор из избы выносить не следует.

— Это не ваши слова, — помолчав, сказал Родин. — Вы хоть и член партии, но так не думаете.

Скоков смущенно кивнул.

— Верно. Это сказал Панкратов. Поэтому заявление свое забери и поговори с Кудимовой…

— Она с характером — не согласится.

— Тогда вас обоих не допустят даже к защите дипломов, и все пять! лет учебы — коту под хвост!

— Это вам тоже сказал Панкратов?

Скоков раздраженным жестом сунул в рот папиросу.

— Саша, ты должен понять: Сталин хоть и умер, но дело его живет. Вот когда оно развалится, тогда на эту тему мы с тобой и поговорим. Понял?

— Допустим. — Родин встал. — Я свое заявление заберу. А Кудимова… В это здание она больше не войдет.

— Я переведу ее в уголовный розыск районного отделения

милиции. У меня там друг работает.

Кудимова согласилась забрать заявление только тогда, когда Родин, исчерпав весь свой талант красноречия и убеждения, сказал, что свидетелем выступать не будет. Другого выхода у него, к сожалению, не было.

С этого дня их отношения затрещали по всем швам. Рита хоть и здоровалась с Родиным, но смотрела на него при этом холодно, печально и равнодушно — так смотрят обычно на приговоренного к смерти. Родин тяжело переживал разрыв с любимой, потом смирился, а когда после долгих лет отчуждения взгляд Риты наконец потеплел — это случилось в самом начале перестройки, — то его ответная реакция напоминала реакцию человека, с которого задним числом сняли незаслуженное обвинение — вроде бы и радостно, да поздно.

«Нет, я ни в чем не виноват, — продолжал размышлять Скоков. — Если бы я тогда не заставил их одуматься, то еще неизвестно, чем эта заваруха могла для них кончиться… Могли, конечно, и вынырнуть, но скорее всего ушли бы за горизонт, сгинули, как, например, его заместитель Леша Свиридов, который, узнав об этом деле правду, залепил при всем народе Редькину увесистую затрещину. Где он теперь?» — Скоков вздохнул и открыл глаза.

— Найди Красина и Колберга и передай, что в четыре — небольшое совещание. И Климова предупреди. Нам его помощь потребуется. И мы ему в дальнейшем потребуемся. На это и упирай. — Скоков рывком встал, дружески помял Родину плечо и вышел во двор офиса: подышать свежим воздухом и поиграть со своим любимцем — бультерьером по кличке Кефир.

Кудимова подъехала пятнадцать минут пятого. Ее встретил Миша Краев, любезно раскланялся и провел во внутренние апартаменты. Скоков сидел за столом в мягком и удобном кожаном кресле. Слева расположилась его команда — Виктор Андреевич Красин, Александр Родин и Яша Колберг. Все они — бывшие, и всех их Кудимова отлично знала. Красин — бывший следователь по особо важным делам. Ему предложили подать в отставку за то, что он публично осудил офицеров Таманской дивизии, согласившихся стрелять по своим собратьям. Родин — бывший начальник оперативного отдела. Его выперли с работы за отказ в участии организации штурма Белого дома. Яша Колберг — бывший шофер Скокова. Он прошел Афган, три года работал на Севере, но когда ему сообщили, что полковник вышел на пенсию и организовал частное сыскное агентство, моментально прискакал обратно.

Напротив «бывших» сидели действующие работники правоохранительных органов — подполковник Константин Иванович Климов, начальник 2-го отделения 3-го отдела МУРа, и его заместитель майор Виктор Сергеевич Смородкин.

«Бывшие» и «действующие» по идее должны были враждовать: между ними как бы проходила невидимая пограничная полоса, которую ни те, ни другие не в силах были преодолеть по соображениям сугубо принципиальным, но совершенно от них не зависящим — «бывшие» хорошо зарабатывали, но не имели власти, «действующие» власть имели, но получали за свою работу жалкие гроши. Это дикое противоречие парализовало деятельность не только Министерства внутренних дел — всей страны, мгновенно, с кроличьей активностью, наплодившей взяточников, вымогателей, мелких и крупных хапуг, но, к счастью, не коснулось людей, которые собрались в кабинете Скокова, ибо все они были его учениками и под его руководством прошли жестокую школу борьбы со старым преступным миром — карманниками, домушниками, медвежатниками и прочими специалистами своего дела, работавшими под началом паханов и «воров в законе». Теперь они боролись с преступностью новой формации — рэкетирами, мафией, крупными вооруженными группировками, которыми руководили авторитеты и крестные отцы. И эта борьба заставила их сплотиться еще крепче и преодолеть ту проклятую пограничную полосу, которую возвели между ними государственные бюрократы всех мастей и рангов.

— Здравствуйте, — сказала Кудимова, осмотрев присутствующих своим спокойным, проницательным взглядом. — И, ради Бога, извините за опоздание — попала в пробку…

— Это хорошо, — улыбнулся Скоков. — Пока ты куролесила по городу, я объяснил ребятам суть дела, они выдвинули ряд версий… Теперь мы бы хотели послушать тебя. Не возражаешь?

Кудимова села рядом с «действующими», достала из сумочки пачку «Мальборо», и Яша, который хоть и не курил, но всегда таскал в кармане зажигалку, мгновенно преподнес ей огонек.

— Спасибо. — Кудимова глубоко затянулась и внимательно посмотрела на Родина. — Прежде чем выдвинуть какую-либо версию, необходимо выстроить всю цепочку преступления — от первого звена до последнего. Первым звеном в этой цепочке, на мой взгляд, является участковый. Он хорошо знает свои дома и квартиры, поэтому первым определяет и выход на жертву.

— Ты говоришь вообще или имеешь в виду конкретного

человека? — перебил ее Родин.

— Конкретного, — кивнула Кудимова. — А именно — участкового моего отделения старшего лейтенанта Бычкова Петра Николаевича.

— Что он из себя представляет?

— Лимита из Вологодской области. Парень твердолобый, но с хитринкой. Изображает из себя эдакого крутого полицейского из американских боевиков. — Кудимова усмехнулась и перевела взгляд на Климова.

— Костя, раз уж мы в одной упряжке, то переведи, пожалуйста, его телефон — сто двенадцать — тридцать — семнадцать — на кнопку.

«Перевести на кнопку» на милицейском сленге значит поставить на прослушивание и магнитофонную запись всех разговоров, а также фиксировать, откуда этот номер будут набирать.

— А факты, подтверждающие, что он в деле, у тебя есть? — спросил Климов. — Или это все твоя интуиция?

— Компры на него у меня достаточно — берет мзду с беженцев, проживающих без прописки у родственников, обложил налогом коммерческие палатки у метро. — Кудимова выудила из сумочки вторую — нераспечатанную — пачку «Мальборо» и протянула ее Климову. — Это его подарок. Этими сигаретами он регулярно снабжает меня и начальника паспортного стола капитана Федорова Игната Филипповича.

— И ты берешь?

— Я с ним Ваньку валяю, делаю вид, что мне нравятся такие крутые ребята. А вот Федоров берет как должное.

— Значит, твой Федоров второе звено?

— Нет, он, скорее всего — четвертое. — Кудимова снова перевела взгляд на Родина. — Второе и третье звенья — это агентства по недвижимости, которые занимаются покупкой, продажей и расселением коммунальных квартир, и нотариусы. Вот на них вы должны и выйти. Они — главные звенья, они заманивают жертву в свои сети и оформляют документы.

— Допустим, вышли, — сказал Родин. — Что дальше?

— Дальше? — Кудимова сдвинула брови. — Дальше я могу только предполагать… Если клиент дурак и все идет по намеченному плану, то сделка заканчивается полюбовно, но если ситуация выходит из-под контроля, то на сцену выползает самая зловещая фигура — режиссер-постановщик всего этого спектакля. Он связывается с киллерами, и жертву убирают Так что найти труп — это еще полдела, надо обезвредить убийц. Но этим уже займется Климов. *Я* права, Костя?

— И начнется дуэль, — печально вздохнул Климов. — Кто кого? Они нас или мы их? — Он толкнул в бок сидевшего рядом Смородкина. — Ты все понял?

— Что именно?

— Возьми на кнопку участкового и начальника паспортного стола. — Климов повернулся к Скокову. — Семен Тимофеевич, Смородкин возглавляет спецгруппу по расследованию убийств, связанных с квартирным мошенничеством. Так что связь держите с ним и… Кудимовой. — Климов, который когда-то работал в паре с Родиным и прекрасно знал о его отношениях с Кудимовой, не удержался и ехидно добавил: — Я думаю, что Александр Григорьевич и Маргарита Васильевна сработаются.

— Дай Бог, — поддержал его Скоков. — А ты сам-то чем сейчас занимаешься?

— Шарады разгадываю. — Климов распечатал пачку «Мальборо», которую ему преподнесла Кудимова, закурил и выпустил под потолок колечко дыма. — А шарады эти нам преподносят киллеры — они убивают в Москве, а труп вывозят за город. И получается дьявольская неразбериха: УВД Московской области имеет неопознанный труп, а московская милиция ищет пропавшего без вести человека. А убийца уже и не убийца — неопознанный летающий объект. Вы когда-нибудь видели эти проклятые НЛО?

— Только по телевизору, — усмехнулся Скоков.

— И я не видел. — Климов зло пристукнул кулаком по столу. — А начальство мне: найди! Вот я и ищу: ветра в поле.

— А я видел, — сказал Яша. — На Севере…

— Ты много чего видел, — оборвал его Климов. Он выхватил из рук Смородкина предпоследний номер «МК», в котором ИТАР-ТАСС сообщал о злодейском убийстве в Екатеринбурге члена Государственной Думы, председателя Партии Национального Единства России Кариновского Андрея Романовича, и спросил, обращаясь к Скокову:

— Читали?

— И даже очень внимательно.

— Так вот, заместитель министра МВД России Редькин думает, что дело Крайникова — Горлова, которые взлетели на воздух в кафе «Аист», взаимосвязано с убийством Кариновского, и приказал важнюку Можейко, следователю прокуратуры РФ, доказать это или… опровергнуть. Можейко опровергнул и получил… благодарность. А я, как всегда, — в дерьме! О чем это говорит?

— О том, что Можейко работает на Редькина, — с обычной прямолинейностью бухнул Яша. — А вы, Константин Иванович, — под колпаком.

— Ты гений, Яша! Поэтому когда Родин будет связываться со мной или Смородкиным по телефону, следи за тем, чтобы он ничего лишнего не говорил. Понял?

— Понял, — ответил за Яшу Скоков, мгновенно сообразивший, кому именно было адресовано это предупреждение.

Климов тепло простился со всеми и, подхватив Яшу под руку, вышел в коридор.

— Я слышал, что Волынский перебрался в Москву. Это так?

— Не знаю, — ответил Яша. — Он мне не звонил.

— Если позвонит, то передай ему, чтобы обязательно связался со мной. Договорились?

Яша крепко пожал Климову руку и вернулся в кабинет. Скоков ощупал его цепким взглядом и спросил, обращаясь к Кудимовой:

— Марго, так ты согласна с нами сотрудничать?

— Я думала, вы меня уже в штат зачислили…

— Ты — посредник, Марго, а посредник получает у нас десять процентов.

— Я и на пять согласна. — Кудимова улыбнулась, и Родин, перехватив ее взгляд, задумчивый, пытливый, как бы проверяющий его мужскую состоятельность, спросил:

— Есть предложения?

— Я думаю, есть смысл взять в разработку участкового и начальника паспортного стола по старому адресу Добровольского — 2-й Спасоналивковский, дом шестнадцать. Там какое отделение милиции?

— Второе, — сказал Яша. — Мы с Родиным соседи. Это наш с ним родной район.

— Тогда вам и карты в руки, — кивнула Кудимова. — А Виктор Андреевич пусть займется агентством недвижимости «Онега» — кто там работает и как давно. Предлог — подлинность документов Добровольской и Глазова.

— Согласен, — сказал Скоков и, увидев, что Кудимова поднимается, спросил: — Может, останешься с нами поужинать?

— У вас так принято?

— Когда киношники начинают снимать кино, — моментально влез Яша, — то они на счастье разбивают бутылку шампанского. А мы ее — выпьем!

ГЛАВА 2

Родин оказался прав: Добровольский решил провести собственное расследование. К этому его подтолкнули два обстоятельства: наличие свободного времени и сжигающий душу гнев авторитета — кто посмел наехать на его мать? Кто?

Добровольский догадывался «кто» и был уверен, что найдет обидчика. И накажет. Сурово накажет. Но торопливость в таких делах может только навредить. Поэтому главное — невозмутимость и спокойствие. И строгий анализ сложившейся ситуации. Это железное правило игрока. Оно его не раз выручало, не подведет и сегодня. А менты… Они так, для подстраховки. Кто может дать гарантию, что человек, против которого ты играешь, менее талантлив и ловок?

По дороге к метро Добровольский зашел в сберегательный банк и перевел на счет агентства «Лучник» деньги. Затем купил в коммерческой палатке четыре банки немецкого пива и поехал домой.

В квартире было чисто, прохладно, уютно. Добровольский сбросил пиджак, отпустил галстук и, выпив пива, прошел в комнату матери. Взгляд остановился на секретере. В нем Екатерина Васильевна обычно хранила документы, письма, дорогие сердцу безделушки, которые связывали ее с дальними и близкими родственниками. Добровольский повернул ключ и открыл дверцу. Первым в глаза бросился семейный альбом. Он бережно взял его, положил на журнальный столик, стоящий рядом с кроватью, сел, осторожным движением откинул обложку и… замер: с большой, любительской фотографии на него смотрели отец и мать, спокойные, счастливые, уверенные, что их мальчика, который сидел перед ними на горшке, ожидает блестящее будущее. «Извините», — пробормотал Добровольский, повалился на подушки, прикрыл глаза и с головой нырнул в свое радостное и грешное детство…

Игорь Добровольский рос парнем тихим и впечатлительным. И наблюдательным — мог с одного взгляда определить настроение отца, матери, учителей и пользовался этим Божьим даром умело, расчетливо и внешне вполне пристойно. Например, заметив, что учитель более чем благодушен, он рвался к доске и легко зарабатывал пятерку, но скрывал ее и показывал родителям только по пятницам, когда их лица светились счастьем предстоящего двухдневного отдыха.

Кроме наблюдательности, Игорь Добровольский обладал еще феноменальной зрительной памятью. Однажды — Игорь учился тогда в девятом классе — мать рассыпала коробок спичек. Сын глянул на пол и через несколько секунд изрек: «Ворье!» «Кто?» — Мать удивленно вскинула брови. «Не знаю, — пожал плечами сын. — Но спичек в коробке должно быть пятьдесят, а здесь только тридцать девять». Екатерина Васильевна быстро собрала спички и, убедившись, что сын прав, ахнула: «Игорь, у тебя талант, ты должен его развивать!»

Игорь снисходительно улыбнулся. Он уже давно развивал свой талант, но опять-таки с выгодой для себя. На спор со школьными друзьями делил и умножал четырех- и пятизначные цифры на двузначные, смеясь, набирал полную горсть монет, пренебрежительным жестом бросал их на землю, секунду-другую рассматривал — много ли серебра, стоит ли игра свеч, — отворачивался и… Ему было только шестнадцать, но он уже понял, что отъем денег у населения должен походить на веселый спектакль. Игорь был неплохой актер, поэтому устроить небольшое представление перед сверстниками особого труда для него не составляло. Он пристально изучал свои растопыренные пальцы, падал на колени, вздымал руки к небу, закатывал глаза и что-то шептал, беззвучно шевеля губами. Затем резко хлопал ладонью о ладонь, вскакивал й с очаровательной улыбкой называл количество монет. И всегда правильно. А если ошибался, то только для того, чтобы не убить у друзей боевой дух и дать им возможность в следующий раз отыграться.

Набив карманы серебром и медью, Игорь после школы возвращался домой, сортировал деньги: медь — в копилку, серебро — в кошелек, быстро съедал приготовленный матерью обед, наспех делал уроки и отправлялся играть в… карты.

В шестидесятые годы азартные игры в общественных местах, мягко говоря, не поощрялись, поэтому картежники собирались там, где изловить их было практически невозможно, — в котельной, которой заправляли Василий Евстигнеевич Сажин, личность, по словам участкового милиционера Харитонова, с темным дореволюционным прошлым — служил у какого-то купца приказчиком, и бывший батальонный разведчик Николай Парфентьев, мужик веселый, вечно пьяный и задиристый. Ему, как инвалиду войны, государство должно было выделить «Запорожец» с ручным управлением, но, как это обычно бывает, кто-то где-то забыл поставить подпись, и машина накрылась. Парфентьев, оскорбленный в лучших чувствах — все-таки

Берлин брал и медаль соответствующая имеется, — настрочил в газету «Известия» письмо-жалобу, которое заканчивалось словами: «А я, между прочим, дорогие товарищи, под мудрым руководством маршала Жукова потерял на фронте правую ногу». Так как письмо писалось в котельной, то эта фраза вскоре стала не только достоянием всего двора, но и долетела до участкового Харитонова, и последний, как-то повстречав Парфентьева, сказал: «Благодари Бога, что сейчас не пятьдесят третий, а то бы я тебе десятку точно вкатил!» «Верю», — усмехнулся Парфентьев и послал стукача-участкового туда, откуда дети рождаются.

Компанию истопнику дяде Васе — так звали Сажина все знакомые — и его помощнику Коле Парфентьеву обычно составляли Игорь Добровольский, студент юрфака Юра Быстров — видно, готовил себя к беседам с криминогенной публикой, официант из ресторана «Эрмитаж» Ваня Белобородов и одноклассник Игоря Вадим Кожин. Ребята дружили — их многое связывало и роднило. Отец Вадима возглавлял торговое представительство Советского Союза в Дании, отец Игоря бороздил моря и океаны на фрахтовом сухогрузе «Апшерон», поэтому оба парня росли без крепкой мужской руки, матери их баловали, и ребята со временем научились извлекать из этого обстоятельства определенную пользу.

Играли обычно под расчет. Карты, как правило, были старые, засаленные, многие с оторванными углами, поэтому Игорь, который «срисовывал» рубашку после двух-трех партий, в накладе почти никогда не оставался. Если же колода была новая, то Игорь все свое внимание концентрировал на игроках. Он знал каждого, как свои пять пальцев — изучил мимику, жесты и мог только по одному выражению лица определить: есть игра у партнера или нет.

Однажды в котельную вместе с будущим юристом Быстровым заявился смуглый брюнет с темными восточными глазами и задумчиво-холодным выражением довольно привлекательного лица.

— Володя Пуданов, — представил его Быстров. — Мой коллега.

— Адвокат? Прокурор? — поинтересовался Коля Парфентьев.

— Адвокат, — ответил Володя, сдернул кепку и присел на ящик из-под пива.

— Сыграешь? — спросил Парфентьев.

— За этим и пришел.

Через полтора часа за столом остались Игорь и Володя. Остальные, вывернув карманы и убедившись в своей полной неплатежеспособности, превратились в наблюдателей. Володя послал

Быстрова за водкой и предложил партнеру увеличить ставку вдвое. Игорь согласился. Володя кивнул, вытащил из внутреннего кармана пиджака новенькую колоду, с хрустом распечатал ее и протянул Игорю.

— Сдавай.

Первые две партии Игорь выиграл, а затем… В памяти остались только стремительно мелькающие при сдаче карты в руках партнера и его холодное, непроницаемое лицо. В общем, когда вернулся с двумя бутылками водки Быстров, Игорь был пустой, как барабан, и мрачный, как грозовая туча.

— Не расстраивайся, — сказал Володя, когда они, выпив по стакану, вышли на улицу и направились в сторону Эрмитажа.

— Чего расстраиваться, — пожал плечами Игорь. — Сегодня проиграл, завтра выиграл…

— Все верно. — Володя закурил. — А давно играешь?

— Года четыре.

— А чем занимаешься?

— Изучаю марксизм-ленинизм.

— Где?

— В экономическом.

— Значит, ты на втором курсе. Это хорошо, — подвел итог Володя. — А рубашку быстро срисовываешь?

Вопрос застал Игоря врасплох. Он остановился и растерянно захлопал ресницами.

— Все зависит от степени изношенности колоды, — наконец выдавил он из себя.

— Выпиваешь часто?

Игорь отрицательно покачал головой.

— Я не люблю водку.

— Это хорошо, — кивнул Володя. — А играть любишь?

Наверное, Игорь по натуре был игроком, ибо заданный вопрос не вызвал в его душе ничего, кроме недоумения.

— А разве я плохо играю? — спросил он.

Володя сдвинул на затылок кепку и весело рассмеялся.

— Как говорил товарищ Ленин, тебе надо учиться, учиться и учиться. Согласен?

Через полгода Добровольский стал профессиональным игроком, и, когда наступили летние каникулы, он, сказав матери, что едет со студенческой строительной бригадой на Север, отправился вместе с Володей Пудановым по кличке Сова на первые в своей жизни

«гастроли».

Через два года — это случилось после окончания четвертого курса — Добровольский спалился в поезде дальнего следования Варшава — Брест — Москва, когда они вместе с Пудановым потрошили офицеров, которые возвращались домой после службы за границей.

Звонок телефона заставил Добровольского вскочить с кровати. Он тряхнул головой, прогоняя остатки воспоминаний, и взял трубку.

— Слушаю.

— Игорь Николаевич?

— Да.

— Скоков беспокоит. К вам сейчас подъедет мой сотрудник Виктор Андреевич Красин. Передайте ему, пожалуйста, все документы, которые касаются обмена квартиры, то есть ордер, если таковой имеется, всякие там выписки из РЭУ, паспорт Екатерины Васильевны и так далее. Вы меня поняли?

— Прекрасно. А зачем они вам нужны?

— Проверить их подлинность, — довольно холодно пояснил Скоков. — А заодно и благонадежность людей, которые их оформляли. Еще вопросы есть?

— Есть. Красин…

— Да, это твой следователь, — прервал его Скоков. — И он на тебя немного обижен.

— За что?

— Ты был тогда с ним не очень-то откровенен, так что постарайся исправить свою ошибочку.

— Вы хотите, чтобы мы подружились? — спросил Добровольский. В его голосе чувствовалась явная насмешка.

— Я хочу, чтобы ты говорил правду, а он тебе — верил.

— Семен Тимофеевич, кладу руку на сердце — оно мне заменяет Библию — и обещаю, что буду говорить правду, правду и только правду!

Скоков весело хмыкнул.

— «Какой великий актер погибает!»

— Вы в этом уверены?

— Да. После Нерона ты — второй. Всего доброго!

Добровольский положил трубку и попытался вспомнить, чего на следствии добивался Красин, и чем это он его рассердил. И вспомнил. Молодому следователю требовалось доказать, что Добровольский и Пуданов знакомы не один день, что они друзья, а потому их действия есть сговор и сообщество. И выбросил на стол несколько фотографий

— Пуданов и Добровольский пьют пиво, пожимают друг другу руки, прогуливаются по платформе, — докажи, мол, обратное. Но Добровольский твердо стоял на своем: встречи с Пудановым — чистая случайность. А фотографии… Да, пиво пили, потому что стояла адская жара и обоих замучила жажда, руки пожали, чтобы закрепить знакомство, а познакомившись, пошли вместе прогуляться по платформе. И придерживался этой версии с завидным упорством, прекрасно зная, что сговор — это максимальный срок. А кому охота торчать на зоне лишние три года? И Красин сдался — фотографии, как вещественные доказательства, суд во внимание не принимал, — но при расставании сказал фразу, которую Добровольский помнил до сих пор: «Дятлы умирают от сотрясения мозга».

«Дела», — пробормотал Добровольский и, захлопнув альбом с фотографиям и снова заглянул в секретер. Стопка его писем, шкатулка с драгоценностями — янтарные бусы, два золотых и три серебряных колечка, серьги, старинный ручной работы браслет, запонки отца, сберегательная книжка, записная, расчетная книжка за коммунальные услуги, счет за телефонный разговор. И все. Добровольский потер подбородок, подумал и заглянул в платяной шкаф, но обнаружил только стопки постельного белья, кучу платьев и кофточек да две старые сумочки. В одной нашел носовой платок, во второй — поломанные очки. Выругавшись, он прошел в гостиную и поочередно обследовал письменный стол отца, тумбочку, на которой стоял телевизор, книжные полки — пусто, ни одной бумажки, связывающей человека с внешним миром.

«Значит, пропала не только мама, но и все документы. Ловко! — Добровольский закурил, сел в кресло. — Кто мог это сделать? Пожалуй, только Глазов. Суд признал его владельцем квартиры, поэтому у него наверняка имеются ключи… Интересно, что он за птица? Мать писала, что какой-то администратор, то ли киношный, то ли театральный. Надо его пощупать…» Добровольский прошел в комнату Екатерины Васильевны, извлек из секретера записную книжку. Полистал и на страничке «Памятка владельца» обнаружил то, что искал: адрес и телефон Виктора Павловича Глазова.

«Отлично!» — Добровольский набрал номер, но долгие гудки возвестили о том, что дома никого нет. Тогда он позвонил своему школьному приятелю Вадиму Кожину, с которым разговаривал накануне вечером. Ответила секретарша.

— Фирма «Гранат».

— Будьте любезны, Вадима Николаевича.

— Кто его спрашивает?

— Добровольский.

— Минуточку.

— Жду. — Добровольский улыбнулся — приятно, когда у тебя такие могущественные и влиятельные друзья.

— Говорите, я слушаю, — раздался спокойно-благодушный голос уверенного в себе человека.

— Здравствуй. Добровольский беспокоит.

— Очень приятно! Где ты пропадаешь?

— Расскажу при встрече.

— Тогда приезжай ко мне. Покажу тебе свой офис, а затем пообедаем. У меня здесь под боком небольшой, но уютный ресторанчик. Знаешь, как называется?.. Веселее, чем твой — «У Максима». Договорились?

— Через час подъеду. Жди.

Вадим положил трубку, а Добровольский, услышав звонок в дверь, направился в прихожую.

— Кто там?

— Красин.

Добровольский впустил гостя, крепко пожал руку и, обнажив в улыбке белые фарфоровые зубы, сказал:

— Здравствуйте, Виктор Андреевич! Надеюсь, на сей раз вы не будете отрицать, что люди иногда встречаются совершенно случайно?

Красин с легким недоумением взглянул на своего бывшего подследственного, потер ладонью лоб и расхохотался.

— А ты злопамятный мужик, Игорь Николаевич, — сказал он, сразу переходя на «ты». — Очень даже злопамятный!

— Бросьте, — отмахнулся Добровольский. — Просто некоторые слова и фразы иногда запоминаются на всю жизнь. А встрече нашей я действительно очень рад. Проходите.

Красин обошел комнаты, в которых царил полнейший кавардак — ящики письменного стола выдвинуты, книги разбросаны, дверцы платяного шкафа распахнуты, вещи — на полу, — и, сдвинув брови, сказал:

— Кажется, ты что-то искал.

— Документы, — кивнул Добровольский. — После звонка Скокова я полез в секретер, где мать их обычно хранила, ни черта не нашел, психанул и устроил капитальный шмон.

— Когда они, по-твоему, пропали?

— Не знаю! — Из-под припухлых век Добровольского пахнуло

холодком. — Я только вчера приехал.

— Извини, я упустил это из вида.

Добровольский принялся наводить порядок. Быстро собрал вещи, книги, вставил в гнезда письменного стола ящики и спросил:

— Хотите пива?

— С удовольствием.

Они прошли на кухню. Добровольский поставил перед гостем банку немецкого пива, соленые орешки и задал вопрос, который Красин услышать от него совершенно не ожидал.

— Виктор Андреевич, Скоков ушел на пенсию по возрасту… А вы?

Красин давно усвоил, что откровенность рождает ответную откровенность, а так как ему требовалось проложить мостик доверия к личности клиента, то он решил распахнуть свою душу, как говорится, на всю катушку, до полных границ.

— Ошибаешься, — сказал он. — Скокова выперли из органов за то, что он отказался участвовать в организации штурма Белого дома, а меня — за солидарность.

— А какова официальная формулировка?

— По сокращению штатов, — усмехнулся Красин и, заметив на себе вопросительный взгляд Добровольского, пояснил: — Когда Министерство безопасности было преобразовано в ФСК, то следствие ликвидировали, а все дела передали в прокуратуру.

— Так это ж произвол! Прокурор всегда старался влепить подсудимому максимальный срок.

— Это мнение дилетанта. А на самом деле прокуратура к такому повороту событий оказалась совершенно неподготовленной — профессионализма не хватило. И все дела, направленные в суд, стали рассыпаться как карточные домики. Дальше больше: в мае девяноста четвертого Президент подписал Закон о статусе депутатов Федеральных собраний и Государственной Думы. По этому закону наши депутаты стали обладателями невиданного в мире иммунитета и распоясались… Дальше ехать некуда. За последний год они совершили триста тридцать четыре правонарушения, а обвинительный приговор вынесен только одному, так как убийство человека было совершено топором, такое скрыть трудно. Можно работать в таких условиях? Мы сказали: нельзя! Вот нас и выперли!

— Выходит, перестройка вам боком вышла? — откинувшись на спинку стула, спросил Добровольский.

Красин сделал глоток пива и задумался.

— «Одним концом по барину, другим — по мужику». — И

пристально посмотрел на собеседника. — А вы небось из нее пользу извлекли?

— Кого вы имеете в виду под этим «вы»?

— Коммерческие структуры. А конкретно тебя и твоего друга Владимира Петровича Пуданова. Как он, между прочим, поживает?

— Неплохо. В данный момент создает ассоциацию «Единство». Задачи обширные, но главное — следить за порядком в городе, улаживать конфликты.

— Пояснить можешь?

— Пожалуйста. К примеру, задолжала одна коммерческая фирма другой круглую сумму. Арбитражный суд будет решать этот вопрос год-два. Володя уладит дело в один день. Он — хозяин. Правда, нелегитимный, как нынче говорят, но хозяин.

— Не хозяин, а крестный отец, — фыркнул Красин. — Он пытается в масштабах города построить модель уголовно-мафиозного государства.

— Извините! — Добровольский раздраженно вскинул голову. — Однажды в поезде я познакомился с человеком, который делал маленький бизнес. Он ехал на разборку со своим соседом — в какой-то горный кишлак или аул. Пригласил меня… Приехали. Жена накрывает на стол, мой друг приглашает соседа и трех аксакалов. Застолье длилось часа три с двумя перерывами. В первый перерыв высказался мой друг, во второй — его сосед. Через полчаса аксакалы сказали: «Надир, — так звали моего друга, — ты не прав». И Надир в двадцать четыре часа вернул соседу должок. Просто? Просто. И удобно. И закон этот существует тысячелетия!

— Так это ж аксакалы, уважаемые и почитаемые в своем селении люди, — отмахнулся Красин. — А кто такой Пуданов? Вор в законе!

— Он завязал, — остановил его Добровольский. — Более того — сломал хребет всем бандитским группировкам…

— Каким образом?

— Сдал ментам.

— Подставил?

— Неважно. Важно другое: в городе теперь тихо и спокойно — ни одной разборки, ни одного выстрела. А у вас, в Москве, они гремят каждый день и на каждом углу.

Крыть было нечем. Красин чертыхнулся про себя, допил пиво и сказал:

— Игорь Николаевич, ты плохо знаешь структуру власти. Власть— это деньги! А деньги… В общем, на твоего Пуданова я гроша

ломаного не поставлю: не сегодня-завтра конкуренты его пристрелят или взорвут вместе с машиной.

— Возможно. — Добровольский нахмурился и посмотрел в окно. — Но это уже другая песня. Из цикла: «Кому живется весело, вольготно на Руси».

— Соловью-разбойнику, — пошутил Красин, чтобы как-то смягчить накалившуюся атмосферу. — Атеперь ответь: ты у Пуданова действительно наемный работник или имеешь свой процент?

— Имею. Но контрольный пакет акций принадлежит ему, — сказал Добровольский, решив, что врать по пустякам нет никакого смысла. — А почему вас это интересует?

— Хочу сопоставить кой-какие факты, — уклонился от ответа Красин. — Ты с ним поделился своим горем?

— Да.

— И что он тебе посоветовал?

«Игорь, ты — авторитет, ты обязан отомстить за смерть своей матери, — вспомнил Добровольский напутственные слова Пуданова. — Иначе не будет тебе ни сна ни покоя. И уважение людей потеряешь».

— Не помню. Посочувствовал и все.

— Ладно, — кивнул Красин. — Чем думаешь сегодня заняться?

— Хочу навестить своего старого школьного приятеля.

— Дело хорошее. — Красин встал, поблагодарил хозяина за угощение и направился в прихожую. — Только будь осторожен.

— Что вы имеете в виду?

— Сам же сказал: в Москве выстрелы гремят каждый день и на каждом углу.

Яша Колберг возился с двигателем — чистил карбюратор и, увлекшись работой, не заметил, как подошел Красин.

— Молодой человек, ваша тачка в порядке?

Яша вскинул голову, внимательно посмотрел на Красина и, не заметив признаков опьянения, решил, что у начальства от жары поехала крыша.

— Всегда в порядке, — беззлобно проворчал он.

— Яша, сейчас из этого подъезда, — Красин ткнул большим пальцем через плечо, — выйдет наш клиент — светло-серый костюм, замшевые туфли, короткая стрижка. Он, по всей вероятности, будет ловить машину, так что ты можешь предложить ему свои услуги, но не навязчиво, поторгуйся…

— Понял, — прервал его Яша. — Я должен выяснить, где и с кем

он встречается, какой марки предпочитает коньяк, кого трахает. Правильно?

— Да. Когда освободишься, позвони мне. Я тебя на работу в цирк устрою. — Красин развернулся и, не оглядываясь, зашагал в сторону метро.

Яша быстренько вогнал карбюратор на место, закрепил, убрал в багажник инструменты и со скучающим видом принялся расхаживать вокруг машины.

Добровольский вышел из подъезда минут через десять, быстренько пересек двор, посмотрел на стремительно летящий поток машин и поднял руку, надеясь поймать левака.

— Вам далеко?

Добровольский обернулся и увидел молодого парня в кожаной куртке. Он вертел на пальце ключи от «жигуленка» и дурашливо улыбался, хлопая длинными девичьими ресницами.

— В центр.

— Центр большой.

— Безбожный переулок.

Парень, продолжая улыбаться, но уже какой-то другой, расчетливой, улыбкой, вскинул голову, глядя на облака, произвел одному ему известный расчет и коротко бросил:

— Двадцать.

— Поехали.

Внешний вид «жигуленка» — неказистый, потрепанный— восторга не вызывал, но салон был отделан и оборудован по первому классу — приемник, магнитофон, радиотелефон.

— И все работает? — изумился Добровольский.

Яша — это был он — снисходительно улыбнулся.

— Вам что, рок-музыку или… что-нибудь из жизни про волков?

«А этот парень не так прост, как я подумал».

— Давай про волков.

Яша порылся в бардачке, нашел нужную кассету, вставил ее в магнитофон, нажал кнопку воспроизведения. И сразу же тишину разорвал хриплый голос безвременно ушедшего барда…

Чтобы жизнь улыбалась волкам — не слыхал, —
Зря мы любим ее, однолюбы.
Вот у смерти — красивый широкий оскал
И здоровые крепкие зубы.

Улыбнемся же волчьей ухмылкой врагу —

Псам еще не намылены холки!
Но — на татуированном кровью снегу
Наша роспись: мы больше не волки.

Добровольский взглянул на часы.
— Вы торопитесь? — спросил Яша.
— Да.

Яша включил передачу и надавил на педаль газа, одновременно вывернув руль. Машина взревела и описала круг на месте, визжа колесами. Добровольский, одобрительно хмыкнув, накинул на себя ремень безопасности. Завершив круг, «жигуленок» на секунду замер, словно зверь перед прыжком, и рванулся на простор улицы. Яша смотрел на дорогу, мгновенно фиксировал малейший промежуток в плотном потоке машин и, втискиваясь в него, в этот промежуток, как бы расталкивал нерасторопных и нерадивых водителей. И те сторонились, шарахались в стороны, интуитивно чувствуя, что за рулем этого обшарпанного «жигуленка» — профессионал, мастер, не привыкший уступать, не умеющий проигрывать.

Мы ползли, по-собачьи хвосты подобрав,
К небесам удивленные морды задрав:
Либо с неба возмездье на нас пролилось,
Либо света конец — и в мозгах перекос, —
Только били нас в рост из железных стрекоз.

Кровью вымокли мы под свинцовым дождем —
И смирились, решив: все равно не уйдем!
Животами горячими плавили снег.
Эту бойню затеял не Бог — человек:
Улетающим — влет, убегающим — в бег…

«Жигуленок», притормозив, влетел в Безбожный переулок.
— Номер дома? — спросил Яша.
— Девятнадцать.

Свора псов, ты со стаей моей не вяжись,
В равной сваре — за нами удача.
Волки мы — хороша наша волчая жизнь,
Вы собаки и смерть вам собачья!

Улыбнемся же волчьей ухмылкой врагу,
Чтобы в корне пресечь кривотолки.
Но — на татуированном кровью снегу

Наша роспись: мы больше не волки!

Яша сбросил скорость и въехал во двор, в глубине которого красовался старинный, по-видимому, недавно отремонтированный и отреставрированный особняк.

— Приехали, — сказал он, загнав машину на стоянку. Затем выключил магнитофон, посмотрел на часы и, как бы между прочим, сообщил: — Восемнадцать минут тридцать пять секунд. Для Москвы с ее пробками — это, пожалуй, мировой рекорд.

— Тебя как зовут? — спросил Добровольский, отстегнув ремень безопасности.

— Янис Колберг.

— Так ты латыш?

— По отцу. Мать русская.

— А где машину учился водить?

— В Афганистане. Возил командира полковой разведки.

Добровольский достал бумажник, выудил из него купюру в пятьдесят тысяч и положил ее на панель приборной доски.

— У меня сдачи нет, — сказал Яша.

— Врешь, — улыбнулся Добровольский.

Яша почесал за ухом.

— Вы что, физиономист?

На этот раз почесал за ухом Добровольский.

— Машина твоя?

— Моя.

— Чем занимаешься?

— Частным извозом.

— Мне на месяц нужна машина. — Добровольский снова достал бумажник и протянул Якову триста долларов. — Это — аванс. Согласен?

Глаза Яши подернулись льдистой корочкой.

— А я с тобой не влипну? — спросил он, переходя на «ты». — Ты чем занимаешься?

Добровольский расхохотался.

— Я думаю, ты не отказался бы со мной сотрудничать, даже если бы я травкой торговал.

Добровольский скрылся за массивной стальной дверью, а Яша, проводив его доброжелательным взглядом — ему понравился этот энергичный и крутой мужик, — откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза и вдруг почувствовал знакомый терпкий запах сигареты, которой однажды угостил его — там, в Афганистане — Ваня Славин.

Они прочесывали дворы, выбивая из кишлака последних душманов, не успевших соединиться с основной группой и уйти в горы. Старший сержант Колберг бежал вдоль глухого дувала, как вдруг в одном из промежутков между отдаленными и уже редкими выстрелами услышал слабый, едва различимый на слух стон. Он поднял согнутую в локте левую руку, что означало: «Внимание! Смотри в оба»! — и следовавший за ним по пятам Ваня Славин, юркий и любопытный, как мышь, паренек из-под Курска, мгновенно собрался и сменил топотную рысь на бесшумно скользящий шаг бывалого разведчика. Колберг заглянул во двор. В нос ударил трупный запах.

— Есть кто? — гаркнул он, не сводя глаз с небольших подозрительно подслеповатых окон глиняной хибары.

Стон повторился. Колберг еще раз внимательно осмотрел двор и в самом дальнем его углу заметил кучу тряпья. Куча шевелилась. Вернее, внутри нее кто-то шевелился. Но кто? Колберг, держа на мушке автомата подслеповатые оконца, за которыми могли прятаться не только перепуганные насмерть хозяева, но и застигнутые врасплох бандиты, боком пересек двор, расшвырял сапогом тряпье и увидел… обезображенный труп мужчины. У него были отрезаны уши и выколоты глаза. Рядом с ним с перерезанным от уха до уха горлом лежал подросток, которого убили, по всей вероятности, для профилактики, чтобы не мстил за отца, а между ними ворочалась, всхлипывая, маленькая, года три-четыре, девочка. Она ползала на четвереньках, закрывала и открывала рот, но голоса Колберг не слышал. Он видел только безумный взгляд и тоненькие ручонки, которые просили хлеба. Ему стало не по себе. Он положил на землю автомат и взял девочку на руки. В тот же момент тонко скрипнула дверь. Колберг вскинул голову. В дверном проеме стоял среднего роста мужчина. У него было худощавое, восточного типа, давно не бритое лицо и спокойный, может быть, чуть насмешливый взгляд. Секунду-две они смотрели друг другу в глаза. Один — торжествующе, зная, что добыча не уйдет, другой — несколько оторопело, ругая себя последними словами за беспечность: стоило лишь на миг расслабиться, потерять бдительность, контроль за обстановкой и… пожалуйста, получай по заслугам — в руках неизвестного матово поблескивал автомат.

— Стреляй, сволочь! — не выдержав жуткого напряжения, крикнул Колберг.

Сухо и твердо ударила автоматная очередь. Из-за дувала выскочил Славин, дал на всякий случай — теперь уже по подслеповатым

оконцам — еще одну очередь, осмотрел дом, убедился, что бандитов больше нема, и, выйдя на улицу, сказал:

— Девку-то отпусти — задушишь.

Колберг, все еще не веря в свое спасение, разомкнул объятия. Из груди девочки вырвался слабый стон. Одной рукой она ухватила Колберга за шею, а другой принялась гимнастерку расстегивать, словно что-то искала и не могла найти.

— Есть хочет, — деловито определил Славин. — У тебя ничего нет?

Колберг отрицательно покачал головой.

— Сиди здесь. Я мигом. — Славин выскочил на улицу и побежал назад, чтобы на окраине кишлака в цепи товарищей раздобыть хлеба. Хлеб он нашел, нашел и консервы — бычки в томатном соусе, и немного сушеного изюма, но когда вернулся, ничего из того, что он с таким трудом достал, не потребовалось: девочка умерла. Она умерла прямо на руках у Колберга, а он еще не знал об этом, он думал, что девочка заснула, и с умилением рассматривал ее узкое спокойное лицо и грязное платьице, сшитое из разных по величине и цвету хлопчатобумажных обрезков.

Вечером Колберг долго не мог заснуть. Перед глазами, как в калейдоскопе, проплывали кадры утреннего боя — обезглавленные тела, вспоротые животы с вывалившимися наружу внутренностями, девочка, которую он так и не успел накормить. «Зачем? Для чего? Кому это нужно? — беззвучно шептал он, ворочаясь с боку на бок. — Кто за это будет отвечать?»

— Выпить хочешь? — спросил лежавший рядом Славин.

— Ну ее к черту! — отмахнулся Колберг. — Утром голова трещать будет.

— Тогда пойдем покурим.

Они вышли из палатки, и Славин, тщательно проверившись, протянул ему сигарету. Колберг глубоко затянулся. В ноздри ударил сладковатый терпкий запах.

— Анаша? — спросил он.

— Кури и вспоминай дом, — сказал Славин. — А лучше девок, а еще лучше — самую любимую.

Колберг затянулся второй раз, третий… Приятно закружилась голова, исчезло чувство страха и вины за содеянное, а затем сквозь дурман, волнами набегавший на сознание, появилось лицо Тины, в которую он влюбился в десятом классе. Он ощутил ее губы на своих губах, грудь… и ему показалось, что он летит. Куда? Зачем?

Наплевать! Главное, что этот полет прекрасен, что он хоть на мгновение отторг его от кошмарной действительности, подарил радость встречи с любимой, покой и счастье…

На следующее утро Колберг понял, почему старики — солдаты второго года службы — курили на ночь анашу и больше не осуждал их — сам стал покуривать. Но самое смешное, а может быть трагическое, во всей этой истории заключалось в том, что эту травку солдаты доставали — покупали, меняли, а иногда и отнимали силой — у тех, с кем днем вынуждены были сражаться. Сражаться не на живот, а на смерть.

Яша очнулся от короткого стука костяшками пальцев по стеклу, открыл глаза и увидел Добровольского. Он стоял рядом с машиной и улыбался.

— Есть хочешь?

Яша усмехнулся.

— Я до сих пор не знаю, как вас зовут.

— Игорь Николаевич Добровольский.

— Игорь Николаевич, вы вышли не за тем, чтобы угостить меня обедом, а проверить: не смотался ли я с вашими баксами.

— Врешь! — сказал Добровольский. — Мнение обо мне у тебя сложилось хорошее, а ты меня очернить пытаешься. Зачем?

«Прямо ясновидец, черт бы его побрал»!

— Виноват, Игорь Николаевич, — скороговоркой забубнил Яша. — Я понимаю, что надо сперва подумать, а потом вякать, но у меня, к сожалению, иногда наоборот выходит.

— Опять врешь! Теперь, правда, вынужденно. — Добровольский задумчиво пожевал губами. — А на будущее запомни: умный не тот, кто красивые слова плетет, а тот, кто тонко и расчетливо действует. Идем со мной.

Они прошли мимо дремавшего на стуле охранника, свернули в приемную, где их встретила очаровательной улыбкой длинноногая секретарша с осиной талией, и оказались в кабинете, попав в который обычный советский человек чувствует себя полным ничтожеством, теряет дар речи и способность соображать.

За массивным письменным столом сидел мужчина лет сорока — сорока пяти с открытым моложавым лицом и коротким ежиком абсолютно седых волос. И это несоответствие, как и темные, горящие глаза, излучавшие энергию, притягивали и вызывали симпатию — встретив его, вы запоминали его надолго.

— Здравствуйте, — сказал Яша.

— Здравствуй! — Мужчина легко поднялся и протянул руку. — Кожин Вадим Николаевич.

— Янис Колберг.

— Очень приятно. — Кожин указал на журнальный столик. — Садись и закусывай. — И Добровольскому: — А ты можешь выпить. — Он улыбнулся и стремительно покинул кабинет.

Яша съел бутерброд с ветчиной, выпил чашечку черного кофе и спросил:

— А чем этот господин занимается?

— Конфетами торгует, — хмыкнул Добровольский. — И сигаретами.

— Без посредников?

— Без. У него прямые выходы на многие фирмы западных стран.

Яша вздохнул, и было непонятно, чего в его вздохе больше — зависти или сочувствия.

— Куда мы сейчас?

— Большой Казенный переулок.

— Это у Курского вокзала?

— Да.

— Я вас в машине подожду. — Яша встал и, не дожидаясь ответа, вышел за дверь.

Дверь Добровольскому открыл мужчина лет тридцати пяти, приятной наружности, с изысканными, отработанными долгими уроками актерского мастерства манерами и одутловатым, серого цвета лицом с темными мешками под глазами.

«Сердечная недостаточность или регулярный прием алкоголя», — определил Добровольский и спросил:

— Виктор Павлович Глазов?

— Собственной персоной. — Глазов поклонился. — А вы, как я понимаю, Игорь Николаевич Добровольский.

— Верно, — подтвердил Добровольский.

— Проходите.

Разговор с Глазовым Добровольский тщательно продумал. Для затравки — пару анекдотов, легкая, как летний ветерок, болтовня, затем — неожиданно — вопрос по существу, в лоб, не расколется — припугнуть, а может быть, и применить силу. Но Глазов разрушил его планы. Он провел гостя в кабинет, усадил в удобное, с выгнутой спинкой кресло, предложил рюмку коньяка и, когда они выпили, сказал:

— Игорь Николаевич, мне очень жаль, что все так глупо и нелепо

получилось…

— Я пришел к вам не за соболезнованиями, — взмахом руки остановил его Добровольский.

— И все-таки я чувствую себя виноватым перед Екатериной Васильевной, хотя — и вы должны это понимать — вины моей в том, что произошло, нет. Как ее здоровье?

«Он еще не знает, что мать исчезла, — подумал Добровольский. — А может быть, притворяется? Если это так, то он без всякого сомнения причастен к этому делу. Но кто он? Пешка? Или… Нет, на авторитета он не тянет — жидковат. Вон как глаза от страха бегают!»

— Спасибо, — сказал Добровольский. — Сейчас ей уже легче.

— Слава Богу, — успокоился Глазов. — Документы в Дом престарелых она уже оформила?

— Я ее отговорил.

— Почему?

— Я обещал ей выкупить квартиру.

— Какую квартиру?

— Которую вы унаследовали. Сколько вы за нее хотите?

— Ноя…

— Виктор Павлович, — прервал его Добровольский, — мы с вами деловые люди. Мне нужна квартира, вам — деньги. Семьдесят тысяч вас устроит?

— Зеленью?

— Естественно.

В глазах Виктора Павловича вспыхнул алчный огонек. Чтобы укротить его, он поспешно схватил бутылку и наполнил рюмки.

— За ваше здоровье!

— Спасибо. — Добровольский опрокинул рюмку, залпом выпил и повторил свой вопрос: — Так вас устроит эта сумма?

— Надо подумать.

— И долго вы намерены думать?

— Ну дайте мне хотя бы пару дней!

Добровольский закурил, откинулся на спинку кресла и, продолжая держать Глазова под прицелом своих внимательных серых глаз, спросил:

— Вы были женаты?

— Да.

— А почему разошлись?

— Она умерла.

— Извините. — Добровольский скользнул взглядом по книжным

полкам и, заметив в некоторых книгах газетные закладки, подумал, что хозяин любит не просто читать, но и размышлять над прочитанным. — Вы кто по профессии?

— Актер.

Добровольский почтительно склонил голову.

— И жена актриса?

Глазов кивнул и задумчиво посмотрел в окно.

— Великая актриса — Нина Гулаева.

Добровольский вдруг вспомнил цикл телепередач, суть которых прекрасно передавали строки известного русского поэта: «О людях, что ушли недолюбив, не докурив последней папиросы…» Одна из этих телепередач была посвящена памяти Нины Гулаевой, чья судьба удивительно походила на судьбу суперзвезды американского кинематографа Мэрилин Монро: в девятнадцать лет — всеобщее признание, слава, успех, в тридцать восемь — вечный покой. Как могло такое произойти? Кто в этом виноват? Система? Не сложившаяся личная жизнь (муж Нины, талантливый поэт и сценарист, не выдержав издевательств чиновников из Госкомкино — фильмы по его сценариям один за другим ложились на полку, — покончил жизнь самоубийством — повесился)? Автор передачи еще долго блуждал по темным лабиринтам неизвестности, пытаясь выяснить причину смерти Своей героини, и, обвиняя при этом всех и вся, вдруг совершенно случайно, а может быть, сознательно, обронил слово, которое мгновенно объяснило все: срывы съемок по вине Нины Гулаевой, ее бесконечные капризы, ссоры с режиссерами, друзьями, скандальные истории на страницах газет, в которые она попадала якобы по чистой случайности, и, наконец, добровольный уход из жизни — наркотики! Передозировка…

Добровольский чуть не присвистнул от удивления.

— Это та самая, которая…

— Та самая, — помрачнел Глазов.

Добровольский видел, что испортил хозяину настроение, но допроса не прекратил.

— Так это ее квартира?

— Мамина.

— Она тоже умерла?

— Да.

— Странно.

— Что «странно»? — встрепенулся Глазов.

«Все: пора брать быка за рога».

— Что ты трижды вдовец! — отчеканил Добровольский. — От чего умерла Конькова?

— Меня не было в Москве, — растерялся Глазов.

— И диагноз ты не читал?

— Вода в легких — утонула.

— А кто помог ей утонуть? Отвечай! Быстро!

Глазов испуганно отпрянул.

— Вы — сумасшедший! Я позвоню в милицию.

— Звони. — Добровольский придвинул к нему телефон. — Передумал? Тогда ответь: зачем тебе три квартиры?

— Это не ваше дело. Они мне достались по наследству.

— Не спорю, — усмехнулся Добровольский. — Но одну-то продать можешь?

— Я сказал: мне надо подумать.

— Ты хочешь сказать — посоветоваться. С кем?

— У меня своя голова на плечах.

— Своя, но — скверная! Сейчас я ее вылечу. — Добровольский взял в руки телефон, с корнем вырвал из него шнур и намотал себе на руку. — Так вот, вдовец, или ты говоришь мне, кто помог утонуть Коньковой и с кем ты должен посоветоваться насчет продажи квартиры — я думаю, что это один и тот же человек, — или больше никогда не выйдешь на сцену. Догадываешься почему? Я тебе уши отрежу! На размышление даю минуту. — Он взглянул на часы. — Время пошло…

Зрачки Глазова расширились, лоб покрылся испариной, пальцы рук мелко и противно подрагивали.

— Вы не посмеете это сделать, — пролепетал он заплетающимся от страха языком. — Я ничего не знаю, я…

— Время! — гаркнул Добровольский и… Хрясь! Телефон со страшной силой врезался Глазову в лицо. Он запоздало вскрикнул, голова бессильно свесилась на грудь.

— Сволочь! — Добровольский встал, привязал руки Глазова к ручкам кресла, захлестнул петлей горло и, пропустив шнур под креслом, связал ноги. Получилось нечто вроде смирительной рубашки: попытаешься освободить ноги — шнур стянет горло…

Добровольский выпил рюмку коньяка, налил вторую и, разжав Глазову зубы, влил ее ему в рот. Глазов закашлялся и открыл глаза.

— Я жду, — сказал Добровольский, не сводя насмешливо-презрительного взгляда с пленника. — Будешь говорить?

Глазов сделал попытку освободиться, но, убедившись, что

привязан крепко и надежно, затих, склонив набок голову.

— Значит, отказываешься. — Добровольский прошел на кухню. Когда вернулся, в его руках поблескивал острый столовый нож. — Слушай, вдовец, сейчас я для тебя Бог и совесть, и просто так я твои грехи не отпущу. За все надо платить. Так что мой тебе совет: кайся!

Глазов с трудом разлепил разбитые в кровь губы.

— Хочешь что-то сказать? — спросил Добровольский.

Глазов кивнул и, когда Добровольский склонился над ним, глубоко вздохнул и плюнул своему мучителю в лицо.

— Пусть я подохну, — прохрипел он, — но и ты сдохнешь! Тебя уже вычислили…

Добровольский, не ожидавший от Глазова такой прыти, в удивлении отшатнулся, положил нож на стол, вытер платком лицо и снисходительно улыбнулся.

— Раскололся, фраер! А теперь шепни, на кого работаешь… Как его зовут? Забыл? Сейчас вспомнишь! — Добровольский взял из буфета вторую бутылку коньяка, деловито свинтил пробку. — Открой пасть!

В глазах отшатнувшегося Глазова плескался уже не страх — ужас! Но он еще не сдался — продолжал сопротивляться.

— Зубы выбью! — предупредил Добровольский.

Глазов задыхался, отплевывался, пытался вывернуться, но все напрасно — огненная жидкость лилась и лилась, обжигая горло, внутренности, желудок.

— Воды! — прохрипел он, хватая онемевшими губами воздух.

— Имя. — Добровольский сел в кресло и закурил. — Вспомнишь — угощу боржоми, нет — мы расстанемся. До завтра. Не вспомнишь завтра, я приеду послезавтра… И каждый день буду вливать в тебя по бутылке… водки. Коньяк — это роскошь! Так что думай. Выход у тебя один: сказать имя и адрес человека, с которым ты сотрудничаешь.

Через десять минут Глазов вырубился. Добровольский вогнал ему в рот кляп — картофелину средних размеров, а губы заклеил лейкопластырем. Затем тщательно протер носовым платком все предметы, с которыми соприкасался, закрыл на ключ дверь и вышел на улицу.

— Домой, — коротко бросил он, усаживаясь в машину.

— Это куда? — спросил Яша.

— Туда, где ты меня подхватил — на проспект Андропова. И включи мне это… про волков.

Яша перемотал кассету и нажал кнопку воспроизведения. Из

динамика вырвалось:

Чтобы жизнь улыбалась волкам — не слыхал, —
Зря мы любим ее, однолюбы.
Вот у смерти — красивый широкий оскал
И здоровые крепкие зубы…

ГЛАВА 3

— День прошел, подведем итоги, — проговорил Скоков давно уже привычную для своих сотрудников фразу. — Александр Григорьевич, прошу…

Родин раскрыл блокнот, просмотрел записи, и память, словно кинолента отснятого дня, вновь вернула его в кабинет Клеопатры — так он окрестил про себя директрису агентства недвижимости «Онега» Елену Владимировну Румянцеву, стройную тридцатилетнюю женщину с умными, располагающими к откровенности глазами.

— Прошу! — Румянцева царственным жестом указала на кресло. — Чем могу быть полезна?

— Як вам по поводу одной вашей сделки, — как можно деликатнее проговорил Родин.

— Вы имеете в виду Добровольскую и Глазова?

— Да.

Румянцева склонила голову набок, задумалась.

— Александр Григорьевич, мы, конечно, можем поговорить с вами на эту тему, но… Мне кажется, что это пустая трата времени — и моего, и вашего.

— Почему вы так считаете?

— Это не я так считаю — суд. Он отдал предпочтение Глазову, ибо его завещание было оформлено раньше, чем ордер Добровольской. Суд также — на основании заключения экспертов — подтвердил подлинность документов обоих претендентов на квартиру. Вам этого мало?

Родин неопределенно пожал плечами.

— Иногда хочется увидеть лицо человека, который этот документ подписывал.

— Смотрите! — Румянцева надменно вскинула голову. — Видите?

— Разъяренную Клеопатру, — улыбнулся Родин.

— Вы что, еще и историей увлекаетесь?

— Ис-то-ри-я-ми, в которые попадают мои клиенты.

— Кто на сей раз ваш клиент?

— Игорь Николаевич Добровольский — сын Екатерины Васильевны Добровольской.

— А какое отношение он имеет к этой истории?

— Прямое. Его мать вышла из дома и… не вернулась. Я думаю, что ее постигла участь госпожи Коньковой.

— Ничего не понимаю! — воскликнула Румянцева. — Конькова утонула. А что случилось с Добровольской?

Родин указательным пальцем правой руки потер переносицу, что делал всегда, когда попадал в затруднительное положение. Он знал, что Конькова умерла, но понятия не имел, что явилось причиной ее смерти, поэтому признание Румянцевой повергло его в легкое замешательство.

— Где это случилось?

— В Пахре. На даче Глазова.

— А где в это время находился сам Глазов?

— На гастролях.

— Откуда вам все это известно?

— Как откуда? — возмутилась Румянцева. — Эта эстрадная певичка поставила нас в довольно щекотливое положение — запятнала честь фирмы, поэтому мы вынуждены были навести о ней кой-какие справки.

— И что вам удалось узнать?

— К сожалению, ничего существенного — аферистка! Это ж надо додуматься: завещать квартиру Глазову и одновременно продать ее нам! Она подставила нас! Облила грязью!

— Да, положение хуже губернаторского, — согласился Родин. — Но я хочу понять и Конькову. Она-то какую выгоду извлекла, составив завещание на Глазова?

— Прямую. Глазов завещал ей дачу.

— Значит, баш на баш?

— Вроде бы да. А дальше… Черти, пожалуй, не разберутся, что произошло дальше… Конькова продает квартиру нам и за свое коварство получает по заслугам — отдает Богу душу.

— Простите, а в чем ее коварство? Завещание в силе, жить негде… Так что смерть в ее положении — самый благоприятный и естественный выход. Вопрос в другом: кому ее смерть выгодна?

— Глазову.

— Абсолютно верно! Так что вы зря на Конькову бочку катите. Не она вас загнала в угол — Глазов!

— А доказать это возможно?

Родин снисходительно улыбнулся и нанес удар, после которого Румянцевой не оставалось ничего другого, как только протянуть ему руку дружбы.

— Я попытаюсь размотать эту историю с помощью журналистов — в «МК» ребята толковые, помогут.

У Румянцевой оказались крепкие нервы. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Она неторопливо закурила и, дав Родину почувствовать всю глубину и нежность своего взгляда, спросила:

— А нельзя ли обойтись без прессы?

— Вы боитесь, что это отразится на репутации вашей фирмы?

— Боюсь — не то слово, я просто-напросто потеряю всех клиентов.

— А каким образом вы их приобретаете?

— Вообще-то, это секрет, но если…

— Я принимаю ваши условия, — сказал Родин, убедившись, что добился своего. — Прессу к черту!

— Спасибо, — кивнула Румянцева. — Я открою вам секрет, но хочу, чтобы этот секрет секретом и остался.

Родин прижал руку к сердцу.

— Клянусь хранить его, пока меня не приберет Всевышний!

— С вами легко, — улыбнулась Румянцева, потупив взор. — Вы знаете, что русские женщины довольно высоко котируются за рубежом?

— Сидя рядом с вами, отрицать это не стал бы даже последний идиот.

— Я — исключение, — без кокетства проговорила Румянцева. — И покидать Россию пока не собираюсь. А многие не против… Ежегодно в Москве заключается около тысячи интернациональных браков. Девушки уезжают, а комнаты и квартиры остаются… Вы меня понимаете?

— Прекрасно. А как вы выходите на эти квартиры?

— Руководитель международного брачного агентства «Интерсваха» моя хорошая подруга. Я ей плачу. Неплохо плачу.

— А ларчик просто открывался, — рассмеялся Родин. — Стоит только пошевелить мозгами… А наши мужчины пользуются спросом?

— К сожалению, нет. Еще ни одна европейка не обращалась в «Интерсваху» с просьбой подыскать ей жениха.

— Печально, — хмыкнул Родин. — У нас есть неплохие мужики.

— Сидя рядом с вами, отрицать это не буду, — повторила Румянцева комплимент Родина в свой адрес, чем заставила его смущенно улыбнуться и одновременно дала право задать вопрос, на который до этого момента он едва ли решился бы.

— Вы замужем?

— А как вы думаете?

— Клеопатру в роли жены я не представляю.

— Для сыщика вы слишком умны. Что вас еще интересует?

— Адрес дачи Глазова и фамилия нотариуса, который оформлял документы Коньковой, Глазова и Добровольской.

— Номер дачи Глазова не помню, но найти ее просто: Пахра, писательский кооператив… Он сосед Голодарского, известного сценариста и драматурга. А что касается нотариуса, то… Их двое. — Румянцева выдвинула средний ящик стола, извлекла оттуда и протянула Родину две визитные карточки. — Но я не советую вам с ними беседовать — зря время потеряете.

— Почему?

— Их девиз: не брал, не видел, не слышал. И на все — стопроцентное алиби: подпись клиента. Или генеральная доверенность на имя человека, который клиента представляет. В последнем случае есть над чем поразмышлять, так как не исключен вариант, что клиент подписывал бумаги в пьяном или бессознательном состоянии. Наши же клиенты в нотариат приходили по доброй воле и все бумажки подписывали собственными руками.

— Благодарю, — сказал Родин, вставая. — Если мне потребуется консультация или совет, я могу на вас рассчитывать?

— Можете. Но мы договорились — полная конфиденциальность.

— А если мне взбредет в голову пригласить вас на обед…

— В порядке живой очереди, — рассмеялась Румянцева. — Всего доброго!

— Агентство недвижимости «Онега» для краткости обозначим Клеопатра, — сказал Скоков, выслушав Родина. — Так вот, Клеопатра, если верить Александру Григорьевичу, а ему, я думаю, верить можно, — чиста, как девственница, и еще ни один клиент в ее объятиях не умер.

— А если она лесбиянка? — высказал предположение Яша. — Лесбиянки ревнивы и коварны, как…

— Трупы на шее Глазова, — оборвал его Родин. — Надо взять его в разработку — выяснить связи, произвести обыск на даче…

— А кто тебе разрешение даст? — не без ехидства спросил Красин.

— Климов! — помолчав, решительно проговорил Родин. — Он должен возбудить против Глазова уголовное дело. Мотив — подозрение в убийстве. Если он этого не сделает, то мы очень долго будем выполнять упражнение из утренней гимнастики — бег на месте.

— Он на это не пойдет.

— Не пойдет, — согласился Скоков. — И вот по какой причине…

МАГНИТОФОННАЯ ЗАПИСЬ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА

ГЛАЗОВА В. П. И КРАКОВСКОЙ Л. Б.

Глазов: Я вас слушаю.

Краковская: Здравствуй!..

Глазов: Кто это говорит?

Краковская: Дружок.

Глазов: Людмила, ты? Тебе не надоело меня разыгрывать?

Краковская: Нет. Ты в гневе прекрасен!

Глазов: Когда ты прилетела?

Краковская: Вчера. И так устала, что сразу завалилась спать.

Глазов: Отдохнула?

Краковская: Вроде бы да.

Глазов: Ну так приезжай, расскажешь мне за Америку, я там никогда не был.

Краковская: Витенька, это страна чудес! Прав Маяковский: я хотел бы жить и умереть в Нью-Йорке…

Глазов: В Париже, дура!

Краковская: Но ребеночка-то он сделал в Нью-Йорке.

Глазов: Ну и что?

Краковская: Я тоже чуть было не сделала.

Глазов: Шутишь?

Краковская: И не думаю. Слушай… Мы с девочками, Иркой и Валей, жили в одном номере, трехкомнатном!

Глазов: Представляю… И кто был за мужчину?

Краковская: Дурак! Там только нажми кнопочку в стене над кроватью — и мужик тут как тут — Ай эм вери глэд ту си ю! Понял?

Глазов: И вы этим пользовались?

Краковская: Мы кнопки перепутали… Нажали самую нижнюю, а это вибротоки высокой частоты… Кровать начинает вибрировать, и ты вместе с ней, тело охватывает истома, легкость и…

Глазов: Засыпаешь?

Краковская: Нет, Витенька, я только глазки закрыла, а здесь Ирка кричит: девочки, кончаю! Потом — Валька. Нуйя следом. И так всю ночь…

Глазов: И сколько раз ты кончила?

Краковская: Наяву — пять, а во сне… со счета сбилась! Представляешь?

Глазов: Нет.

Краковская: У тебя всегда было плохо с воображением.

Глазов: А у тебя чересчур…

Краковская: Не хами, Витенька, я к тебе по делу… Как там моя квартирка на проспекте Андропова, скоро освободится?

Глазов: Скоро.

Краковская: А когда можно посмотреть?

Глазов: В любой день.

Краковская: В таком случае я завтра к тебе подъеду… Ну, скажем, часика в два. Не возражаешь?

Глазов: В два у меня деловая встреча.

Краковская: Виктор, ты когда-нибудь жил на Тверской?

Глазов: Жил.

Краковская: У кого?

Глазов: У тебя.

Краковская: Тогда ты должен меня понять… Я скоро с ума сойду: окна откроешь — шум, гарь, пыль, вонь, закроешь — крематорий! Так что отмени свои делишки и жди меня ровно в два. Я тебе удовольствие устрою…

Глазов: Как в Америке?

Краковская: Как в Америке, не получится, поэтому приготовь тонизирующий напиток. До встречи!

Глазов: До встречи!

18 августа 1995 г. 16 час. 43 мин.

СПРАВКА НА КРАКОВСКУЮ Л. Б.

Краковская Людмила Борисовна, 1955 года рождения, еврейка, образование высшее. В 1977 году закончила ГИТИС. С 1977 года по настоящее время работает в Московском молодежном театре. Заслуженная артистка РСФСР.

В 1974 году Людмила Краковская, будучи студенткой ГИТИСа, неоднократно задерживалась работниками правоохранительных органов в гостиницах «Москва», «Интурист», «Советская» за связь с иностранцами. В 1975 году — взята на учет «2-м Отделом по раскрытию половых преступлений» МУРа. В 1980 году — накануне Московской Олимпиады — «убыла в распоряжение КГБ».

Заместитель начальника
2-го отделения 3-го отдела МУРа
майор милиции СМОРОДКИН В.С.

— Вот это кровати! — восхищенно цокнул языком Яша. — Они действительно существуют, или она ему лапшу на уши повесила?

— Существуют, — расхохотался Красин. — Но не кровати, а виброматрасы. Полежать на таком минут двадцать — действительно

удовольствие: мышцы расслабляются, и ты отдыхаешь, а если ночь или две, то это пытка: заснуть не можешь.

— Значит, кайф в принципе словить можно?

— Давайте по существу, — недовольно проворчал Скоков, взглянув на часы.

— Баба с возу — кобыле легче, — усмехнулся Красин. — Я понятно выразился?

— Не очень, — сказал Яша.

— Климов вполне созрел для того, чтобы возбудить против Глазова уголовное дело, но не будет этого делать до тех пор, пока не выяснит, кто был с ним в связке.

— Теперь понял, — сказал Яша. — Мы очень культурненько подбросили муровцам Глазова, и они в него вцепились… Точно вцепились! Могу это подтвердить. Семен Тимофеевич, когда Добровольский вышел от Глазова и я повез его домой, то мне на хвост сел темно-синий «жигуленок». Я сперва не обратил на него внимания, но когда он доскакал со мной до метро «Коломенское», я насторожился и на всякий случай срисовал его номер — Ю 47–10 МН.

— А чего ж ты до сих пор молчал? — всполошился Скоков.

— Я сомневался. Подумал — случайность…

— В нашей работе, Яша, случайностей не бывает! Если за тобой три квартала прет чужая машина, значит, ты кому-то нужен.

Скоков придвинул к себе телефон, набрал номер Климова. Трубку взяла секретарша.

— Здравствуй, Лида!.. Климов у себя?… Дай мне его, пожалуйста… Костя, сегодня за Яшкой на Большом Казенном увязался темносиний «жигуленок». Это твои ребята?

— Нет. Решение пустить за Глазовым «глаз» мы приняли только десять минут назад. Смородкин им займется…

— Тогда срочно выясни у гаишников, кому принадлежит машина с номером — Ю 47–10 МН.

— Слушаюсь, господин полковник! — хохотнул Климов, забыв, что слово «господин» приводит Скокова в ярость.

— А чего ты веселишься? — вкрадчиво спросил Скоков.

— Клев пошел, — мгновенно утихомирился Климов. — У вас блокнот под рукой?

— Да.

— Пишите…

МАГНИТОФОННАЯ ЗАПИСЬ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА

ГЛАЗОВА В. П. И РУМЯНЦЕВОЙ Е. В.

Румянцева: Говорите.

Глазов: Здравствуйте, Елена Владимировна! Глазов беспокоит, Виктор Павлович.

Румянцева: Догадалась…

Глазов: Елена Владимировна, я хотел бы искупить свою вину перед вами…

Румянцева: Каким образом?

Глазов: Предложить вам шикарную трехкомнатную квартиру на Тверской…

Румянцев: Кто хозяин?

Глазов: Людмила Борисовна Краковская…

Румянцева: Она уже составила на вас завещание?

Глазов: Елена Владимировна, побойтесь Бога!..

Румянцева: Оставьте Бога в покое. И меня. Вы — нечистоплотный человек, Глазов! Где пройдете — там и наследите. Я не желаю иметь с вами ничего общего! И прошу вас больше мне не звонить!

— Я должен был это предвидеть! — Родин выругался, легонько пристукнув кулаком по столу.

— Допустим, — кивнул Скоков. — Твои действия?

— Я бы склонил Румянцеву к сотрудничеству — уговорил принять предложение Глазова и… Остальное — дело техники…

— А тебе не кажется, что весь этот разговор — туфта? Ведь Глазов прекрасно знал, что его пошлют к чертовой матери! Но позвонил… Почему?

— Вы хотите сказать, что он действует по чьей-то указке? — спросил Красин.

— Не исключаю.

Красин пожал плечами, посмотрел на Родина и улыбнулся.

— Не огорчайся. Завтра-послезавтра твой Глазов найдет себе нового покупателя и… На этот раз, я думаю, ему не вывернуться.

— Посмотрим. — Скоков собрал со стола бумаги и спрятал в сейф. — До завтра, други мои!

— А что завтра? — спросил Родин, вставая.

— Будет день — будет пища, — сказал Скоков, направляясь к выходу. — А хочешь Краковской займись. Она, по-моему, еще в работе.

— А что именно вас интересует?

— Каким образом эта барышня отхватила квартирку в центре Москвы, в двух шагах от «Интуриста».

— Она заслуженная артистка России.

— Заслуженной она стала, когда устроила удовольствие режиссеру, а квартиру ей гэбэшники дали. — Скоков резко обернулся. — Кто? Кому ее передал Редькин из рук в руки?

— Выяснить это несложно, — сказал Родин. — Но… Мы ведь не Краковскую ищем — Добровольскую.

— Спасибо за информацию, — язвительно заметил Скоков. — Добровольскую тебе завтра Климов на блюдечке с голубой каемочкой преподнесет. А чем мы его отблагодарим? Еще одним трупом? — Он ядовито усмехнулся и перевел взгляд на Якова. — Подбросишь до хаты?

— Только с разрешения Добровольского. — Яша развел руками и улыбнулся. Не выдержали и Красин с Родиным — умел он, черт, улыбаться!

ГЛАВА 4

Легко говорить о смерти, когда абсолютно здоров. Сей афоризм Глазов вспомнил, когда открыл глаза и вынырнул из обморочного состояния, в которое поверг его Добровольский. Руки и ноги, перетянутые шнуром, онемели, голова трещала— то ли от удара по лицу телефонным аппаратом, то ли от коньяка, которым Добровольский насильственно наполнил его желудок, скулы ломило от загнанной в рот картофелины, нос, набитый засохшей кровью, с трудом втягивал застоявшийся комнатный воздух, печень при каждом вздохе-выдохе взбухала, упиралась во что-то острое, и тогда по всему телу прокатывалась тупая ноющая боль. Но все это было ничто по сравнению с жаждой. Организм не просил — требовал воды, грозя коротким замыканием и пожаром, и Глазов ругал себя последними словами за свое ослиное упрямство в разговоре с Добровольским, уже искренне не понимая, почему сразу не сообщил ему то, что самого так долго мучило, приводило в недоумение, заставляло по ночам вскакивать с кровати и мерить до утра неровными шагами комнату.

Дети актеров, музыкантов и других творческих профессий совершают в своей жизни, как правило, одну и ту же ошибку — идут по стопам родителей. Не избежал этой ошибки и Виктор Глазов. По протекции отца, народного артиста СССР Павла Глазова, он поступил в театральное училище и, проучившись четыре года, получил свободный диплом, который давал право остаться в Москве, но не гарантировал работы — желающий выйти на сцену столичного театра должен был пройти конкурс. Виктор — опять-таки не без помощи отца — одолел и это препятствие и, став полноправным членом труппы Московского молодежного театра, в скором времени заработал самое обидное для актера прозвище: Штаны — бездарь. И бросился за разъяснениями к главному режиссеру. Тот спокойно выслушал его и спросил:

— Витенька, ты у кого мастерству учился?

— У Щеглова! Он народный артист СССР!

— Народный-то он народный — сказал Главный, — но человек — бесхарактерный! Он тебе жизнь искалечил!

— Не понял, — оторопел Виктор.

— Сейчас поймешь, — продолжал Главный. — Он тебя должен

был выгнать из училища после первого курса, но не выгнал — пожалел, а может быть, не захотел портить отношений с твоим покойным батюшкой, царство ему небесное, и помог тебе стать тем, кем ты стал — актером одной роли. Ты можешь играть, но только самого себя— красивого, самонадеянного баловня! А Плюшкина, подлеца Молчалина — увы! Нет в тебе дара перевоплощения.

— И что же мне теперь делать? — еще не понимая, что разговор окончен, спросил Виктор.

— Тебе сколько лет?

— Двадцать шесть.

— Вся жизнь впереди, — усмехнулся Главный. — Займись чем-нибудь другим.

«Лучше уж застрелиться», — подумал Глазов-младший, выходя из кабинета.

Вскоре Глазову надоело играть «голоса за сценой» (ничего другого Главный ему больше не предлагал), и он перешел в Театр киноактера — последнее пристанище для спившихся и отчаявшихся встать на ноги актеров. Там он познакомился с Ниной Гулаевой — бывшей советской кинозвездой, бывшей законодательницей мод, бывшей женой добровольно ушедшего из жизни талантливого сценариста и поэта Ильи Ветрова.

После смерти мужа Нина стала пить, а затем — принимать транквилизаторы, незаметно втянулась и, боясь огласки, уползла в кусты — спряталась, как раненый зверь, в своей трехкомнатной квартире на Большой Бронной. И вскоре все хорошее и замечательное, что сделала она в этой жизни, стало определяться приставкой «экс». Ее покинули друзья, все реже звонили режиссеры, сценаристы…

Именное этот момент Глазов и познакомился с Ниной. И влюбился. Нина, которая страдала от одиночества, да и плоть требовала своего — ей было всего тридцать восемь, — ответила взаимностью.

Характер человека определяет ситуация. Живет, например, какой-нибудь Иван Иванович, работает, разводит рыбок, по вечерам рассуждает о демократии, внеземных цивилизациях, но кто он, хороший человек или плохой, вы не узнаете до тех пор, пока не наступит ситуация, которая проявит его характер.

Характер Глазова, вернее, его сущность, проявился тогда, когда он понял, что Нина — наркоманка, именно в этот момент в его голове созрел чудовищный по своей жестокости и подлости план…

Через месяц Глазов и Нина зарегистрировали свои отношения в ЗАГСе. Глазов переехал к жене, естественно, прописался и окружил ее

поразительным вниманием и заботой — взвалил на себя труд по приобретению наркотиков, в которых Нина нуждалась теперь ежедневно. Однажды, будучи уже в невменяемом состоянии, она попросила дать ей намбутал. Глазов сыпанул в стакан тройную дозу и уехал к приятелю на день рождения.

Нина Гулаева заснула. Навсегда.

Врач, делавший вскрытие, подтвердил первоначальный диагноз: передозировка!

Добровольский вошел в комнату, вытащил у Глазова изо рта кляп и, очевидно, уже зная ответ, весело спросил:

— Виктор Павлович, что будем пить — водочку или боржоми?

— Боржоми, — пробормотал Глазов.

— Правильно! Как говорил один мой хороший знакомый, водку по утрам пьют только сутенеры и шантажисты — они живут за чужой счет, их совесть мучает, а мы с вами зарабатываем хлеб в поте лица. Правильно?

На столь деликатный вопрос Глазов предпочел не отвечать.

— Молчание — знак согласия, — продолжал весело бубнить Добровольский. — Я знал, что мы поладим. — Он развязал Глазова, позволил ему утолить жажду, позавтракать, привести себя в порядок — умыться, переодеться, заклеить лейкопластырем разбитую бровь и только тогда продолжил начатый еще накануне разговор.

— Виктор Павлович, с вашей первой женой, Ниной Гулаевой, все ясно — наркоманка. Как я понял, она начала принимать транквилизаторы еще до знакомства с вами. Верно?

— Верно.

— Вы не пытались ей помочь?

— Помогать тому, кто сдался, — пустая грата времени.

— Согласен. Теперь Конькова… Вернее, любовный треугольник: Конькова — Глазов — агентство «Онега». Кто был его организатором?

— Вы слишком глубоко копаете, — усмехнулся Глазов. — Никаких тайных обществ, никаких заговоров… Все выглядело гораздо проще. Конькова — эстрадная певица, репертуар — русские народные песни и романсы. Раньше ее слушали с удовольствием, сегодня — увы! Сегодня все захлестнул ритм! На слова — плевать! Любые сойдут! Конькова осталась без работы. А есть хочется, вот она и приплелась в эту трижды проклятую «Онегу». И я там оказался по той же причине — Театр киноактера приказал долго жить… Условия в «Онеге» нас устраивали: десять процентов со сделки, а главное — работа с домашнего телефона. Сиди и названивай, а вечером —

квартиры смотри… Так что никакого треугольника не было. Как не было у меня и романа с Ритой. Просто однажды мы поняли, что нужны друг другу, и заключили союз, а проще — сделку: я ей завещал свою дачу в Пахре, она мне — квартиру. А мою квартиру стали сдавать…

— Кто был инициатором этой сделки?

— Конькова. Она же потом и предложила продать квартиру. Через «Онегу».

— Зачем?

— Захотелось мир посмотреть… Босфор, Дарданеллы, Средиземное море… Стамбул, Марсель, Париж, Рим…

— Вы были не против?

— Я что, похож на круглого дурака? — печально усмехнулся Глазов. — Я рысью помчался оформлять документы, но…

— Что «но»? — не выдержал Добровольский. — Можно конкретнее?

Дальнейшее конкретизации не поддавалось — походило на кошмарный сон, поверить в который мог бы только сумасшедший.

Однажды Глазову явилась во сне его драгоценная Маргарита Петровна. Смеясь и радостно вскрикивая, она стремительно летела на водных лыжах по зеленоватой глади Средиземного моря. Солнце слепило ей глаза, ветер трепал рыжие волосы, и Глазов, наблюдая за ней, подумал: «Много ли человеку надо? Пожил недельку в Неаполе, прошвырнулся по магазинчикам, в которых есть все, что только может присниться, накупил чужеземных безделушек и — счастлив!» И, позавидовав чужому счастью, он пожелал любимой сломать шею.

В ту же секунду кадр из этого удивительного сна-фильма сменился, и Глазов увидел, что катер обогнул мол, а Маргарита Петровна, которая летела вслед за ним, не успев выполнить разворот, врезалась на полной скорости в его бетонный угол…

Глазов вскрикнул и открыл глаза. Стандартный номер стандартной совдеповской гостиницы — шкаф, кровать, тумбочка, а над столом — шишкинские медведи, с удивлением взирающие на очередного затюканного жизнью постояльца.

Глазов вспомнил, что он в Ярославле, что вечером ему играть какую-то роль в «Иване Грозном», чертыхнулся и нехотя встал. Подумал: «Может выпить?»

Затрещал телефон. Глазов снял трубку и, услышав, что его вызывает Москва, несказанно удивился — «Кому потребовался? Зачем?» Но еще больше удивился, когда ему сообщили, что его драгоценная Маргарита Петровна преставилась — утонула в его

родимой Пахре, речке хоть и быстрой, но мелкой и для купания совершенно безопасной.

«Сон в руку, — подумал Глазов. — Судьба!» Он спустился в буфет и теперь уже с полным на то основанием выпил стакан армянского коньяка.

Недели через три после этого события Глазов, роясь в своих бумагах, совершенно случайно обнаружил завещание Коньковой, перечитал его, подумал и отправился к юристу.

— Квартира — ваша, — изучив документы, убежденно проговорил юрист. — Ордер Добровольской оформлен позже, поэтому юридической силы не имеет.

— Вы можете заняться этим вопросом?

— Если будет вознаграждение… Нет проблем!

Глазов выиграл процесс и снова, вторично, стал обладателем квартиры Коньковой.

Добровольская с поражением не смирилась. Она заявила, что агентство «Онега» должно возместить ей убытки, и обратилась за помощью в газету. В тот же день к Глазову пожаловал корреспондент.

— Как долго вы жили с Коньковой?

— Больше двух лет.

— Квартиру она продала с вашего ведома?

Глазов ответил так, как научил его юрист-адвокат.

— Конькова своими планами со мной не делилась.

— Значит, вы об этом ничего не знали?

— Выходит, так.

— В таком случае в дураках агентство «Онега» — оно не имело права продавать квартиру, которая принадлежала вам. Поэтому вы должны…

— Я ничего никому не должен, — спокойно возразил Глазов. — А кто виноват — агентство «Онега» или Добровольская — пусть решает суд. А меня прошу оставить в покое.

Глазов с трудом отделался от настырного журналиста, пожелал банкротства агентству «Онега» и скорой смерти Добровольской, которая хоть и не имела к нему претензий, но выставила далеко не с лучшей стороны, намекая на его сговор с Коньковой.

Через несколько дней пожелание Глазова сбылось — Добровольская как сквозь землю провалилась. Вышла из дома и… с концами, только ее и видели!

На этот раз Глазовым овладел не просто страх — ужас. Он уже не знал, что и думать — то ли он действительно обладает телепатической

силой, способной умерщвлять людей, то ли есть кто-то, кто повинуется ему, как Джин из бутылки, беспрекословно выполняя его приказы. Так это или иначе, но виноват в любом случае он, Глазов! И, видимо, ему придется и расплачиваться. И за смерть Коньковой, и за смерть Добровольской!

Глазов засыпал с этой мыслью и просыпался. Утром чувство вины пропадало, вечером — возвращалось, и он, размышляя над этим феноменом, в конце концов пришел к выводу, что все случившееся с ним — отмщение за Нину, возмездие, которое обрушилось на него свыше.

— Вы мне верите? — с надеждой в голосе спросил Глазов.

— Хочу верить, — сказал Добровольский. — И поверил бы, если бы не читал в детстве Николая Васильевича Гоголя — «Вий»!

Глазов неожиданно рухнул на колени, осенил себя крестным знамением.

— Все, что я сказал, правда. Клянусь!

— Теперь мелодрамой попахивает, — язвительно заметил Добровольский. — Встаньте!

Глазов медленно, с трудом поднялся. Взъерошенный, с разбитой физиономией, с перепуганными насмерть круглыми глазенками он был похож на карманного воришку, пойманного на месте преступления.

Добровольский улыбнулся.

— Вы не находите, что ваша квартирка сильно смахивает на булгаковскую — в ней только говорящего кота не хватает?

— Я и сам об этом уже думал, — кивнул Глазов. — Чертовщина какая-то!

— Любопытная ситуация… — Добровольский задумчиво закружил по комнате, пытаясь представить в своем положении ментов, от которых всю жизнь бегал. Что бы они предприняли? В какую сторону навострили бы лыжи? По всей вероятности, постарались бы выяснить, кто, кроме Глазова, был заинтересован в исчезновении Коньковой и его матери. Действительно, кто? Но сколько ни ломал голову над этим вопросом, ответа не находил и в конце концов пришел к довольно странному, впечатляющему для себя выводу: работа у ментов — умственная, ибо им, прежде чем броситься в погоню за нарушителем, необходимо определить дорогу, по которой этот нарушитель дернул, а дорог у последнего — до и больше!

Добровольский сочувственно щелкнул пальцами, вытащил из спортивной сумки телефон, который он привез Глазову вместо разбитого накануне, подключил к сети и, услышав гудок, набрал номер

Скокова.

— Здравствуйте, Семен Тимофеевич! Добровольский беспокоит…

— Очень приятно. Не могли бы вы ко мне в контору подъехать?

— Не составит труда.

— Спасибо. Жду вас.

Добровольский положил трубку, взглянул на часы, затем — на Глазова.

— Виктор Павлович, у меня к вам просьба: не выходите, пожалуйста, из дома до моего звонка.

Глазов печально усмехнулся.

— Куда же я с такой физиономией пойду? В театр?

— В театре вас, пожалуй, не поймут. Вы правы. А вот любимая женщина, возможно, примет и пожалеет. Есть у вас таковая?

— Мне не до шуток, Игорь Николаевич. Я сейчас чувствую себя повешенным, у которого лопнула веревка и который чудом остался жить.

— Вам что, приходилось играть на сцене декабристов?

— Приходилось.

Добровольский презрительно фыркнул.

— Все мы задним умом крепки! — Он хлопнул дверью и заспешил вниз, на улицу, где его терпеливо ждал Яша Колберг.

Секретно
Начальнику
2-го отделения 3-го отдела МУРа
подполковнику милиции КЛИМОВУ К И.

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

На Ваш запрос сообщаю: машина марки «Жигули» номер Ю 47–10 МН зарегистрирована на г-на Кожина Вадима Николаевича, проживающего по адресу: Москва, Лялин пер., д. 8, кв. 37.

Заместитель начальника ГАИ МВД — УВД г. Москвы
полковник милиции СУРИН Н. С.

— Ничего не понимаю, — сказал Красин. — Добровольского возит Яшка… А зачем ему сопровождение?

Климов не сразу уловил суть вопроса: с него еще не схлынула злость после разговора с Добровольским, который своей самодеятельностью — допросом Глазова — перепутал ему все карты, поэтому, прежде чем ответить, он автоматически повторил вопрос и только тогда, усмехнувшись, задумчиво проговорил:

— Объяснил так: охрана!

— Понятливый сукин сын! — вздохнул Красин и, помолчав, признался: — Это я ему посоветовал соблюдать крайнюю осторожность.

— С моей подачи, — сказал Скоков и, выстрелив в потолок указательным пальцем, спросил: — Врет Глазов или нет? Как думаешь, Александр Григорьевич?

— Я ему верю.

— А ты, Виктор Андреевич?

Красин ответил витиевато.

— Скажем так: частично. Руки у него чистые, но кто помог перебраться на тот свет Коньковой и Добровольской, он, по-моему, знает.

— Не знает, — возразил Климов. — Поэтому у него крыша и поехала. И у нас поедет: мы тоже не знаем своего визави. Он нас знает, а мы его — нет!

— С кем же мы тогда сражаемся? — спросил Родин. — С ветряными мельницами?

— Пока да.

Скоков постучал карандашом по столу.

— Агентство недвижимости «Онега» мы для удобства обозначили — Клеопатра, которая, как вам известно, была царицей Египта и женой римского императора Марка Антония. Чтобы не нарушать эту, так сказать, историческую симметрию, я предлагаю окрестить нашего невидимого противника его именем. Возражений нет?

— Крутая связка, — мгновенно ощетинился Родин. — Вы действительно думаете, что Клеопатра замешана в этом деле?

— Мои слова — информация к размышлению. Не более. А пока вопрос: каким образом Антоний вычислил нас?

— Он вычислил не нас — правоохранительные органы вообще, — сказал Красин. — Он понял, что засветился…

— Где именно?

— На квартире Добровольской, когда спер ее документы.

— Зачем они ему потребовались?

— После исповеди Глазова вопрос решается однозначно: чтобы оградить Клеопатру от посягательств Добровольской.

— Допустим. Дальше.

— Повторяю, — сказал Красин. — Антоний понял, что засветился, понял, что правоохранительные органы должны заинтересоваться его деятельностью, и решил подстраховаться — сдать Глазова. Расчет оказался верным — Климов заглотил крючок.

— Вот это да! Без меня меня женили! — взвился Климов. — Это ж когда я его заглотил?

— Вчера, — поддел Скоков. — Во время клева.

— А сегодня — выплюнул, — усмехнулся Красин. — Как узнал, что Глазов — пустышка, так и выплюнул.

Климов закрутился, как уж на сковородке, бросил на Красина гневный взгляд и вдруг, успокоившись, что было довольно странно, примирительно спросил:

— А кто тебе сказал, что я его выплюнул? — Он закинул нога на ногу и с вызовом скрестил на груди руки. — Я его проглотил! Зачем? Чтобы доставить тебе и Антонию удовольствие — смотрите, любуйтесь на дурачка с Петровки!

— Свою принадлежность к дуракам необходимо доказать, — вскользь заметил Скоков.

— За это не волнуйтесь. День только начался — докажу.

— Каким образом?

— Арестую Глазова.

— За что? Ты ведь теперь знаешь, что он не причастен ни к смерти Коньковой, ни к исчезновению Добровольской.

— А подозревать я имею право?

— Имеешь. Но от твоих подозрений адвокат не оставит камня на камне, и ты вынужден будешь отпустить Глазова под залог.

— Ну и выпущу, — глуповато улыбаясь, ответил Климов. — Месяца через три. А пока он у меня во внутренней тюрьме посидит. Хороший урок для человека, который свою собственную жену наркотиками подкармливал!

— Значит, ты три месяца будешь под дурака косить, а мы… ловить Марка Антония, которого последний раз видели в Александрии в тридцатом году до новой эры. Ловко!

— И вы сами этого хотели. — Климов придвинул к себе телефон и связался со своим заместителем майором Смородкиным.

— Виктор Сергеевич, оформи в темпе две бумажки… Одну, значит, на арест Глазова, вторую — на обыск в его квартире и на даче… Можейко подпишет, он даже обрадуется такому повороту событий… Понял почему?.. Тогда действуй, арестуй этого прохвоста, засади для устрашения в подвал, а вечером мы с ним побеседуем. Все! Будь здоров и не кашляй!

Климов положил трубку и весело спросил:

— Ну, кто из нас дурак?

— Добровольский, — отшутился Родин.

— И Добровольский, — поправил Климов. — И, пожалуйста, передайте ему, что если он еще раз сунет нос не в свое дело, то я его посажу рядом с Глазовым. Весь свой отпуск в одиночке просидит!

— Он-то нормально просидит, — улыбнулся Красин. — Ему не впервой. А вот мы на хлеб и воду сядем.

— Во где собака зарыта! — расхохотался Климов. — Платон мне друг, но… клиент дороже! — Он взглянул на часы и встал. — Приношу свои извинения, но мне пора — совещание! Александр Григорьевич, что завтра собираешься делать?

— Думать.

— А ты на ходу думать умеешь?.. Не нервничай! Вижу, что умеешь. Поэтому предлагаю прокатиться завтра на дачу к Глазову — небольшой шмон для подтверждения его невиновности не повредит. Согласен?

— Согласен, — кивнул Родин.

ГЛАВА 5

Никогда не путайся с женщиной, у которой проблем больше, чем у тебя самого. Сей афоризм, неизвестно, кем сказанный и неизвестно, где слышанный, Родин вспомнил, собираясь на свидание с Кудимовой. Спровоцировал его на это свидание Скоков. Мастерски спровоцировал. Но об этом Родин догадался только утром следующего дня, когда его разбудил телефонный звонок, и он, открыв глаза и осмотревшись, обнаружил себя в постели… Кудимовой.

— Я вас слушаю.

— Доброе утро.

— Доброе, — опешил Родин, узнав голос Скокова.

— Как себя чувствуешь?

«Интересно, каким образом он прознал, что я здесь?»

— Нормально.

— Это хорошо, — язвительно заметил Скоков. — Тебя Климов разыскивает.

— На предмет?

— Искать хрен с редькой на даче Глазова.

— Я эти овощи не употребляю.

— Я тоже, — хмыкнул Скоков. — Но на стол их нам подадут.

— Кто?

— Марк Антоний.

— Вы хотите сказать, что на даче Глазова мы обнаружим доказательства его вины? Я вас правильно понял?

— Я так думаю. — Скоков прикурил. Родин слышал как он чиркнул спичкой и, как бы между прочим, сказал:

— Для Климова это будет полной неожиданностью.

— Да, такого расклада он не ожидает, — согласился Скоков. — И ты должен подыграть ему.

Родин тихо выругался. Ему стало обидно за друга, которого вчера так тихо, красиво, без шума и пыли сделали. И кто? Его бывшие учителя — мастер сыска полковник Скоков и следователь по особо важным делам Красин. Они ловко и умело, словно два бывалых наперсточника, разожгли в своем ученике охотничий азарт — сыграли на его самолюбии, — Климов, открыв первый стаканчик, попался — пусто! Здесь бы ему, дураку, и остановиться, сказать: стоп! приехали!

Не тут-то было, он уже вошел в раж и через десять минуть просадил все, чему его так долго и терпеливо учили: умение логически мыслить, выжидать, считать ходы противника, в общем, свое профессиональное мастерство. И совершил непростительную ошибку: арестовал ни в чем не повинного Глазова. Именно этого хотел Марк Антоний. Именно этого добивались Скоков и Красин.

«Великолепная комбинация! — подумал Родин. — Теперь они желают, чтобы Климов совершил вторую ошибку: посадил Глазова. Пожизненно. За преднамеренное убийство меньше не дадут». И он, Родин, должен им в этом деле помочь.

— Чего молчишь? — не выдержал Скоков. — Жаль друга?

— Семен Тимофеевич, Костя, когда узнает правду, с горя повесится.

— Костя — волк тамбовский, не повесится, — рассмеялся Скоков. — Так что мне ему передать?

— А он где?

— У себя в конторе.

— Я ему сам позвоню.

— А вечером — мне. Будь здоров!

Родин дал отбой и соединился с Климовым, который мгновенно вылил на него еще не расстраченный с утра начальственный гнев.

— Где ты болтаешься?

— Коломенский проезд, дом семь.

Климов, мгновенно остыв, поинтересовался:

— Это что, вытрезвитель или женское общежитие?

— Театр драмы Красногвардейского района.

— Понятно, — сказал Климов, сообразив, что его разыгрывают. — Наш договор в силе?

— Конечно.

— Где встретимся?

— На даче Глазова. Я своим ходом доберусь.

— Буду ждать.

Родин положил трубку, накинул халат и прошел на кухню. На столе обнаружил записку:

«Телохранитель, курица — в духовке, кофе — на плите. Разогрей. И не забудь принять душ, Сперва горячий, а потом — холодный. До вечера.

Королева Марго».

Родин улыбнулся и побрел в ванную. И сделал так, как

посоветовала Марго — горячую воду чередовал с холодной. Минут через двадцать боль в висках стихла, организм задышал, задвигался, стал медленно, но верно набирать рабочие обороты. Прекратил свои нравственные вопли и внутренний голос, который всю ночь доказывал, что он, Родин, связавшись с этой бабой, осложняет себе жизнь. В общем, после выпитого кофе и съеденного цыпленка все было тик-так, как говорил Костя Климов, — часы пошли.

Родин закурил, перевернул записку и на обратной стороне написал:

«Марго! До сегодняшнего дня я думал, что в королевах здравого смысла гораздо меньше.

Телохранитель».

«Дурак!» — тихонько пискнул внутренний голос.

Машина стояла во дворе. Родин запустил движок и помчался в Пахру — на дачу к Глазову, который в данное время отдыхал в Доме предварительного заключения на Петровке, тридцать восемь и который еще не знал, что отдыхать таким образом ему предстоит всю жизнь, если, конечно, Скоков и Красин, а теперь, выходит, и он, Родин, не докопаются до правды и не отыщут этого трижды проклятого Марка Антония.

Выскочив на Калужское шоссе, Родин до отказа вдавил в пол педаль акселератора и в который раз подумал: «А все-таки каким образом Скоков вычислил меня, как узнал, что я у Кудимовой?» Простенький вроде бы вопрос, но чтобы ответить на него, Родину пришлось открутить ленту назад и вернуться во вчерашний день, в тот его момент, когда Климов, хлопнув дверью, покинул кабинет Скокова…

— Не ожидал от него такой прыти, — после продолжительного молчания сказал Красин. — Раз-два и — в дамках!

— Он думал, вы в русские шашки играете, а вы — шахматисты, — язвительно проговорил Родин. — Семен Тимофеевич всегда считает на много ходов вперед.

Скоков, уловив в голосе Родина горечь и осуждение, снисходительно изрек:

— За друга не беспокойся — вывернется. А по дороге еще и полковничьи погоны прихватит.

Родин удивленно вытаращил глаза и принялся размышлять. «С арестом Глазова дело Коньковой — Добровольской закрывается и «действующие» официально выходят из игры. Кто в этом заинтересован? В первую очередь Климов — полковничьи погоны

светят. Ха-ароший стимул для человека в тридцать пять лет! А Скоков? Он-то кого танцует? Надеется, что Климов сыщет ему труп Добровольской? Нет, он муровцев за дураков держит, как и… Антоний! Да-а, полковник наш рожден был хватом… И что мы с этого имеем? Антоний обнаглеет, выпустит щупальцы-присоски и… Браво, господин Скоков! Жертву мы ему подкинем…»

Вечером того же дня, еще не понимая, что действует по указке Скокова, Родин позвонил Кудимовой.

— Я вас слушаю. — Голос Кудимовой звенел, как туго натянутая тетива.

— Марго, тебя, по-моему, кто-то крепко разозлил, — сказал Родин вместо приветствия. — Кто?

— Климов! — выругалась Кудимова. — Твой ученик и твой дружок Климов!

— Чем?

— Я ему посоветовала взять на кнопку телефон Краковской. А он мне: «Твой номер восемь, когда надо спросим». Ты понял? Года три назад он жаловался Скокову: «Самое большое на что я способен, это регулировать светофор на каком-нибудь безлюдном перекрестке». А теперь у него — собственное мнение. Нацепил лакированные ботинки — и, пожалуйста, демократ! Вот из-за таких демократов у нас демократия корытом и накрылась!

Еще в институте Родин шутил: «Вода кипит при ста градусах, Кудимова — при температуре нормального человеческого тела — тридцать шесть и шесть. — И после паузы: — Ребята, дайте ей выговориться, иначе мы тоже закипим». И ребята, чтобы дать Кудимовой выпустить пар, послушно замолкали.

— …Сидит, понимаешь, в Думе тыща двести демократов, — продолжала кипеть Кудимова, — и у каждого — собственное мнение! Ты представляешь? У каждого! Результат, естественно, как у дедушки Крылова: «Однажды Лебедь, Рак да Щука…»

— «И как, друзья, вы не садитесь, а в музыканты не годитесь», — рассмеялся Родин. — Марго, нам нужно встретиться.

Кудимова от столь неожиданного предложения замолчала — видимо, переваривала услышанное, затем с напускным спокойствием спросила:

— Ты назначаешь мне свидание?

— Да.

— Обалдеть можно! Где и во сколько?

— Через сорок минут напротив твоей конторы. «Жигуль» желтого

цвета. Все поняла?

— Куда мы поедем?

— В ресторан.

— Тогда через час возле моего дома.

— Хорошо.

В ресторан мужчина входит первым. Это — аксиома социалистического общества, так сказать, устав внутренней службы, который сочинили чиновники-бюрократы, заботясь и ограждая свой народ от страшной и очень коварной болезни Запада — проституции. Она, проституция, оказывается, вползла к нам тихой сапой и расцвела махровым цветом в наших ресторанах и барах. Поэтому приказ — негласный и до идиотизма бессмысленный — вышел незамедлительно: если женщина одна, в ресторан не пускать! И стражи внутренней службы — швейцары, администраторы гостиниц, дежурные по этажам — мгновенно приняли его к исполнению. А затем извлекли выгоду: стали брать за вход с девочек деньги. Так родился самый жестокий и беспощадный со времен Адама и Евы вид преступной деятельности — рэкет.

Кудимова прекрасно знала об этом — недаром стажировалась в «блядском» отделе МУРа, но, чтобы лишний раз убедиться в могуществе и стойкости соцсистемы, в ресторан вошла первой. Система действовала. К ней сразу же бросился наперехват конвойно-сторожевой пес в швейцарском мундире. Он был преклонного возраста, с крючковатым носом и, судя по волчьему блеску в глазах, никак не мог смириться с уплывшим из рук приработком.

— Мадам! — заверещал он высоким противным голосом. — Вы куда?

— В туалет. — Кудимова изучила его своим пристальным, неподвижным взглядом, повернулась и, когда подошел Родин, капризно проговорила: — Этот человек принял меня за проститутку.

— Вы с ума сошли! — подыграл Родин. — Немедленно позовите Илью Александровича!

Конвойно-сторожевой щелкнул каблуками и бросился в глубь зала.

— Гэбэшник! — презрительно проговорила Кудимова. — И, похоже, тебя знает, так?

— Я год в гэбэ пахал, — пожал плечами Родин. — И охота тебе со всяким дерьмом связываться?

— Каждый сверчок знай свой шесток. — Кудимова улыбнулась, и Родин, глядя в ее спокойное, твердо очерченное лицо, смеющиеся глаза, подумал, что театр потерял великую актрису.

— Рад вас видеть, Александр Григорьевич! — Из дверей ресторанного зала вынырнул низенький человечек с большой головой и плоским, но выразительным лицом — маска, вырубленная топором из дерева. Особенно поражали глаза — светлые зрачки, окаймленные черным ободком, — глаза акулы, нацелившиеся на добычу. Он окинул Кудимову острым, хватким взглядом и задал Родину довольно бестактный в данной ситуации вопрос:

— Ваша жена?

Родин посмотрел на Кудимову — как отреагирует. Она отреагировала улыбкой великой актрисы — улыбкой горькой, растерянной, призывающей к состраданию и человечности.

— Да, — сказал Родин.

Кудимова, представляясь, чуть заметно склонила голову.

— У нас сегодня небольшой праздник — двадцать лет со дня нашего знакомства.

— Это большой срок, — мгновенно отреагировал Илья Александрович.

— Срок? — Кудимова задумалась, губы сложились в снисходительную усмешечку. — Для кого-нибудь это, может, и срок, а лично для меня — мгновение. — Она перевела взгляд на Родина и повторила: — Счастье — это мгновение.

— Согласен, — сказал Илья Александрович. — Вам столик в зале или… Могу предложить отдельную кабину.

— Отдельную, — кивнула Кудимова.

Отдельная кабина представляла собой столик на двоих, изолированный от зала с трех сторон темно-синими бархатными портьерами, четвертая же стена — естественная — была расписана на сюжеты русских народных сказок, в которых всем заправлял и командовал Иванушка-дурачок — веселый шаромыга, пьяница и прихлебатель. На данной картинке Иванушка шпарил в лес по дрова, и на его разгульной роже явно читалась озабоченность… Нет, не тем, чтобы самому уцелеть, — чтобы печка по дороге не развалилась — его палочка-выручалочка, которая в любой момент могла накормить, напоить, помочь от скуки развлечься, а если надо, то и жену-красавицу сыскать.

Родин с улыбкой осмотрел сей шедевр безвестного художника, перевел взгляд на стол, накрытый, по всей вероятности, опять-таки Иванушкой-дурачком при помощи «скатерти-самобранки», и потер переносицу. В серебряном ведерке со льдом охлаждалась «Смирновская», рядом присоседились коньяк армянский «три

звездочки» и любимое вино Сталина «Хванчкара», а далее — шеренга закусок: икра паюсная и зернистая, белужий бок, заливная осетрина, филе с грибами, нежинские огурчики, помидорчики, маслины…

— Что-нибудь не так? — перехватив озабоченный взгляд Родина, спросил Илья Александрович.

— Все тик-так, — вздохнул Родин. — Но я не смогу рассчитаться за такой стол, поэтому…

— Не обижайте, Александр Григорьевич! Долг платежом красен. Если бы не вы, я сейчас бы срок мотал, как очень правильно выразилась ваша супруга. Так что ни о чем не беспокойтесь, устраивайтесь поудобнее и… Приятного вам отдыха и хорошего аппетита! — Илья Александрович приложил правую руку к сердцу, отвесил низкий поклон и воздушным шаром выкатился из кабинета.

— Толковый ты у меня мужик! — Кудимова села за стол, вздохнула и перекрестилась. — Чтобы не опиться и не обожраться, — пояснила она Родину.

— Гулять так гулять! — махнул рукой Родин. — Водку будешь?

— Налей, — кивнула Кудимова. — А заодно расскажи, из какого дерьма ты вытащил этого неандертальца.

— Илья Александрович Дерюгин и сотоварищи — бывшие работники ЦК ВЛКСМ, — пояснил Родин, наполняя рюмки. — А это заведение — их бывшая столовка. Они ее, естественно, приватизировали и решили превратить в ресторанчик, который давал бы хорошую прибыль. А денег на оборудование не хватает… Что делать? Они взяли кредит в банке, которым командовал Евгений Евгеньевич Крайников.

— Это тот самый тип, которого в кафе «Аист» взорвали?

— Да.

— А кто?

— Хорошие ребята. Будь здорова! — Родин выпил и, закусив икоркой, спросил: — Тебя кто интересует, Крайников или неандертальцы?

— Неандертальцы. Они воровали в силу необходимости— выжить.

— Правильно. Так вот, Дерюгин, чтобы выжить, взял кредит у Крайникова, но отдать деньги в положенный срок не смог…

— И ему включили счетчик.

— Верно. И счетчик молотил до тех пор, пока господин Крайников не превратился в хозяина этого ресторана…

— Дальше можешь не рассказывать, — проговорила Кудимова. — Когда Крайников взлетел на воздух, то господин Климов, у которого

на все события собственное мнение, решил, что это дело рук Дерюгина. Так?

— Крайникова убрали свои — он зарвался.

— Тогда… — Кудимова на секунду задумалась… — Тогда все проще пареной репы… Если ты знал, что Дерюгин чист… В общем, ты выделил его дело в отдельное судопроизводство, и он отделался легким испугом. Я права?

— Не совсем, — сказал Родин. — «Выделил» его Климов, нос моей подачи.

— А с чьей подачи он Глазова арестовал?

— Скокова. — Родин зацепил вилкой маринованный грибок, но до рта не донес. — А ты… Откуда ты знаешь, что Климов арестовал Глазова? Чья информация?

— Добровольского.

— Чего он еще тебе наговорил?

— Что не верит в виновность Глазова.

— Почему?

— Добровольский признался мне, какой допрос с пристрастием он учинил Глазову. И тогда я поняла, что вы сдали Глазова. А вот зачем — не пойму. Может, ты расскажешь?

Разглашать версию Скокова в планы Родина не входило. Не потому, что он не доверял Кудимовой, а в силу суровой необходимости, привычки, ибо, проработав пятнадцать лет в МУРе, прекрасно усвоил одно из немногих правил, которого придерживался всегда и везде: хочешь сохранить дело в тайне — молчи.

— Хорошо, — кивнул Родин. Он наполнил рюмки и, когда они выпили, поведал Кудимовой все, что знал и думал по этому поводу Скоков, и какие выводы сделал, исходя из его раздумий, лично он, Родин.

— Понятно, — сказала Кудимова, выслушав друга. — Значит, вы думаете, что за Клеопатрой кто-то стоит?

— Да. Для удобства мы его окрестили Марк Антоний.

— И вам необходимо его вычислить… — Кудимова уже не обращалась к Родину — размышляла вслух, и ее рассуждения, построенные на конкретных фактах, были похожи на торпеду, быстро и неотвратимо приближающуюся к вражескому кораблю. — А чтобы его вычислить, вернее, чтобы ваш Марк Антоний начал действовать, вам необходимо подбросить Клеопатре очередную жертву. Верно?

— Верно, — сказал Родин, кожей чувствуя приближающийся момент взрыва.

— Ну и кого ты выбрал в жертву?

— Тебя.

Взрыва, к великой радости Родина, не последовало. Кудимова отнеслась к его предложению с пониманием и тем особым спокойствием, которым наделены люди, избравшие своей профессией хождение по канату. Она маленькими глоточками допила свою рюмку и, помолчав, снова принялась рассуждать вслух:

— Значит, я должна навестить Клеопатру, представиться… допустим, массажисткой — они сейчас неплохо зарабатывают, — сказать, что выхожу замуж за какого-нибудь пуэрториканца, а потому желаю загнать свою квартиру, быстро и по хорошей цене. Я правильно поняла твою мысль?

Родин облегченно вздохнул: не ожидал, что Кудимова с такой легкостью примет его предложение.

— Правильно.

— Ты меня за этим в кабак пригласил?

Родин понял, что рано возликовал: торпеда — самонаводящаяся и, не поразив цель с первого круга, уйдет на второй, более узкий, и теперь-то уж она его достанет. Точно достанет!

— А разве это плохой предлог? — спросил он, скрывая за улыбкой растерянность и смущение.

— Такие вещи в рабочем кабинете предлагают, — зло отчеканила Кудимова. — А в этом… — Она, словно выискивала обидчика, повела рукой, наткнулась взглядом на самодовольную рожу Иванушки-дурачка и выплеснула на него душивший ее гнев. — А из этого кабинета на таких вот печках по блядям шпарят!

Музыканту, чтобы отшлифовать свое мастерство, необходимо закончить консерваторию, скульптору — Академию художеств, а человеку, желающему, чтобы в его устах матерная брань звучала, как скрипка в руках великого Паганини, нужно пройти школу МУРа, где во всех кабинетах висит плотный, почти осязаемый на ощупь мат.

Родин вспомнил, что Кудимова из своих сорока трех лет почти двадцать провела в стенах уголовного розыска, что за эти годы ей пришлось допросить больше сотни преступников, многие из которых предпочитают изъясняться с вами только на блатном жаргоне, и что этот жаргон с годами постепенно въедается в вашу речь, становится ее неотъемлемой частью, и, подумав так, признался. «Слава Богу, что эта женщина сумела сохранить в себе женщину, а мат в ее устах и легкий налет бравады в характере — это своеобразный способ защитить себя от слишком ярых похотливых козлов, которых в достатке прыгает по

этим самым коридорам уголовного розыска.

— Марго, я тебя люблю, — сказал Родин. — И в обиду не дам. Поэтому за жизнь свою не беспокойся — мы ее будем охранять, как свою собственную. Я попрошу Климова, чтобы его ребята с тебя глаз не спускали.

Кудимова мгновенно остыла, губы сложились в полуулыбочку, в глазах сверкнул лукавый огонек.

— Нет, милый мой, охранять меня будет не Климов. Он — человек государственный, у него дел хватает. За жизнь мою драгоценную, как ты изволил выразиться, отвечать будешь ты!

— Это каким же образом?

— Жить со мной! Завтракать и ужинать со мной! Спать со мной!

«А чем плохой вариант? — подумал Родин. — Я ведь ее действительно люблю». Но, чтобы защитить свое мужское достоинство, не подать виду, что он и впрямь торпедирован и тонет, решил немного покуражиться.

— А ты знаешь, чем это может кончиться?

— Знаю.

— Тогда ответь.

— Отвечу, — твердо проговорила Кудимова. — И впредь за него отвечать буду… если ты после этой дурацкой операции не захочешь со мной жить.

— За него… Это за кого?

— За мальчика, которого я рожу. — Кудимова вдруг стихла, и у нее на глазах засверкали капельки слез. — Саша, я очень хочу сына!

«А почему бы нет, — подумал Родин. — Семья без детей — это не семья». Но снова ушел от прямого ответа, как бы вскользь заметив:

— Чтобы родить здоровенького парня, необходимо месяца два не пить. Так врачи говорят.

— Вот с завтрашнего дня, дорогой мой, и завязывай. А то вы там со Скоковым на своих антигосударственных харчах с круга сопьетесь!

— Скоков, кроме кефира, ничего не употребляет, — расхохотался Родин. — А сегодня можно?

— Пей, — раздобрилась Кудимова и, взяв бутылку коньяка, налила ему почти полный стакан. — Но ешь! — И придвинула ему холодную телячью ножку.

Родин выпил, заметно опьянел и уже без всякой обиды, скорее из любопытства, сказал:

— Марго, а почему ты с этим вопросом, я имею в виду мальчика, которого ты собираешься родить, не обратилась ко мне… ну, скажем,

лет пятнадцать назад?

— А потому что дура была, — простонала Кудимова. — Обиделась на тебя за то, что ты в свое время отказался дать показания против этого дерьма Редькина. Я ведь в то далекое и, как сейчас многие думают, золотое времечко действительно верила, что в нашем рабоче-крестьянском государстве самое дорогое и ценное — человек, защитят, мол, не дадут в обиду. А на поверку все наоборот вышло: правительству и нашим славным правоохранительным органам плевать на человека! Я теперь иногда с ужасом задаю себе вопрос: а я ли это была? В кого, дура, верила? Кому? Не сплю ли? Теперь этот красивый, страшный и долгий — почти целая жизнь — сон кончился. Очнулась я, осмотрелась — кошмар какой-то: вместо квартиры — конура одноклеточная, ни семьи, ни ребенка!..

Лоб Кудимовой прорезала глубокая, горькая складка. Она закурила, выпустила струйку дыма и, бросив злой, горячечный взгляд на Иванушку-дурачка, глумливо улыбающегося со стены, печально проговорила:

— Вот идеал русского народа! Ни царь Петр, который окно в Европу прорубил, ни Ломоносов, который Академию наук создал, ни Горький, который, не подумавши, ляпнул: «Человек — это звучит гордо!» А безродный Ваня, развеселый пьяница и бабник, живущий одним днем! Завтра — хоть трава не расти! Будет день — будет пища. Не будет — печка есть. На ней в коммунизм и въедем. Въехали! — Кудимова истерически рассмеялась. — При керосиновой лампе родились, при ней, родимой, и помрем!

Родину вдруг стало страшно. Он всегда считал, что в их разрыве виновата Кудимова: она послала его к чертовой матери, когда он отказался свидетельствовать против господина Редькина. Оказывается, не все так просто. Да, она указала ему на дверь, но из высоких соображений, соображений веры, справедливости, законности, и он это понял, но вместо того, чтобы доказать любимой целесообразность своего поступка, помочь ей оправиться от удара, подставить плечо, утешить, смиренно ушел, встал в позу обиженного и разочарованного и от этой своей разочарованности по субботам пил с друзьями водку и пользовал девок из «блядского» отдела.

— Прости меня, Марго! — Родин, уже плохо соображая, налил себе еще полстакана, выпил и только тут вспомнил, что он — на машине. — Марго, а как я доеду?

— Не беспокойся, я тебя довезу.

— Начинаю понимать преимущества женатого человека.

— Это хорошо, — ласково проговорила Кудимова. — Закусывай, закусывай — у меня дома шаром покати.

— А чем мы будем заниматься, когда приедем домой?

— Любовью, дорогой!

И они действительно всю ночь занимались любовью.

Дачу Глазова Родин нашел без труда — по «Волге» Климова, которая стояла на улице Некрасова напротив массивных дубовых ворот. Он поставил своего «жигуленка» рядом, запер дверь и вдруг почувствовал странную дискомфортность, беспокойство и тревогу, родившуюся внутри него по совершенно непонятной причине. Он осторожно повел головой влево, вправо, прислушался к легкому поскрипыванию гладкоствольных сосен, разлапистых елей, которые раскачивались в такт порывам шалого ветра, щебетанию птиц, и радостно, беззвучно рассмеялся — понял свое состояние: он настолько привык к городскому шуму — бесконечному, как грохот водопада, вою машин, скрипу тормозов, базарной толпе, милицейским свисткам и ругани, что природа в первый момент подействовала на него, как солнце на слепого, которому после длительного лечения наконец-то сняли с глаз повязку.

«Действительно, мы все ослепли и оглохли в этом проклятом городе, — подумал Родин. — А когда-нибудь вымрем — он нас сожрет». Придя к столь печальному заключению, он глубоко вздохнул и открыл калитку.

Участок у Глазова был огромный — гектар. В бывшем СССР такие участки давали только отставным генералам, народным артистам да лауреатам Сталинских премий. И дачка была соответственная — двухэтажная, с большой верандой, на которой когда-то Глазов-старший с гостями попивал коньячок или гонял чаи, витиеватым балкончиком — наблюдательным пунктом местного значения — и деревенской банькой, спрятавшейся за высокими деревьями в углу участка.

По узкой, петляющей в зарослях кустов тропинке Родин прошел к дому, который вблизи являл собой зрелище довольно плачевное: фундамент осел, нижние бревна растрескались и покрылись плесенью, ступеньки крыльца покосились и сгнили, краска на оконных рамах облупилась, в общем, на приеме у врача инвалидность ему была бы обеспечена.

Родин поднялся на веранду, толкнул дверь. На кухне сидели два гоголевских персонажа — Иван Иванович и Иван Никифорович и, о чем-то тихо и мирно беседуя, попивали водочку. «Понятые, —

определил Родин. — Ооыск — дело долгое, вот Костя и расщедрился — угостил».

— Здравствуйте, — сказал Родин. — Приятного аппетита!

— Благодарствуем! — старички легко для своих лет подскочили, поклонились и выжидательно замерли, буравя его вопросительными взглядами — будет нагоняй или нет? Родин взмахом руки усадил их на место, улыбаясь, спросил:

— Где начальник-то?

— Наверху они, — ответил тот, кто был похож на Ивана Никифоровича.

— С барышней, — добавила копия Ивана Ивановича.

Родин удивился, но ничего не сказал — так, мол, и должно быть. Затем прошел в комнаты, осмотрелся и остался доволен: внутри дом выглядел совершенно пристойно — эдаким помещиком среднего достатка, постаревшим, обрюзгшим, но еще не утратившим желания приударить за соседкой. Способствовала этому украшавшая его старинная мебель.

В свое время москвичи, переезжая из центра на окраины, в слепленные на скорую руку блочные девяти- и двенадцатиэтажки, расставались со старой мебелью без сожаления — дарили соседям, выкидывали на свалку, а в лучшем случае вывозили на дачу или сдавали в комиссионку, где ее за бесценок же и продавали. В моду вошла современная фанерная мебель — стенки, журнальные столики на тонких ножках-хворостинках, не менее изящные обеденные столы, по которому уже не грохнешь в гневе или радости кулаком — разлетится вдребезги, под стать им миниатюрные табуреточки и узенькие, без стекол, книжные полочки; а старая мебель, как мудрый дальновидный политик, сообразив, что мода — явление временное, что человек все равно когда-нибудь устанет от однообразия современного интерьера, вспомнит и потянется к прошлому — удобному, с мягкой полукруглой спинкой креслу, широкому письменному столу (за хорошим столом хорошо и работается), вместительному комоду, — стала дожидаться своего часа. И дождалась. Цены на нее подскочили не в два-три раза, нет, в тридцать раз, а на некоторые предметы — в сотни.

Родин ходил из комнаты в комнату, рассматривал все эти псише и були, ампиры и жакобы, «павлы» и «Николаи», выполненные из карельской березы, черного резного дуба, красного дерева, и любовался разнообразием форм, изяществом отделки, необычностью — бронза, малахит, перламутр — инкрустации.

Заскрипела лестница. Родин обернулся и увидел, что со второго этажа спускается Климов, а вслед за ним — юное и прекрасное воздушное создание лет двадцати — двадцати двух.

«Он с ума сошел! — подумал Родин. — Взять с собой на задание… любовницу! Свозил бы ее лучше в Ботанический сад».

— Знаю, о чем думаешь, — проговорил Климов, здороваясь, — знаю и почему ты так думаешь. — Он хлопнул Родина по плечу. — Ты — старый развратник и бабник, и тебе никогда не понять нормальных человеческих отношений. — И добавил, посмеиваясь: — Между мужчиной и женщиной. Знакомьтесь… Татьяна Благонравова, студентка четвертого курса юрфака, следователь Московской прокуратуры, имеет в производстве восемь дел. И все «мокрые».

— Очень приятно, — сказал Родин, — скептически улыбаясь. — Вы давно с ним знакомы? — Он кивнул в сторону Климова.

— Два месяца.

— И все это время он так бездарно шутит?

— К сожалению, Константин Иванович не шутит, — наливаясь пунцовой краской и опуская глаза, строго проговорила Таня. — Я действительно следователь прокуратуры.

Настала очередь краснеть Родину. Краснеть от злости и возмущения. Он вспомнил Бориса Волынского, Алексея Градова, его напарницу Риту Донецкую, Володю Осокина, с которыми работал по предыдущему делу, делу Крайникова и Пшеничного. Эти ребята могли быстро и точно вычислить, кто против них играет, в считанные часы обезвредить банду, найти и уничтожить предателя, даже если он сбежал и укрылся на шумных улицах Тель-Авива, захватить поезд, самолет, устроить переворот в конце концов, а их, как оловянных солдатиков, вывели за штат, выгнали, уволили, объяснив это тем, что спецподраз-деление, в котором они служили, расформировано.

«О чем вы, безмозглые идиоты, бараны в генеральских мундирах, думали, когда отправляли в запас тех, кто мог вас в минуту опасности защитить? — продолжал размышлять Родин. — Спасти от взявших вас за горло коррумпированных чиновников, взяточников и хапуг, нагло и откровенно разбазаривающих имущество и природные ресурсы России — военную технику, лес, уран, золото, нефть… мозги? С кем вы остались? Кто с вами? Горстка офицеров, которые — слава Богу! — служат не вам — России, да вот эта девчонка, еще вчера игравшая в куклы… Страшно!»

— Чего вытаращился? — спросил Климов. — Я тебе давно говорил, что у меня от отдела полтора человека осталось… Теперь

понял, каково мне приходится?

— Узрел, — сдался Родин. — Прими мои соболезнования. — Он перевел взгляд на молодую девушку. — А вы, Таня, не расстраивайтесь — не Боги горшки обжигают.

— Я это понимаю… Но все относятся ко мне с такой несерьезностью, что… — Таня, не договорив, улыбнулась, и ее печальные глаза-блюдца стали еще печальнее, а верхняя, по-детски пухлая губа предательски задрожала — вот-вот девочка заплачет.

— Все нормально, — сказал Родин, бросив на Климова сочувствующий взгляд. — Что-нибудь сыскал?

Климов прошел в угловую комнату, где стоял небольшой полукруглый буфет, напоминающий старинную башню с бойницами, открыл левую створку, извлек квадратную коробочку, в которой хранились всякие там женские безделушки — цепочки, брошки, серьги, колечки — и, помолчав, сказал:

— Красин, помнится, говорил, что у Добровольского, вернее, у его матери сперли все документы и кое-что из благородного металла… Документы, понятно, уничтожили, а вот золотые колечки, браслетики… Как ты думаешь?

— Хорошая мысль, — кивнул Родин. — Звони Добровольскому, пусть срочно прикатывает.

— Но ведь там Яшка…

— Яшка нас не узнает. Где телефон?

— В соседней комнате.

Родин набрал номер Добровольского.

— Игорь Николаевич?

— Да.

— Родин беспокоит. Игорь Николаевич, мы на даче Глазова кое-что нашли… Не могли бы вы подъехать?

— Нет проблем. Давайте адрес.

— Пахра. Улица Некрасова, дача номер девять. Вы хорошо в Подмосковье ориентируетесь?

— Меня шофер довезет.

— Он с вами рядом?

— Да.

— Дайте ему, пожалуйста, трубочку. Я объясню, как проехать побыстрее.

— Я вас слушаю, — раздался голос Колберга.

— Яша, Родин говорит. Вези клиента на дачу Глазова. Меня и Климова ты никогда не видел. Понял?

— Да знаю я этот писательский кооператив, — проворчал Яша. — Через час будем. Ждите.

Родин положил трубку, посмотрел на Таню, затем на Климова и сказал:

— Вы продолжайте здесь копать, а я навещу соседа Глазова — Голодарского Эдуарда Петровича. Писатели — народ наблюдательный, так что, не исключено, что узнаю нечто примечательное.

В студенческие годы Родин представлял себе писателя примерно так: тощ, узкогруд, росточком, как говорят, метр с кепкой и вечно чем-то болен. Чаще всего чахоткой, как, например, великий Жюль Верн. И это представление держалось в нем до тех пор, пока он не побывал в Ялте и не посетил дом-музей Чехова. Увидев на вешалке неимоверной длины пальто, Родин пришел в негодование, подумал: «Фальсификация, за неимением настоящего подсунули с чужого плеча». Он подозвал экскурсовода и строго спросил: «Чье?» «Антона Палыча», — ответил озадаченный экскурсовод. «А какого же он был роста?» — «Метр девяносто шесть». Поэтому, корда Родин увидел писателя-фантаста, да еще доктора биологических наук Эдуарда Петровича Голодарского — рослого, широкоплечего мужика с крепкими, по-крестьянски жилистыми руками, окладистой бородой и абсолютно голым, блестящим, как спелая тыква, черепом, он нисколько не удивился.

— Значит, частный сыск, — сказал Голодарский, ознакомившись с документами Родина. — Хорошо зарабатываете?

— Все зависит от клиента. — Родин неопределенно пожал плечами.

— Проходите.

Кабинет писателя представлял собой нечто среднее между зоологическим музеем, оружейной мастерской и складом книг, которыми в беспорядке — как потом оказалось, кажущемся — были завалены грубые, по всей вероятности, самодельной работы полки. Голодарский раскрыл пачку «Казбека», закурил и предложил гостю.

— Спасибо, — отказался Родин.

— Что вас ко мне привело?

Родин подумал и решил, что такого льва, как этот писатель, можно ошарашить только самым неожиданным вопросом. И он спросил:

— Вы с Глазовым когда-нибудь выпивали?

Стрела достигла цели. Лицо Голодарского на миг застыло и превратилось в маску, которая выражала только одно — недоумение.

— Так вы можете ответить на мой вопрос или нет? — стараясь не рассмеяться, повторил Родин.

— Никогда! — прорычал Голодарский. — А вот с его покойным батюшкой Павлом Александровичем Глазовым — довольно часто.

— Он что, был один из тех людей, с которыми приятно выпивать?

— С ним приятно было делать все: ходить за грибами, выпивать, ловить рыбу и просто трепаться — эрудит, прекрасный собеседник — в отличие от многих он умел слушать — и, естественно, шикарный собутыльник! — Голодарский вскинул сжатую в кулак руку. — Не пьяница, а собутыльник. Разницу улавливаете?

— Улавливаю.

— И с юмором у него в порядке было — по части розыгрышей он, можно сказать, в классики попал. Вам известно, как он разыграл Ефремова?.. Нет?! — изумился писатель. — Сейчас я вам расскажу. Очень поучительная история… Значит, так… У руля Малого театра поставили Ефремова. Старики — Грибов, Борис Ливанов, Глазов возмутились: как так? Какой-то мальчишка из «Современника» на классику замахнулся! В общем, объявили маленькую забастовочку — все разом заболели. Тогда Ефремов, не желая осложнять себе жизнь, решил пойти на компромисс — поставить спектакль «Соло для часов с боем», в котором все старики были бы заняты. И, значит, шлет с рассыльным Глазову записку: «Прошу вас явиться такого-то числа на репетицию в художественную часть». А мы с Глазовым как раз выпивали, а потому находились в прекрасном настроении… Паша, значит, переворачивает записку и на обратной стороне пишет: «С каких это hop художественное целое должно ходить в художественную часть?» Представляете? — Голодарский залился густым, раскатистым смехом.

— С большим, видать, достоинством был человек, — улыбнулся Родин. — А что вы можете сказать про его сына?

— Бездельник! А что про бездельника можно сказать? Случайные встречи, случайные знакомства…

— Меня интересуют знакомства.

— Если человек для меня не интересен, я предпочитаю в его жизнь не заглядывать. Так что извините, — развел руками Голодарский.

— Понятно, — сказал Родин. — А Конькову Маргариту Петровну вы не знали? Она некоторое время жила на даче Глазова.

— Как не знал! — заволновался Голодарский. — Я, можно сказать, оказался свидетелем ее смерти.

Родин мгновенно почувствовал себя охотником, заслышавшим

могучий, упоительно-радостный глухариный стон.

— Вспомните, пожалуйста, подробности, детали…

Голодарский опечалился, и лицо его стало похоже на печеное яблоко.

— В тот день было жарко, мне не работалось, и я пошел прогуляться. На берегу речки остановился — встретил знакомого поэта, Анатолия Продольного; он, конечно же, стал мне сразу свои новые стихи читать. Я слушаю, а сам думаю: лучше бы ты, паразит, мне должок вернул. И вдруг — вскрик! Оборачиваюсь — на берегу суматоха, все бегают, прыгают, кричат… Я, значит, стою, наблюдаю и неожиданно вижу то, что никто не видит, ибо это можно было увидеть только со стороны… В этой суматохе был абсолютно спокоен, а потому и хорошо смотрелся молодой парень, лет тридцати, брюнет, загорелый, с прекрасно развитой мускулатурой… Он неторопливо оделся — джинсы, кроссовки, синяя рубашка с короткими рукавами — закурил и как ни в чем не бывало потопал на дорогу, которая ведет в город.

— Больше вы его не видели?

— Нет.

— И раньше не встречались?

— Нет.

— Что у него было в руках?

— Спортивная сумка.

— Как быстро вы его потеряли из вида?

— Он свернул за угол и… как сквозь землю провалился. Я даже подумал, что у него там стояла машина.

— Что вы можете выделить в его поведении?

— Неторопливость, плавность движений, спокойствие.

— Лицо запомнили?

— Резко очерченное, прямой нос, острый, но опять-таки спокойный взгляд, хороший подбородок — квадратный, с ямочкой, прическа короткая.

— Узнаете при встрече?

— Без всякого сомнения.

«Этот парнишка — исполнитель, — подумал Родин. — Брызнул в лицо Коньковой нервно-паралитическим газом, посмотрел, как она ко дну пошла, оделся и уехал. И с концами».

— Вы об этом случае кому-нибудь рассказывали?

— Ни одной живой душе, — смутился Голодарский. — Вы понимаете, эту картинку — странное поведение этого парня — я

увидел только потом, вечером, когда спать ложился.

— Нам нужна его фотография, — сказал Родин. — Фоторобот. Вы не откажетесь нам помочь?

— Всегда к вашим услугам. — Голодарский протянул Родину свою визитную карточку. — Позвоните, я подъеду.

— Спасибо, Эдуард Петрович. Всего вам доброго!

— И вам здоровья!

Родин вышел за калитку и сразу же увидел Яшу. Он, как всегда, возился со своей машиной.

— Огонька не будет? — спросил Родин, проходя мимо.

— Для хорошего человека… — Яша протянул зажигалку.

— Чем сегодня занимались?

— В карты играли.

— Ты что, не знаешь, за что он сел?

— Да мы от скуки… Он мне больше фокусы показывал.

— Ну и как?

— Виртуоз.

— Куда-нибудь звонил?

— Своему приятелю Вадиму Кожину и в Хабаровск, Пуданову, жаловался, что никак не может вычислить того, кто вычислил его матушку. — Яша закрыл капот, вытирая руки, спросил: — А вы что-нибудь серьезное здесь откопали?

— Сам еще не знаю.

Родин вернул Яше зажигалку и прошел в дом. Добровольский сидел за столом и рассматривал содержимое коробки, которую ему вручил Климов. Он осторожно брал каждую вещицу в руки, долго и внимательно изучал, затем откладывал в сторону. Климов и Таня следили за его действиями с подозрительной сосредоточенностью — так зрители наблюдают за пальцами иллюзиониста, пытаясь раскрыть тайну фокуса.

— Вот за эту вещь я ручаюсь, — неожиданно проговорил Добровольский, протягивая Климову старинный, ручной работы серебряный браслет. — Он принадлежал моей матери.

— Я должен вам верить на слово?

— На слово даже Президенту не верят, — усмехнулся Добровольский. — На внутренней стороне — полустертая гравировка: Катеньке от Екатерины Смирновой. Видите? Смирнова — это моя бабка по отцу. Можете проверить. А вот за колечко сомневаюсь, хотя мне кажется, что оно тоже мамино. — Он положил на стол массивное золотое кольцо и хлопнул себя ладонью по лбу. — Выходит, Глазов

все-таки сделал меня, сделал, как последнего фраера! А я, баран, ему поверил.

Климов победно улыбнулся и, взяв браслет в руки, показал Родину.

— Это улика?

— Это факт, господин подполковник. Если будете продолжать работать в том же духе, то к концу года ваш отдел по раскрываемости преступлений выйдет на первое место.

Климов попросил Таню оформить акт изъятия браслета и золотого кольца, а сам вслед за Родиным вышел на веранду. Закурил, полюбовался природой и сказал:

— Не дело, а сплошное удовольствие. А от удовольствия только триппер бывает.

Родин понял, что его вызывают на откровенный разговор, вскинул голову, подумал, глядя на облака, и спросил:

— Тебя что-то насторожило?

Климов вытащил из внутреннего кармана пиджака и протянул Родину сложенный вчетверо лист бумаги…

МАГНИТОФОННАЯ ЗАПИСЬ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА

КРАКОВСКОЙ Л. Б. И ГЛАЗОВА В. П.

Краковская: Я вас слушаю.

Глазов: Здравствуй, Людмила.

Краковская: Виктор, ты?

Глазов: Я.

Краковская: А что у тебя с голосом?

Глазов: Ангина.

Краковская: Бог мой, у меня желание, а у него… Ты что, простудился?

Глазов: Слушай меня внимательно и не перебивай.

Краковская: Слушаю.

Глазов: Сегодня тебе позвонит нотариус, его зовут Михаил Георгиевич Роммель, ты поедешь к нему, и он оформит на тебя квартиру в Коломенском, документы я уже подписал… Все понятно?

Краковская: Такое понять невозможно.

Глазов: У тебя скоро день рождения. Квартира — мой подарок. Теперь, надеюсь, поняла?

Краковская: Витенька, квартиры не дарят. Объясни, что случилось?

Глазов: Меня могут сегодня забрать в больницу.

Краковская: Ну и что? Мой знакомый с кладбища вернулся…

Глазов: Пьяные всегда возвращаются.

Краковская: А ты трезвый?

Глазов: Как стекло.

Краковская: Тогда я сейчас к тебе приеду.

Глазов: Поздно, старуха — козе не до гребли, когда хозяин нож точит!

Краковская: Витя!..

Глазов: Я сказал: дождись нотариуса, оформи дарственную, а потом, если не передумаешь, приезжай. Все. Привет!

19 августа 1995 г. 14 час. 02 мин.

— Искупление грехов, — сказал Родин, возвращая Климову бумагу. — Глазов ничего не сделал, чтобы спасти жену, и пожелал скорой смерти Коньковой, и, когда это желание свершилось, у него крыша поехала.

— Мистика! — зло проговорил Климов. — Домыслы! И эти домыслы никак не увязываются с вещдоками, которые мы здесь нашли.

— Ты когда-нибудь играл в преферанс с болваном? — помолчав, спросил Родин. — Третий игрок отсутствует, но карты ему сдают.

— Играл, — кивнул Климов.

— Так вот, Глазова держат за болвана.

— Кто? Антоний?

— Может быть.

— Охи любите вы со Скоковым туман гнать! — Климов пренебрежительно сплюнул. — А мне, Саша, факты нужны. Факты!

Родин поведал Климову о своей беседе с Голодарским и попросил смонтировать со слов последнего фоторобот человека, который находился на речке в момент гибели Коньковой.

— Это надо сделать немедленно, — сказал он. — Но так, чтобы об этом не знали ни Можейко, ни твоя Танечка — она молодая, неопытная и, если на нее нажмут, расколется.

— Ты что, всерьез думаешь, что Антоний в нашей конторе сидит?

— А тебе трудно в это поверить?

— Трудно.

— А на кого Можейко пашет?

— На Редькина.

— Ради удовольствия? Или за «бабки»? Или, может быть, он голубой?

— Нет, Редькину есть кого трахать… — Климов облизал пересохшие от волнения губы. — А что если взять его на контроль?

— Идиот! Как только Можейко заметит неладное, можешь по себе

панихиду заказывать! Понял?

— И останки мои вы, конечно, разыскивать не будете…

— Будем, — рассмеялся Родин. — Если деньги заранее на наш счет переведешь.

На веранду вышел Добровольский. Постоял, покачиваясь с пяток на носки, прожег друзей потемневшим взглядом и насмешливо проговорил:

— Умереть на сцене актер может. Убить — никогда! А жизнь — та же сцена. Так что настоящего убийцу вам еще искать, искать и искать. — Поклонился и добавил с ядовитой усмешечкой: — Всего доброго, господа артисты!

Память — удивительный дар. Поразительная способность жить в параллельных мирах, сдвинутых по времени. Однажды Родин разговорился на эту тему с другом-журналистом, и друг ответил, что когда он болтается в командировке и собирает для очерка или статьи материал, то, кроме дат, имен и фамилий, ничего не записывает. Память сама фиксирует нужные детали и биографические данные человека, о котором он желает написать, а в процессе писания выталкивает их на поверхность, и они, эти детали, всплывают, выскакивают, словно бутылочные пробки из воды, и ложатся на бумагу, складываясь в слова и предложения.

Примерно то же самое произошло и с Кудимовой, когда она вошла в офис Клеопатры-Румянцевой, увидела ее — красивую, восточного типа бабенку с бархатными глазами — и услышала фрагмент телефонного разговора: «Да сделай ты ей квартиру, она же знаменитость!» И память мгновенно отбросила Кудимову на пятнадцать лет назад, в кабинет Редькина, который ласковым тенорком бубнил в телефонную трубку: «Борис Ильич, она прекрасный человек, мы ее ценим и любим — патриотов нельзя не любить, поэтому убедительно прошу: дайте ей квартиру, она же будущая знаменитость! А вам зачтется — и с визой проблем не будет, и Моссовет вам навстречу пойдет — мы об этом побеспокоимся…» — И, осторожно положив трубку, рявкнул благим матом: «На небесах тебе зачтется, морда жидовская!»

— Вы ко мне? — спросила Румянцева, окончив разговор.

— Да, — кивнула Кудимова, пытаясь представить, как выглядела Румянцева пятнадцать лет назад. «Высокая, стройненькая, с большой грудью и прелестными, обманчиво-невинными глазами… Да, голубушка, Редькин, наверное, с ума сходил от желания трахнуть тебя…»

— Хотите обменять квартиру? — спросила Румянцева.

— Продать.

— Что так? — В глазах Румянцевой появился заинтересованный блеск.

— Замуж вышла. Нужны деньги.

— Вы кто по профессии?

— Массажистка.

— Квартира приватизирована?

— Да.

— Документы с собой?

Кудимова выложила на стол документы.

— Пожалуйста. Вы не против, если я закурю?

Румянцева улыбнулась и придвинула ей пачку «Мальборо».

— Если не секрет, за кого вы вышли замуж?

— Он испанец. Из Бильбао.

— У него собственное дело?

— Нет. Но работает в очень солидной фирме.

— Юрист?

— Геолог.

— А что же он у нас делает?

— Его фирма скупила двадцать процентов акций Норильского комбината…

Мицут через двадцать женщины были уже на «ты», и Кудимова доверительно шептала:

— У него шикарный дом в Бильбао — три спальни, море — рядом, яхта…

— Ты долго там была?

— Месяц — весь его отпуск. А в конце этого месяца закатила ему скандал!

— Это ж по какому поводу? — изумилась Румянцева.

«Не завралась ли? — подумала Кудимова, но, взглянув на «товарку» и заметив на ее лице неподдельный интерес к своей персоне, успокоилась. — Сейчас ты у меня, дорогая, запоешь!»

— Накинулась я на него за то, что он меня раньше не встретил, за то, что я лучшие свои годы угрохала… Сама знаешь на что… За то, что купалась не в сине-зеленом океане, а в речушке, которую приспособили для слива промышленных отходов, — Москва-реке! В общем, что я ему наговорила, лучше не вспоминать — стыдно! Но самое интересное в том, — Кудимова рассмеялась смехом счастливого человека, — что он всю эту чепуху воспринял всерьез и потащил меня в ЗАГС. И вот надевает он мне на пальчик кольцо, а я его спрашиваю: «Ты представляешь, какой я была пятнадцать лет назад?» А он: «Представляю». Когда, говорит, мы с тобой занимаемся любовью, я это очень даже представляю… Так что я теперь не жалею, что когда-то мужиков массировала — научилась кой-чему.

Этот откровенный разговор-признание подействовал на Румянцеву ностальгически. Она вспомнила молодость, институтское общежитие и комнату, где обитала с двумя веселыми подружками — Зойкой из Твери и Аней из Калуги, рестораны, лица мужчин, с которыми приходилось спать и которые уже почти стерлись в памяти, и взгрустнула и приоткрыла то, что так долго и тщательно скрывала от постороннего взгляда.

— Что было, то было! — тряхнув головой, проговорила она с веселой грустью. — Давай, подруга, выпьем за нашу грешную юность.

— С удовольствием! — поддержала Кудимова.

Румянцева достала из сейфа початую бутылку марочного коньяка, уже открытую баночку черной икры и две чайные ложки.

— Хлеба, извини, нет, — пояснила она, выглянула в приемную и сказала: — Соня, я уехала смотреть квартиру. Вернусь часа через два. Ясно?

— Пасмурно, — недовольно ответила девица. — Для всех?

— Если пасмурно, то для всех. — Румянцева защелкнула дверь на замок и вернулась к столу.

— Давай, — сказала она, разливая коньяк. — За молодость! За грешную нашу молодость!

— Я грех на душу не брала. — Кудимова выпила, закусила ложечкой икры и пояснила: — Я учиться хотела. И выучилась. Так что совесть моя чиста!

— Ты молодец, подруга, ты здраво рассуждаешь. — Румянцева закурила и посмотрела в окно. — Ты какой институт кончила?

— Очень забавный — Физической культуры и спорта.

— Так ты спортсменка?

— В волейбол играла.

— Москвичка?

Кудимова утвердительно кивнула.

— Аты?

— А я из Омска. Поступила в иняз, жила в общежитии… — Румянцева посмотрела на пустые рюмки и снова наполнила их. — За что?

— Наше дело правое — мы победили! — улыбнулась Кудимова. — Так говорит один мой знакомый, выпивая стакан водки.

— Молодец твой знакомый. — Румянцева маленькими глоточками осушила рюмку, выпустила колечко дыма и задумалась.

— Ты стипендию получала? — спросила Кудимова, чтобы вернуть новоиспеченую подругу в нужное русло разговора.

— Стипендию? — встрепенулась Румянцева. — Стипендии на жизнь не хватало. Ребята на вокзалах подрабатывали, а мы… Лежу я однажды в комнате и думаю: у кого бы денег одолжить… Вдруг влетает Зойка — это моя подруга, мы с ней и с Аней Булкиной вместе жили — и говорит: «Жрать хочешь?» — «Хочу». — «Пошли со мной». «Куда?» — спрашиваю. «На кудыкины горы, — отвечает. — Напротив нашего общежития клевый мужик проживает. Квартира отдельная, два холодильника, и оба забиты — куры, котлеты, икра, селедка и выпивка какая хочешь. Пошли!» Я стала отнекиваться, говорю: у меня жених в Омске, а она и слушать не хочет, смеется: «Твой жених уже пол-Омска перетрахал, а ты… Идем! И не дрейфь мы его втроем отбарабаним!» — «Как втроем?» — «Очень просто — там уже Анька пашет». И мы пошли…

Дверь открыл мужчина лет двадцати пяти — двадцати семи. У него было открытое, но ничем не примечательное лицо — увидишь в толпе — пройдешь мимо, — короткая стрижка и веселый доброжелательный взгляд.

— Добро пожаловать! — Он помог девушкам раздеться, по-братски обнял и сказал, обращаясь к Зое: — Как зовут твою подружку?

— Елена.

— Прекрасно. — Он поцеловал Лену в щеку. — А меня — Василий. Надеюсь, вы простите, что я в халате?

Лена смущенно кивнула.

— А почему вы такая грустная?

Зоя расхохоталась, выбросила вперед бедра.

— Она голодная — у нее жених в Омске.

— Радиоволны на расстоянии глохнут, — многозначительно

заметил Василий. — А любовь… Любовь требует физического подтверждения.

Они прошли на кухню, где в полутемноте — окно было зашторено — сидела, запахнувшись в халатик, Аня, до неузнаваемости томная, ласковая, разомлевшая от вина и вкусной еды.

— Девочки! — восторженно защебетала она. — Как я рада, что вы пришли! Я соскучилась!

— По мне? — спросил Василий.

— По твоему младшему брату, — рассмеялась Аня. — Он хоть и немой, но нежный и трудолюбивый. А ты — болтун!

— Это почему же?

— Ты обещал музыку. Где она?

— Будет.

Василий усадил Лену, сел сам и грозно повел неопределенного цвета глазами.

— Кто сегодня старшая жена?

Зоя фыркнула и принялась исполнять обязанности хозяйки дома — сменила скатерть, сняла с плиты и поставила на стол огромный казан с пловом, от одного запаха которого у Лены закружилась голова, достала из шкафчика три бутылки красного вина и вручила Василию штопор.

— Будьте любезны, господин!

Господин обошелся без штопора — перевернул бутылку и выбил пробку ударом кулака.

— Браво! — сказала Аня, поднимая стакан. — За коммунизм в отдельно взятой квартире!

— Марксизм-ленинизм ты знаешь, — улыбнулся Василий, но мы выпьем за него потом, когда все квартиры в Союзе станут коммунистические, а сейчас — на брудершафт! — Он вручил Елене стакан, взял свой и, когда их руки образовали двойное кольцо, залпом выпил.

— До дна! — скомандовала Зоя, увидев, что подруга поперхнулась.

Елена передохнула, допила вино и, почувствовав губы Василия на своих губах, закрыла глаза.

— А теперь закусывай, — приказала Зоя, придвинув к ней полную тарелку жирного душистого плова.

— Не стесняйся, девочка. — Василий протянул Елене ложку. — Кто хорошо ест, тот хорошо и работает.

Плов и вино сделали свое дело: Елена повеселела, к ней вернулось чувство юмора, и она уже без всякой тревоги, скорее с любопытством

и тайным, еще глубоко спрятанным желанием поглядывала на Василия, которого то и дело подкалывали ее расхулиганившиеся подруги. Особенно усердствовала Аня.

— Василий, нубийцы… Это племя такое или сословие?

— Это отдельно взятые граждане в отдельно взятой стране.

— А где они обитают?

— На самых отдаленных островах Ледовитого океана.

— А как ходят?

— Голые и голодные.

— Вот так? — Аня скинула халатик и, поддерживая ладошками свои упругие, спелые груди-дыньки, прошлась вокруг стола.

— Так! — восхищенно цокнул языком Василий. — Самый великий художник на земле — это мать-природа!

— Она тоже нубийка?

— В самом чистом виде.

— А кто ее фатер?

Василий закурил, подумал и сказал убежденно:

— Безотцовщина.

— Я тоже безотцовщина, — простонала Аня. — Значит, — настоящая нубийка.

— И нас папашка бросил! — Зоя мгновенно вылетела из платья и, как заправская балерина, крутанула пируэт.

«Девки пошли вразнос», — подумала Лена, но уже без сожаления принимая случившееся, как неоспоримый, бездоказательный факт. И, зная, что *это* все равно произойдет, торопливо, чтобы не испытывать смущение, сбросила кофточку.

— Ленка, так у тебя ж папа полковник! — ахнула Зойка.

— Полковник-то он полковник, а вот служил на самых отдаленных островах Ледовитого океана. — Елена скинула туфли и, выказывая полное безразличие к Василию и своей дальнейшей судьбе, прошла в комнату и забралась под одеяло.

— Так и я детдомовский! — сказал Василий, обращаясь скорее к самому себе, чем к окружающим. — И что выходит? Что все мы дети одной матери — Природы! — Он выпил, легко поднялся и спросил, обнимая девушек:

— Елена не против сеанса одновременной игры?

— Она лесбиянка, — рассмеялась Аня. — Обожает мои груди.

— Так это же прекрасно! Пошли.

…Василий застонал. Елена опустила глаза и увидела, что его младший брат в плену у Зойки — в ее широких мягких губах. Аня

помогала ей пальчиками — массировала. Елену вдруг охватила ревность и одновременно желание. Она взбрыкнула, словно норовистая кобылка, взлетела на Василия и поскакала.

Это было не любовное соитие — нечто другое, — сексуальный припадок, половой обморок, галлюцинация, бред. Елена чувствовала, как мощно и неутомимо гуляет в ней палица Василия, как бурно вскипает ее южная шалая кровь, но ей хотелось большего — сказочного наслаждения, над которым была бы не властна, и она получила его, когда ткнулась лицом в нежную и упругую Анину грудь, взяла в рот ее взбухший от возбуждения сосок, нащупала пальцами ее горячую от нетерпения промежность и вошла в нее. Аня заизвивалась, застонала и потянулась губами к Зойке…

— Вот так мы и жили, — печально вздохнула Румянцева. — Но ты права: выучилась — я два языка в совершенстве знаю.

— А подружки? — поинтересовалась Кудимова.

— Подружки замуж вышли. Аня — за дипломата, Зойка — за инженера-электронщика, детей нарожала — двух мальчиков и девочку, счастлива…

— А ты?

— Вроде все есть. — Румянцева обескураженно развела руками. — А чего-то не хватает. Чего?

— Тебе сколько лет? — спросила Кудимова.

— В пятницу бабий век отмечать буду. — Сорок накапало.

— А выглядишь… как молодая елочка!

— И ты неплохо — до сих пор без лифчика ходишь. — Румянцева ласково ощупала и взвесила на ладошке грудь своей новой подруги. — Ко мне на юбилей придешь?

«Другой такой возможности выведать все тайны мадридского двора не будет», — подумала Кудимова, игриво улыбаясь.

— С удовольствием.

— Молодость вспомним! — Румянцева вырвала из блокнота лист, черканула на нем адрес и телефон. — В пятницу в семь вечера.

— А подружки будут?

— Обязательно!

— А Вася?

— Мужиков к черту — девичник! — Румянцева задумалась, еще раз просмотрела документы Кудимовой и сказала: — Тылы, подруга, должны быть крепкие, поэтому мой совет тебе: не продавай квартиру.

— Я подумаю, — сказала Кудимова, чувствуя благодарность и необъяснимое расположение к этой странной женщине.

— И думать нечего — забирай! Твой испанец сегодня здесь, а завтра… ищи ветра в поле! Это он тебя надоумил квартиру продать?

— Он.

— Старый способ. Ты с ним свои денежки где-нибудь в Париже просвистишь, а потом — ку-ку!

— Ты так думаешь?

— Знаю. Не ты первая, не ты последняя, — улыбнулась Румянцева. — А есть вариант еще забавнее: твой испанец вовсе не испанец, а самый настоящий русский!

— А дом?

— А дом он в аренду снял. На время. Пока у тебя зеленые хрустят. Пока он тебя трахает! Понятно?

«Вот кому у нас в ментовке работать!»

— Спасибо, подруга! — Кудимова, уже не играя, совершенно искренне расцеловала Румянцеву. — У тебя не голова — Дворец Советов! А как моего испанца проверить — настоящий он или…

— На коллектив, — расхохоталась Румянцева. — Тащи его ко мне — мы через полчаса до седьмого колена его вычислим!

Когда Кудимова вернулась домой, Родин ужинал — доедал остатки завтрака.

— Добрый вечер, — сказал он. — Я купил импортные куриные ножки, но пожарить не успел — только приехал.

— Очень хорошо!

— Что «хорошо»? — насторожился Родин, который до сих пор не мог сообразить: глупость он сморозил, что связался с Кудимовой, или… обрел семейное счастье.

— Что пожарить не успел, — улыбнулась Кудимова, уловив его настроение. — Я их сейчас в духовку суну.

Она быстро переоделась и поведала Родину о своем разговоре с Румянцевой.

— Выходит, я был прав: она — нормальная баба, — задумчиво проговорил Родин. — Но ею кто-то крутит, ловко и очень умело. Кто?

— Редькин!

Родину показалось, что у него над ухом прогремел выстрел, настолько неожиданным, страшным и необъяснимым было обвинение Кудимовой. Он посмотрел ей в глаза и тихо сказал:

— Поясни.

Кудимова дословно передала монолог Редькина пятнадцатилетней давности.

— Это поразительно! — Родин потер переносицу, вскочил и

нервно заходил из угла в угол. — Ты точно помнишь, что он — Борис Ильич?

Кудимова перекрестилась.

— Бог видит — не вру! Я сама чуть не рехнулась, когда вспомнила. Подумала: неужели такое бывает? Оказывается, бывает. Как молнией высветило: Борис Ильич!

— И что «она будущая знаменитость»?

— Да, — кивнула Кудимова.

— Поразительно! — повторил Родин. — Если тебе память не изменила, то… Сейчас мы это проверим… — Он вытащил из пиджака, висевшего на спинке стула, свою потрепанную записную книжку, нашел телефон драматурга Голодарского и набрал его номер.

— Слухаю! — ответил насмешливый старческий голос.

— Эдуарда Петровича, — сказал Родин, вспомнив, что Голодарский склонен к розыгрышам.

— А кто его беспокоит?

— Уголовный розыск.

— Добрый вечер, Александр Григорьевич! Ради Бога извините, думал, старый приятель звонит, хотел повеселить его…

— Все нормально, — рассмеялся Родин. — Эдуард Петрович, у меня к вам несколько странный вопрос… Вы так давно работаете на литературном поприще, что знаете и помните, наверное, очень и очень многих…

— В общем-то, да. А кто вас интересует?

— Главный режиссер Молодежного театра. Как его по батюшке величают?

— Борис Ильич Эквас. Аква по-латыни — вода, поэтому в узких кругах его кличут Водяной.

— Что он из себя представляет?

— Очень приятный человек и талантливый режиссер Работать с ним — одно удовольствие.

— Как долго он руководит театром?

— Лет двадцать — двадцать пять. А может, и больше. Он один из немногих, кто пережил всех этих царедворцов. И продолжает жить Дай Бог ему здоровья!

— А вы когда-нибудь с ним работали?

— А как же! Лет пятнадцать назад он по моей пьесе поставил спектакль «Три вечера и одна ночь». Он имел большой успех!

Родин набрал полную грудь воздуха, словно ему предстояло нырнуть на черт знает какую глубину, и, как можно спокойнее,

спросил:

— А фамилия Краковская вам о чем-нибудь говорит?

— Людмила Краковская играла в моем спектакле заглавную роль. — Эдуард Петрович взволнованно замолчал, и Родин понял, что он — один из многих, кто был с ней в любовной связи. Так, по крайней мере, ему показалось.

— Она хорошая актриса?

— Замечательная! Когда играет свои роли.

— Что значит «свои»?

— Ну, всяких там блудниц, амазонок, неверных жен, роковых соблазнительниц и так далее. А в чем, собственно, дело? Почему она вас заинтересовала?

— У нее на Тверской прекрасная квартира, — решил приоткрыть карты Родин. — Она желает ее поменять…

Не остался в долгу и Голодарский — тоже раскрылся.

— Странно, — сказал он. — Мы с Водяным все пороги в Моссовете обили, чтобы заполучить для нее эту квартиру, Мила ее обожает, и почему она решилась на подобный шаг, я просто не понимаю.

— Может быть, деньги, — предположил Родин. — Она сейчас, наверное, как и многие ее собратья, перебивается с хлеба на воду…

— В отличие от своих коллег, — сказал Голодарский, — Людмила живет припеваючи — гастролирует, дает концерты. Недавно вот из Америки вернулась… Так что ей на судьбу грех жаловаться.

— А может, ее на березки потянуло, на природу?

— Она — городская, она ворону от галки не отличит, — вяло возразил Голодарский. — А березки, сосны — это для нее декорации. Не более.

— Ладно, поживем — увидим, — сказал Родин. — Всего вам доброго, Эдуард Петрович!

— И вам того же!

Родин положил трубку, обнял Кудимову за плечи и проговорил:

— Марго, гений не тот, кто изобрел паровоз, а тот, кто придумал расписание.

— Это ты к чему?

— К тому, что я теперь знаю, с какого вокзала, куда и во сколько отправился поезд, который мы так долго и упорно искали.

— И машиниста вычислил? — недоверчиво спросила Кудимова.

— Машинист — Вася. Или его начальство. Помощник машиниста — паскуда Редькин. Пассажиры — Краковская, Румянцева и им

подобные — проститутки, которые работали на МВД и КГБ.

— Значит, та квартирка была гэбэшная?

— Уверен. Они собрали на девок компромат, а потом использовали в своих интересах.

— А Румянцева… Выходит, она все-таки замешана в этом деле?

— Она — подстава. Кто-то — скорее всего, Вася — тщательно проверяет ее бухгалтерию, находит наиболее уязвимое место, например, лишнего человека при расселении коммунальной квартиры, и приказывает его убрать. Румянцева в ужасе: исчез клиент, а поделать ничего не может — вагон покатился…

— Слишком просто, — пожала плечами Кудимова. — Румянцева — баба умная, и в конце концов должна была догадаться, что происходит у нее за спиной. Если уже не догадалась.

— Ну и что? — усмехнулся Родин. — Она замазана, поэтому выбор у нее невелик — или закрыть глаза и продолжать работать, сделав вид, что ничего не произошло, или… Тогда ее уберут.

— Плакать, конечно, не буду, но… — Кудимова зажгла духовку и неожиданно спросила: — Как ты думаешь, она согласится с нами сотрудничать?

— Я этот вариант забронировал за Краковской.

— А чем она лучше Румянцевой?

— Краковскую танцевал Редькин, — задумчиво проговорил Родин. — Она и сейчас под его дудку пляшет: убраться с Тверской на Коломенскую — его предложение. И когда я ей на пальцах объясню, что произошло с ее предшественниками и что в случае неповиновения грозит ей, она моментально превратится в раненую, до непредсказуемости опасную тигрицу и пойдет на все, чтобы перегрызть Редькину горло. — Он помог Кудимовой засунуть сковородку с куриными ножками в духовку и, грустно улыбнувшись, развел руками. — Вот такой расклад, Марго. Так что с Клеопатрой ты пока погоди. Мне кажется, что когда она заподозрит неладное, то сама, первая, сделает шаг тебе навстречу.

— Ко мне? — Кудимова вскинула брови. — Ты хочешь, чтобы я пошла к ней на день рождения?

— Так ты же согласилась! — воскликнул Родин, выразив на лице искреннее удивление. — А теперь в кусты — боишься, что они тебя там оттрахают?

— Я? — вдруг расхохоталась Кудимова. — Друг мой, тебе известно, сколько ребят в армии занимаются онанизмом?

— Шестьдесят процентов.

— А в тюрьме?

— Девяносто пять.

— А девки чем занимаются? Молчишь? Правильно делаешь — лесбиянством! И в тюрьмах, и в студенческих общежитиях! И скажу тебе по секрету, что это намного приятнее, чем спать с каким-нибудь засранным, завшивленным и дурно пахнущим придурком. Ясно?

— Ясно, — сказал Родин, натягивая пиджак.

— Ты куда? — заступила ему дорогу Кудимова.

— Домой смотаюсь. За сменой белья и одеколоном.

ГЛАВА 6

Главному режиссеру Молодежного театра Борису Ильичу Эквасу было далеко за шестьдесят, но одевался он явно не по возрасту — ярко-красный свитер, черный кожаный пиджак, джинсы, кроссовки, поэтому на первый взгляд являл собой зрелище довольное жалкое: старый козел, забывший, что рога его давно пообтесались, утратили мощь и силу. Но кто так думал, то? здорово ошибался. Не избежал этой ошибки и Родин.

— Борис Ильич, — спросил он после обычного пятиминутного расшаркивания, принятого при первом знакомстве, — меня интересуют события пятнадцатилетней давности — каким образом Краковская, тогда еще молодая безвестная артистка, получила квартиру? — Спросил и усмехнулся, заранее решив, что если Главный чего и вспомнит, то пользы из этих воспоминаний он все равно не извлечет — какое ему дело до чужих проблем и чужой жизни? Своя, наверное, не очень-то сложилась.

Борис Ильич вопросу не удивился: видимо, Голодарский, не сдержав своего обещания — молчать, подготовил его к этому трудному разговору.

— Я могу ответить одной фразой: Моссовет дал. Но вас, по-видимому, такой вариант не устроит. Я прав?

— На сто процентов.

— В таком случае вам придется выслушать предысторию этой истории, иначе вы ни черта не поймете.

— Согласен.

Борис Ильич кивнул и, смежив веки, откинулся на спинку кресла— в такой позе ему, видимо, лучше вспоминалось.

— Однажды Голодарский, который имел честь вас представить, притащил мне пьесу — «Квартира»…

Чтобы скрыть изумление, Родин прикрыл ладонью лицо и вполголоса сказал:

— Странное название.

— Я понимаю, — сухо заметил Борис Ильич. — Вас бы больше устроило: «Стреляй в спину!»

— Я не люблю детективную литературу.

— Напрасно. Она развивает воображение.

— С этим у меня в порядке. В чем соль пьесы?

— Соль — коммунистическая! — зло отчеканил Борис Ильич. — Великое братство людей, проживающих в коммунальной квартире… Доброта, товарищество, взаимовыручка — хлеба горбушка, и та пополам!

— Хорошая тема. Мы — мать, отец, мой младший брат и я — семь лет прожили в коммуналке.

— С кем-нибудь из соседей отношения сохранились?

— Мы даже в гости к друг другу ходим — выпиваем, вспоминаем… И плохое, и хорошее…

Борис Ильич грустно усмехнулся.

— Вам повезло. Я жил в зверинце. В пьяном зверинце! Меня даже к телефону не подзывали… Подходил сосед Лева и, покачиваясь, твердым голосом сообщал: «Его убили! Если хотите знать подробности, звоните родственникам Кагановича».

— Евреям в коммуналках жилось скверно, — согласился Родин и, чтобы вернуть собеседника к теме, спросил: — А Голодарский, как я понимаю, решил этот вопрос в контексте журнала «Дружба народов», так?

— В общем, да. Один из его героев — еврей, фронтовик, действие происходит после войны — учится в Литературном институте. У него роман с соседкой — милой русской девчонкой, которая работает на швейной фабрике…

— Понятно, — сказал Родин, думая, что ему сейчас начнут пересказывать сюжет. — Спектакль состоялся?

— Да. И имел бешеный успех! — воскликнул Борис Ильич. — Но дело не в этом… Однажды Голодарский заявился на репетицию со своим другом — поэтом Борисом Слуцким. Поэт он был известный, почитаемый, поэтому после прогона мы, естественно, поинтересовались его мнением. Слуцкий многозначительно покашлял и сказал: «Ваш герой — поэт, а рот у него на замке: за весь спектакль я не услышал из его уст ни одного стихотворения. Как это понимать?» Голодарский стихи не пишет, ответил я, а вставлять чужие… Вроде бы бестактно. «Вставьте мои, — рассмеялся Слуцкий. — Я возражать не буду». И прочитал свое последнее, еще нигде не напечатанное стихотворение. Вот благодаря этому идиотскому стихотворению Краковская и получила квартиру. Дикость, нелепость, но — факт!

— А можно его послушать? — спросил Родин, не скрывая любопытства.

— Пожалуйста. — Борис Ильич потер высокий лоб и чисто

актерским движением откинул в сторону руку.

У меня была комната, с отдельным входом,
Был я холост и жил один,
И если была охота,
Я товарищей приводил.

Мои товарищи жили с тещами,
С женами, похожими на этих тещ,
Очень толстыми и очень тонкими,
Хмурыми и пасмурными, как осенний дождь.

Мои товарищи любили жен
И говорили все чаще и чаще:
Что же ты не женишься, эх ты, пижон,
Что ты понимаешь в семейном счастье.

Нет, мои товарищи не любили жен,
Им нравились девушки с молодыми руками,
С глазами, в которые ты погружен
И падаешь, падаешь, словно камень.

А я был брезглив. Вы это помните?
И глупых вопросов не задавал,
Я просто давал им ключи от комнаты,
Они просили, а я давал.

Борис Ильич, словно проверяя, хорошо ли выбрит, провел пальцами по щеке.

— Стихи, как видите, неплохие, откровенные, но с каким знаком их читать — вопросительным или восклицательным — я до сих пор не знаю.

— А я не понимаю, как их связать с квартирой Краковской, — разозлился Родин. — Объясните, если нетрудно.

— Какой вы, батенька, нетерпеливый! — Борис Ильич внимательно посмотрел на Родина и, выдержав паузу, сказал: — Я стихи запретил — нас могли не понять, но Коля Пеньков, который играл поэта — теперь он у Дорониной хулиганит, — однажды засандалил пару стаканов и, значит, во втором акте их публике и выдал.

Стихи приняли с восторгом — хлопали, вызывали на бис, но в зале, как назло, сидели два корреспондента «Комсомольской правды», они все на ус намотали, состряпали рецензию, врать не буду — хорошую, а

в конце, как бы между прочим, вопросик: «Как понимать сие творчество?»

На следующий день звонок из ЦК — зайдите. Зашел. Кастрировали — невыездной, неугодный, ненужный… Борис Ильич печально поджал губы, придвинул к себе коробку с табаком и принялся набивать трубку.

— И долго вы были ненужным? — не выдержал Родин.

— Три месяца. Ровно через три месяца снова побеспокоили. На этот раз ваш коллега — некий господин Редькин Алексей Васильевич…

— Он представился?

— Начальник какого-то отдела Министерства внутренних дел.

— Дальше.

— Он выразил пожелание, которое прозвучало как приказ: мы, мол, должны по достоинству оценить талант Краковской и дать ей квартиру. А вам за это воздастся: и с визой помогут, и денег на ремонт театра найдут. — Борис Ильич наконец раскурил трубку, сделал несколько глубоких затяжек и, спрятавшись в клубах дыма, тяжко вздохнул. — Как вы понимаете, моя виза — это виза театра, поэтому выбора у меня, в общем-то, не было…

— Понятно, — сказал Родин. — С Редькиным вы встречались? Лично?

— Нет. Общались только по телефону. Он оставил мне свой номер и сказал: «Будут трудности — звоните». Я этим воспользовался и, когда Краковскую утвердили в звании заслуженной артистки РСФСР — без звания, извините, квартиру получить трудно, почти невозможно, — позвонил и сказал, что в Министерстве культуры жилищные фонды на этот год исчерпаны. Он рассмеялся: «Поможем. Обратитесь в Моссовет к зампреду по жилищным вопросам Козлову Игорю Святославовичу». И все. Вопрос решился.

Родин кивнул, потер указательным пальцем переносицу.

— Борис Ильич, извините, вопрос интимный…

— Знаю, что хотите спросить, — догадался Борис Ильич. Лицо его вытянулось и приобрело лукаво-смущенное выражение. — Признаюсь: грешен — нечистая сила попутала! Это случилось, когда мы обмывали ее квартиру.

— Инициатива принадлежала ей?

— Да. Устоять перед этой особой практически невозможно. Она — самка! Она боготворит свое тело и, когда слышит его призывы к любви, превращается в сатану — только бы ублажить похоть! — Борис

Ильич огладил свою красивую, аккуратно подстриженную хемингуэйевскую бороду и печально вздохнул. — История эта стала достоянием общественности, и Борис Слуцкий навек приковал меня к позорному столбу.

Борис Ильич — антисемит!
Задумал ход злодейский.
Посколько он с еврейкой спит
… он рот еврейский.

Родин от души расхохотался.

— Этот ваш Слуцкий большой юморист. Вы на него обиделись?

— За что? — улыбнулся Борис Ильич. — Он мне рекламу сделал. Через неделю этот куплетик уже в Большом театре пели! А вот жена сердилась долго…

— Свои донесли?

— Естественно — спаси меня от друзей, с врагами сам справлюсь.

— Это верно, — задумчиво проговорил Родин. — Вы меня с Краковской познакомите?

— На предмет?

— Очень серьезного разговора.

— В котором затронете некоторые неблаговидные поступки господина Редькина, — продолжал с ехидной усмешечкой Борис Ильич, — нашего нынешнего заместителя министра МВД России. Так?

— Допустим. — Родин полез в карман за сигаретами и неторопливо, чтобы было время подумать над ответным ходом, закурил. — Когда вы позволили себе усомниться в честности Редькина?

— Во время нашего первого с ним телефонного разговора, — с вызовом бросил Борис Ильич. — Он предложил мне сделку: ты ей — квартиру, я тебе — визу. Что я после этого должен был подумать, если, конечно, я не дурак? Я правильно подумал: Краковская — его любовница. И не только любовница — с любовницами квартирами не расплачиваются, она — его тайный агент! А подумав так, я решил этим обстоятельством воспользоваться и, чтобы оградить себя в дальнейшем от неприятностей, стал с Краковской заигрывать — вешать лапшу на уши: какая ты талантливая! как ты умеешь прочитать пьесу! как ты прекрасно чувствуешь партнера! Ну и, конечно, центральные роли подкидывал… В общем, все эти годы я жил за ней, как за каменной стеной — в полной безопасности!

Борис Ильич скроил вежливую улыбочку и вдруг выбросил вперед

свои длинные костистые руки.

— А сегодня ко мне заявляется некий господин Родин и задает вопросы, которые ставят его же в неловкое положение. Почему? Отвечаю. Что ваш Редькин хам, скотина и продажная сволочь, я знал, повторяю, еще пятнадцать лет назад, но по известным причинам молчал. А вы, господин Родин, узнали об этом, извините меня за каламбур, пятнадцать лет спустя. Стыдно, батенька! Плохо работаете!

Оплеуха была настолько увесистой, по-еврейски смачной и горячей, что Родин почувствовал, как у него зарделись щеки. Он стыдливо опустил глаза и, приложив ладонь правой руки к своему короткому ежику волос, сказал:

— Борис Ильич, снимаю шляпу! Вы — гениальный режиссер!

— Мне это говорили так много раз, что я этому не верю, — рассмеялся Борис Ильич. — У вас есть еще ко мне вопросы?

— Есть. Мне показалось, что вы очень иронично отнеслись к моему предстоящему разговору с Краковской. Почему?

— Хороший вопрос. — Борис Ильич окинул свой кабинет цепким взглядом, легко поднялся, подошел и ткнул пальцем в рекламный плакат спектакля «Так победим», который он ставил по пьесе Михаила Шатрова.

— Люди ломились на эту чушь!..

— Я не исключение, — сказал Родин.

— А сейчас, если вернуть постановку, лавиной хлынут: народ больше не верит демократам, которых представляет наше лживое, коррумпированное, проворовавшееся правительство. Он устал, сбился с дороги и, отчаявшись, ооратил свой взор назад, в коммунистическое прошлое — вспомнил, что при большевиках ему жилось не так уж плохо: и конура была, и кормили регулярно — три раза в день, и погулять выпускали…

— А про плетку он забыл?

Борис Ильич взорвался гомерическим смехом.

— Дорогой Александр Григорьевич, народ соскучился по плетке, ибо он — ездовая собака. Он привык ходить в упряжке, привык вкалывать до седьмого пота, он уже не может без окрика, он верит не в себя — в хозяина, которому рабски предан и без которого просто не может представить своего существования! Уловили мою мысль?

— Вы хотите сказать, что Краковская — тоже ездовая собака?

— Абсолютно верно! Она Редькину обязана всем — образованием, квартирой, работой, успехом на сцене и в жизни. Она знает, что он — ее Господин, Властитель! Она знает… Обратите внимание — я

говорю: знает! Знать — это значит не думать. Дважды два — не думают, а знают! Вы можете возразить: знание — сила! Верно. Но только в том случае, если ты знаешь: это можно, а то — ни в коем случае. Редькин же уверен, что ему можно все. И передал свою веру Краковской. И она приняла ее и теперь знает, что для господина Редькина невозможного не существует. Он для нее — авторитет: командовал парадом при коммунистах, командует парадом при демократах и будет командовать всегда! Он для нее — Вечный жид! — Борис Ильич грозно и предостерегающе вскинул вверх указательный палец. — Ив этот — кульминационный — момент вваливаетесь вы и по секрету сообщаете ей, что он — не вечный, а дерьмо собачье! Представляете, что она с вами сотворит? Она спустит на вас всех ездовых собак России — безработных, голодных, озлобленных до сумасшествия! Так что, Александр Григорьевич, прежде чем ступить на сей тонкий лед, подумайте. Крепко подумайте!

Родин нервно рассмеялся.

— Я уже подумал. — Он раскрыл кейс и вытащил две бутылки — коньяк и шампанское. — Борис Ильич, не буду лгать, эти напитки я приготовил для разговора с Краковской, а дарю вам — вы их заслужили!

— Спасибо, — сказал Борис Ильич. — Я рад за вас: вы не захотели знать, вы сразу же начали шевелить мозгами.

— Благодаря вам.

— В таком случае давайте выпьем за дураков — они дают очень богатую пищу для размышлений.

МАГНИТОФОННАЯ ЗАПИСЬ ДОПРОСА

ПОДОЗРЕВАЕМОГО ГЛАЗОВА В. П.

Вопрос следователя: Вам предъявляются три фототаблицы. Поясните, есть ли среди этих людей кто-либо, кто вам знаком?

Ответ: Да есть. Добровольская Екатерина Васильевна и Конькова Маргарита Петровна.

Вопрос: Где вы познакомились с Коньковой?

Ответ: В агентстве недвижимости «Онега».

Вопрос: Вы оба там работали?

Ответ: Да.

Вопрос: Ваши отношения с Коньковой можно назвать… близкими?

Ответ: Можно.

Вопрос: Вы состояли в гражданском браке?

Ответ: Нет. Мы все сделали гораздо проще: я завещал ей свою дачу в Пахре, она мне — квартиру. Так надежнее.

Вопрос: Кто проживал в этой квартире?

Ответ: Сперва мы ее сдавали, а потом… она решила ее продать.

Вопрос: Конькова утонула. Где вы находились в это время?

Ответ: В Ярославле. На гастролях.

Вопрос: Вы в этот день были заняты в спектакле?

Ответ: Да.

Вопрос: Кто вам сообщил о смерти Коньковой?

Ответ: Мой сосед по даче драматург Голодарский.

Вопрос: Он дал вам телеграмму?

Ответ: Позвонил по телефону.

Вопрос: Кому продала квартиру Конькова?

Ответ: Продажей квартиры занималось агентство «Онега».

Вопрос: Деньги за квартиру Конькова получила?

Ответ: Не знаю. Я был в это время на гастролях.

Вопрос: Агентство «Онега» знало, что Конькова завещала квартиру вам?

Ответ: Ответить на этот вопрос могла бы только Конькова — она оформляла документы на продажу квартиры.

Вопрос: Где вы познакомились с Добровольской?

Ответ: На суде. Мы оба претендовали на квартиру.

Вопрос: Квартира по завещанию осталась за вами. Вы согласны, что в смерти Коньковой были заинтересованы только вы?

Ответ: Что вы этим хотите сказать?

Вопрос: То, что сказала: вы были заинтересованы в смерти Коньковой?

Ответ: Это домыслы! Гнусная инсинуация! Закон признает только факты. И, как юрист, вы должны это понимать.

Вопрос: Хорошо. При обыске на вашей даче нашли вот это золотое кольцо и серебряный браслет… Эти вещи принадлежат Добровольской. Каким образом они попали к вам на дачу?

Ответ: Мне их подбросили.

Вопрос: Кто?

Ответ: А вот это уже должны выяснить вы или ваши сыщики. Если они, конечно, профессионалы.

Вопрос: Вы в этом сомневаетесь?

Ответ: Девочка: я знаю только одно: перед тем как лечь в койку, надо снять трусики. Понятно?

Вопрос: Не хамите, гражданин Глазов!

Ответ: Хамство — это предъявлять человеку бездоказательные обвинения. Вам, по-моему, это хорошо известно, но из-за своей лени или, повторяю, непрофессионализма вы продолжаете работать по старинке — выбиваете признание силой или пытками. Все. Больше

разговаривать на эту тему я не желаю.

— Оружие есть? — спросил дежурный начальник караула.

— Оружия нет, — ядовито процедил Климов и, распахнув пиджак, похлопал ладонью по кобуре, прикрепленной ремнями под левой мышкой.

— Проходите.

С глухим лязгом щелкнул автоматический замок. Дверь распахнулась, и Климов вошел в Дом предварительного заключения — так кто-то когда-то очень мило окрестил внутреннюю тюрьму Московского уголовного розыска на Петровке, 38.

Климов спустился в подвал и пошел по долгому извилистому коридору, жмурясь от пронзительного света люминесцентных ламп. Поворот налево, направо… Авот и они — клетки-камеры для подследственных и подозреваемых. У предпоследней — свора конвойных псов, от старшего вертухая — майора Подольского — до самого младшего — сержанта Гринько. А вокруг них в немом, растерянном ожидании застыли следователь Танечка Благонравова, тюремный доктор Калещук, неказистый, преклонных лет мужичонка с круглыми, как у черепахи, и мутными от постоянного пьянства глазами, и его, Климова, заместитель майор Смородкин.

Климов заглянул в камеру. Глазов лежал на нижней койке. Лицом к стене. Он покончил с собой так, как это можно было сделать только в камере: веревку смастерил из рукавов разорванной рубашки, один ее конец закрепил за перекладину верхней койки, шею стянул петлей и всем своим весом рухнул вниз.

«Хорошая работа, — подумал Климов. — И работал ее заплечных дел мастер, который стоит сейчас у меня за спиной. Но кто?» — Он резко повернулся.

— Доктор, в каком часу наступила смерть?

— Ночью. Примерно от трех до пяти, — быстрой деловито ответил Калещук, дохнув на окружающих луком и кислой старой выпивкой.

— Обследовали?

— Он уже и акт подписал! — зло вскинул подбородок Смородкин. Шея у него напряглась, плоско, точно у кобры, расширилась, образовав по бокам глотки две напряженные жилы с провалом посередине. — У-ду-ше-ни-е!

— Повреждений нет?

— Не обнаружил.

— Ну а кто дежурил во время удушения?

— Я, — понуро выдавил сержант Гринько.

— «Я»… Это кто?

— Извините, товарищ подполковник… Сержант Гринько.

— Гринько… — Климов заложил руки за спину и, качнувшись с пяток на носки, окинул сержанта задумчиво ледяным взглядом. — Не при вашем ли дежурстве месяца три назад удавился точно таким же макаром подследственный Донцов?

— Так точно, товарищ подполковник.

— И как вы это объясните?

— Виноват, товарищ подполковник! Я смотрел в глазок, но он, паразит, одеялом накрылся.

— После того как повесился?

— Не шутите, товарищ подполковник. Я понимаю, что дураком выгляжу…

— Это хорошо. — Климов посмотрел на Благонравову, улыбнулся одними губами и приступил к заранее отрепетированному разговору. — Татьяна Алексеевна, накануне вы допрашивали обвиняемого?

— Да.

— Он признал свою вину?

— Нет.

— Какое у него было настроение?

— Подавленное.

— Я понимаю ситуацию так, — подыграл Смородкин. — Повесился — виноват.

— Ваше понимание, майор, к делу не пришьешь. — Климов язвительно улыбнулся. — Допрос на магнитофон записывался?

— Нет, — твердо ответила Благонравова.

— Родственники у подозреваемого имеются?

— Нет.

— Значит, хоронить его нам, — как бы между прочим отметил Климов и перевел взгляд на майора Подольского. — Так?

— Выходит, что так, товарищ подполковник, — оживился майор. — Кремируем с почестями!

— И проследите, пожалуйста, чтобы документы были в полном порядке.

— Будут! — выпятив цыплячью грудь, радостно пробубнил доктор.

— А вы, майор, проводите покойного в последний путь, — сказал Климов, обращаясь к Смородкину. — Ваш подследственный — вам и отвечать.

— Ответим. — Смородкин проводил взглядом начальство — Климова и Благонравову, которые скорым шагом направились к выходу, повернулся к сержанту Гринько и сунул ему под нос свой огромный с рыжей проседью кулачище. — Если у тебя еще кто-нибудь когда-нибудь повесится, рожа вертухайская, то в печку полезет не покойник, а ты! Все понял?

Гринько в ужасе отшатнулся.

Впоследствии, вспоминая этот день — 20 августа 1995 года, — Скоков назовет его днем сюрпризов, но это впоследствии… В данный же момент он сидел на полу в своем собственном офисе и с удивлением и одновременно любопытством рассматривал сюрприз номер один — миниатюрный радиомикрофончик на резиновой присоске, ловко и незаметно прикрепленный к внутренней поверхности его письменного стола, рассматривал и думал: «Надо же, слушают! Кому же это я на хвост наступил? И кто поставил? Неужели свои?»

От этой мысли полковнику стало холодно и одиноко. Он ласково потрепал по шее Кефира — широколобого, грудастого, с умными и очень разговорчивыми, по выражению Родина, глазенками бультерьера, тяжело, неловко поднялся и спросил:

— Ну и что будем делать?

Кефир преданно тявкнул и бросился во двор.

— Соображаешь. — Полковник грустно улыбнулся и пошел следом.

Офис Скокова имел два выхода. Один — парадный, на улицу, второй — во внутренний дворик, отгороженный от посторонних глаз мрачным бетонным забором. «Как в тюрьме», — заметил однажды по этому поводу Красин. Яша Колберг согласился и, будучи парнем деловым и хозяйственным, раздобыл где-то бочку краски и за субботу и воскресенье с помощью свободных от дежурства охранников выкрасил забор в приятный голубой цвет. А заодно в тени раскидистой березы соорудил беседку — летнюю резиденцию, как он выразился, показывая ее Скокову.

Полковник одобрил работу. Более того, выписал ребятам денежную премию и сказал:

— Инициатива требует вознаграждения.

Яша расплылся в самодовольной улыбке.

— Краску сперли? — последовал вопрос.

— Одолжили, — ответил Яша, моментально пригасив улыбку.

— Расплатитесь. А на будущее запомните: на крючок легче всего

поймать должника.

Красин и Родин сидели в беседке и гоняли чай. Скоков присоединился к ним и, закурив, глухо обронил:

— Ребята, нас слушают.

— Как «слушают»? — не понял Красин.

— Пять минут назад Кефир обнаружил под моим столом жучок.

Услышав свое имя, Кефир подбежал к хозяину и внимательно посмотрел на него — что, мол, еще требуется.

— Сидеть!

Кефир мгновенно выполнил команду. Скоков дал ему кусочек сахара и улыбнулся, вспомнив, каким беспомощным, жалким и растерянным выглядел этот ныне грозный, беспредельно уважающий себя пес, когда несколько месяцев назад его притащил в офис охранник Миша Краев. Он еле стоял на ногах, от страха дрожал и повизгивал, и все, кто находился в это время на работе, думая, что он голоден, бросились по своим сусекам. Красин сунул ему бутерброд с ветчиной, Родин — сосиску, Яша — котлету, а он, Скоков, подумав, вылил в миску бутылку кефира — свою ежедневную обеденную порцию, которую выдавала ему на работу жена. Щенок предпочел молочное. Он вылизал миску до дна, за что и заработал себе кличку Кефир, описался и, забившись от стыда под стол, крепко и быстро, как все дети, уснул.

— Если нас слушает Марк Антоний, то он должен знать каждый наш следующий шаг, — сказал Родин. — Если это допустить… Нет, это невероятно!

— А если все-таки допустить, — продолжил Скоков, — то картинка получается неприглядная: Климов, Смородкин и, естественно, Кудимова — под колпаком. И с каждым из них в любую минуту могут разделаться… Как они разделались с Коньковой и Добровольской.

— Давайте без паники, — сказал Красин, — давайте подойдем к этому факту совершенно с другой стороны… — Он вскинул вверх правую руку, зафиксировав ее ладонью к собеседникам. — Кто нам мог загнать жучок? Только чужой. А кто из чужих, посторонних, был у нас в офисе за последние дни? Добровольский. Он горит желанием отмщения, поэтому…

— Версия неплохая и ее легко проверить, — кивнул Скоков. — Ну а что, если это дело провернул свой? Чего улыбаетесь? Трудно поверить?

— Трудно, — сказал Родин.

— Тогда представь себе тысячу баксов наличными…

— Здравствуйте, господин полковник!

Скоков обернулся и, увидев, что к ним приближается Климов, тихо сказал:

— Ему про жучок — ни слова. Он может в горячке дров наломать…

— Чай, значит, гоняете… — Климов сел за стол, положил на колени кейс, раскрыл его и вытащил конверт с фотографиями. — Вот вам человечек, который со слов драматурга Голодарского отправил на дно гражданку Конькову. Полюбовались?.. Теперь неприятное: сегодня ночью в камере повесился Глазов. Однако я в этом сильно сомневаюсь. Думаю, он не сам удавился, ему помогли…

Если первый сюрприз Скоков воспринял спокойно и мужественно, как и подобает бывалому оперативному работнику, то второй, который преподнес ему Климов, ранил его в самое сердце. Ведь это он сдал Глазова, значит, он и виноват в его смерти!

Скоков, не скрывая растерянности, хлопнул себя ладонью по коленке.

— Вот вам ответный ход! — Его круглые неопределенного цвета глаза налились яростью дикой кошки. — Ход умный, очень расчетливый: повесился — признал виновность!

— Правильно, — поддакнул Климов. — И кругом полная ясность! А раз так — закрывайте дело, господа следователи. Венец — делу конец!

— Крыть действительно нечем. — Родин витиевато выругался и, забыв, что Климов не знает ни о разговоре Кудимовой с Клеопатрой, ни о его беседе с главным режиссером Молодежного театра, мрачно обронил: — Недооценил я способности господина Редькина!

Климов зычно расхохотался.

— Саша, я тебе это не раз говорил, но с удовольствием повторяю еще разок: ты хоть и пижон, но мозги у тебя работают в полный накал, как у академика. — С этими словами он вытащил из кейса портативный магнитофон и нажал кнопку воспроизведения. — Это вам на закуску…

МАГНИТОФОННАЯ ЗАПИСЬ ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА

КРАКОВСКОЙ Л. Б. И ГОСПОДИНА ИКС

Краковская: Здравствуй, Леша!

ИКС: Здравствуй, радость моя! Что-нибудь случилось?

Краковская: Да.

ИКС: В двух словах объяснить не можешь?

Краковская: Трудно. Мне нужен совет.

ИКС: Ты из дома?

Краковская: Да.

ИКС: В семь часов я за тобой заеду, и мы смотаемся на дачу. Договорились?

Краковская: Я буду ждать.

P. S. Номер телефона господина ИКС не зарегистрирован.

— Узнали голосочек? — не скрывая торжества, спросил Климов.

— Узнали, — ответил за всех Красин.

Это был третий сюрприз. Скоков знал, что Редькин — редкий прохвост и сволочь, ибо проработал с ним не один год, догадывался, что он имеет отношение к этому делу — ну, там, берет взятки, прикрывает кого-то из мафиозных структур, в общем, нагло и открыто использует свое служебное положение и связи, но ему и в кошмарном сне не могло присниться, что Редькин — одна из центральных фигур этой банды, машинист или помощник машиниста, как выразился Родин, поезда, который пять лет назад отправился из СССР в СНГ. Со всеми остановками. И на каждой — убийство или грабеж…

Скоков отпустил галстук, расстегнул верхнюю пуговицу рубашки и только после этого каменно взглянул на Климова. Костя моментально согнал улыбку с губ и из круговорота мыслей отметил только одну: полковник стар — сухое пергаментное лицо, выцветшие глаза, белесые, потерявшие эластичность губы, редкая седая щетина, складками висевшая на шее кожа… Убийство Глазова и предательство Редькина выдали Скокова с головой.

— Семен Тимофеевич, у меня есть план, — заметно волнуясь, проговорил Климов. — Я придумал, как насолить Редькину…

— Его убить мало!

— Согласен. Но сперва выслушайте меня… — И Климов принялся рассказывать, какой спектакль он устроил вертухаям во внутренней тюрьме на Петровке.

Скоков слушал молча, не перебивая и беспрестанно поглаживая короткий ежик жестких, тронутых сединой волос. Он нервничал, но не хотел в этом признаваться, выдать себя и, постукивая костяшками пальцев по столешнице, думал о возможных последствиях разработанного Климовым мероприятия. Наконец не выдержал и спросил:

— Кто повезет в крематорий Глазова?

— Смородкин. А по дороге заедет в анатомичку Первого мединститута и… Каширин быстро произведет вскрытие и даст заключение о причине смерти покойного. Этой — официальной — справочкой я им нос и утру.

— В этом что-то есть, — кивнул Скоков. — Каширин дал согласие?

— За сто баксов.

— Где ты их возьмешь?

— У вас.

— Котелок у тебя варит. — Скоков перевел взгляд на Родина и ядовито процедил: — За сто! А если ему дать тысячу… Нет, прав Маяковский — «Ни Пушкин, ни Гете, ни Врубель не верили в строчку, а верили в рубль!»

«Слава Богу, оклемался», — подумал Родин, подмигнув Красину.

— Каширин может поинтересоваться, почему он должен резать ночью, — продолжил свой допрос Скоков. — Чем ты это объяснишь?

— Срочностью.

— А кто ему будет помогать? Санитары?

— Родин с Яшкой.

Скоков налил себе стакан чаю, жадно выпил и посмотрел на Родина. Взгляд был светел и пронзителен, точно луч солнца, пробившийся сквозь узкую щель.

— Саша, возьми с собой фотографии Коньковой и Добровольской и покажи их оператору крематория. Мысль, конечно, абсурдная, но… Чего в жизни не бывает!

Климов неожиданно вскочил, шагнул из-под навеса навстречу лучам заходящего солнца и, воздев руки к небесам, вскрикнул как простонал:

— Ну почему я до этого не додумался? Ведь это задачка для семиклассника!

— Потому что в шестом два года сидел, — прыснул в кулак Родин. А про себя подумал: «Черт возьми! А ведь он наверняка продолжает играть спектакль, который начал играть еще в тюрьме… А мы его за простачка держим… А этот простачок не такой уж дурачок! Если я прав, то третий — заключительный — акт этого спектакля мы проведем под его руководством — он заказывает музыку».

И здесь Родина осенило.

— Костя, кончай балаган, — сказал он строго. — Кто будет разыгрывать последнюю комбинацию?

— На этот вопрос я вам отвечу завтра утром. — Климов взглянул

на часы. — Каширин ждет вас — тебя и Яшку — ровно в полночь у входа в анатомический театр Первого медицинского института.

— В полночь! — рассмеялся Родин. — Это ты для страха придумал?

— Это не я придумал — Гоголь! Сатана работает только по ночам — с двенадцати ночи до первых петухов. Всего доброго! Удачи!

Скоков проводил Климова задумчивым взглядом и сказал:

— Полковничьи погоны он заработает честно. А вот со службы, пожалуй, вылетит.

ГЛАВА 7

За свою долгую жизнь в уголовном розыске Смородкин к покойникам так и не привык. И не потому что брезговал или испытывал физическое отвращение, нет, просто когда он смотрел на обезображенный труп, то ему в голову приходила всегда одна и та же идиотская мысль: «Господи, неужели и я когда-нибудь…» От такой картинки ему становилось худо — краски жизни меркли, сгущались и наступала темнота, в которой не было места ни одному человеческому чувству — ни горю, ни радости, ни желанию обладать женщиной, в общем — хоть сам в петлю лезь. Поэтому, чтобы не испытывать душевных мук, Смородкин перед «общением» с покойником всегда принимал грамм двести вод0чки.

На этот раз Смородкин выпил всего лишь соточку, благоразумно решив, что остальные четыреста грамм они допьют вместе с Кашириным в анатомическом театре.

Он перелил водку в плоскую алюминиевую фляжку и опустил ее в левый карман пиджака. Затем открыл сейф. Из секретного отдела извлек ПМ. Ствол был «чист», ни в одном документе не зафиксирован. Его изъяли в камере хранения в бесхозной сумке. «Подарю Родину, нельзя ему без оружия». Подумал и привычным движением вогнал пистолет в наплечную кобуру.

Порывшись в бумагах, вытащил три фотографии — Добровольской, Коньковой и парня, который отправил ее в царство вечного успокоения и мрака. «Предположительно, — поправил он самого себя и сунул фотографии во внутренний карман пиджака. — Так, теперь, кажется, все в порядке».

По черной лестнице Смородкин спустился во внутренний двор, пересек его и вошел в Дом предварительного заключения.

— Здравствуй! — поднялся навстречу дежурный начальник караула майор Подольский.

«А ведь он должен был смениться еще утром, — подумал Смородкин, — А все торчит, нюхает… Значит, причастен».

— Здравствуй! Документы готовы?

— В полном порядке. — Подольский вручил Смородкину пачку бумаг, а сам принялся названивать по телефону.

— Почивалов, машина вышла?.. Сколько?.. Благодарю. Можешь

отдыхать!

— Гринько, скажи сопровождающим, чтобы, значит, тащили груз на выход. Все понял?.. Отлично! Отдыхай!

Смородкин спрятал документы в карман, скрестил на груди руки и широко зевнул, выказывая полное безразличие к происходящему.

— Не выспался? — посочувствовал Подольский.

— Работы много, — кивнул Смородкин. — А людей мало. Кручусь как белка в колесе. Устал.

— Может, махнешь на дорожку?

— Водочка? — изобразил интерес Смородкин.

Подольский открыл боковой шкафчик со стальными дверцами, вытащил бутылку коньяка и пачку импортного шоколада.

— В нашем деле без этого сложно, — сказал он, словно оправдываясь.

— Это верно, — поддакнул Смородкин, принимая стакан. — Будь здоров!

— Будь!

Они выпили. Подольский вытер тыльной стороной ладони губы и протянул Смородкину пачку «Мальборо».

— Угощайся.

— Богато живете, — сказал Смородкин, чиркнув зажигалкой.

— Не мы — наши подследственные, — хохотнул Подольский. — Они и на зоне — «со всеми в шоколаде». Для них, паразитов, все — от ликера «Амаретто» до отдельной хаты с телкой и видеофильма каждую ночь. Блатные скалятся, а поделать ничего не могут — деньги!

— Да, мафия блатных подкосила, — согласился Смородкин. — И на зоне, и на воле.

В конце коридора послышался топот ног, кто-то выругался, и через несколько секунд двое охранников протащили мимо Смородкина брезентовый мешок с клеймом «почта».

— Вот и все, что от бедолаги осталось, — беззвучно прошептал Смородкин. — Почта! И сейчас мы эту почту бандеролью отправим туда, откуда ее и получили, — к Господу Богу!

Он удрученно вздохнул и вслед за Подольским вышел во двор, где их уже поджидал с распахнутыми настежь задними дверками продовольственный фургон. Охранники приподняли мешок, раскачали и под короткий вскрик: «Три»! — закинули его в темный провал машины. Затем, помогая друг другу, залезли сами. Шофер закрыл за ними дверцы.

— Поехали?

— Поехали. — Смородкин вяло пожал Подольскому руку и забрался в кабину.

Машина рванулась в ночь.

Когда выехали на Садовое кольцо, Смородкин спросил:

— Ты ездил когда-нибудь в анатомичку Первого мединститута?

— Ездил, — кивнул шофер. — А что?

— Вот туда и езжай.

— Но мне приказано в крематорий!

— Приказываю здесь я! — рявкнул Смородкин и впервые за всю дорогу глянул шоферу в лицо. И помертвел: перед ним сидел парень, фотографию которого он полчаса назад вытащил из сейфа.

— Что с вами? — обеспокоился шофер. — Вам плохо?

— Сердце! — Рука Смородкина нырнула под пиджак, ладонь непроизвольно сжала ручку пистолета.

— Так в крематорий или в анатомичку?

— Сперва в анатомичку, а потом в крематорий, — сказал Смородкин и, отпустив ручку ПМ, принялся массировать сердце. — Это приказ начальства. А приказы, как ты знаешь, не обсуждаются.

— Да мне-то что, — фыркнул шофер. — Куда скажете, туда и повезу.

— Вот и ладушки! А сейчас останови у коммерческой палатки… Я минералки куплю.

Через двадцать минут машина въехала во двор Первого мединститута и по приказу Смородкина остановилась у второго подъезда. Шофер открыл переговорный лючок в кузов и насмешливо, а может, Смородкину это только показалось, сообщил: «Приехали!»

Охранники вылезли из машины и удивленно осмотрелись.

— А куды это нас занесло? — спросил тот, что был выше ростом.

— На кудыкины горы! — обрезал Смородкин, направляясь к двери. — Вытаскивайте груз. — Он нащупал кнопку звонка, надавил, и через минуту с небольшим на пороге возникли две фигуры в белых халатах — Родин и Яша Колберг. Они ловко и без лишних вопросов приняли из рук охранников брезентовый мешок и поволокли его в анатомический зал.

— И долго нам здесь околачиваться? — спросил шофер.

— Думаю, больше часа, — не стал юлить Смородкин.

Высокий охранник толкнул в бок товарища. Тот мгновенно превратился в обездоленного, затюканного жизнью страдальца.

— Начальник, выдели на водочку, а то мы здесь от скуки сдохнем — покойники кругом.

От такой наглости Смородкин поперхнулся сигаретным дымом, но ход сделал правильный — перевел взгляд на шофера, как бы советуясь с ним, ища у него поддержки.

— Не жми, майор, они контрактники, — сказал шофер, обнажив в улыбке золотую коронку, и нырнул в уют и тепло кабины.

«МУР пьет», — сделал вывод Смородкин, горестно вздохнул и полез в карман за деньгами.

Когда Смородкин вошел в анатомический зал, Глазов уже лежал на операционном столе, а вокруг него со скальпелем в руке расхаживал Марк Степанович Каширин, один из лучших экспертов-паталогоанатомов. Завидев Смородкина, он склонил голову и демонстративно щелкнул каблуками.

— Здравствуйте, господин майор! На что прикажете обратить внимание при вскрытии?

«Он взял деньги, поэтому испытывает некоторую неловкость и, чтобы скрыть эту неловкость, фиглярничает».

— Если ты не опохмелился, то могу налить, — сказал Смородкин, доставая из кармана заветную фляжку. — А внимание действительно стоит сосредоточить… Мы подозреваем, что у него смещены или перебиты шейные позвонки. Это первое. Второе. Удар по сонной артерии и… В общем, его удавили, пока он находился в бессознательном состоянии. И третье. Разрыв печени, а может быть, и селезенки…

Каширин вскинул лобастую голову и прищурился.

— Как я понимаю, его били профессионалы…

— Большие, — подтвердил Смородкин. — И не били — у-би-ва-ли!

— Попробуем это доказать.

Каширин приступил к работе, а Смородкин, Родин и Колберг вышли в коридор.

— Чего еще никогда не носил, так это белый халат, — сказал Яша, закуривая и усаживаясь на подоконник. — На кого я похож?

— На человека, который курит травку, — жестко проговорил Родин.

Яша смиренно опустил веки.

— Я еще в Афгане курил.

— Но ведь бросил.

— Бросил.

Родин потер указательным пальцем переносицу, и лицо его приобрело выражение мучительного раздумья: врезать Яшке по первое

число, припугнув принудительным лечением, или, пользуясь правами старшего друга и товарища по работе, поговорить по душам — авось проймет?

— Я понимаю, у тебя погибла жена, умерла мать, но ведь это не повод…

— Ну что ты ему нотации читаешь, — перебил Смородкин. — Яша не мальчик — завяжет. Завяжешь, Яша?

Яша улыбнулся и протянул Родину руку.

— Слово.

— Вопрос исчерпан. — Смородкин вручил Колбергу фотографию парня, который отправил на дно Конькову. — Знаешь этого мальчика?

— Мне Родин уже его показывал. Это Гена Коптев. Кличка — Лимон: вечно чем-то недоволен. Он со мной в гараже работал.

— Они сейчас там работает.

— Ты его видел? — насторожился Родин.

— Он меня привез.

— «Нагадал мне попугай счастье по билетику»… — Родин нервно рассмеялся. — И что делать?

— Колоть гада! — выдохнул Смородкин. — Сейчас! Здесь! Иначе он нас заложит. — И, помолчав, добавил: — Но для этого нужен магнитофон… Чтобы мальчик потом не отвертелся.

— Есть магнитофон, — сказал Яша. — Внизу, в машине.

— И оружие у тебя есть?

— С глушителем.

— В таком случае первую часть операции проведешь ты, — сказал Смородкин. — Сумеешь сюда его затащить?

— Нет проблем.

— Тогда топай. Мы тебя в «холодильнике» подождем.

— Виктор Сергеевич, а не перегнул ли ты палку? — спросил Родин, когда Яша вышел. — Ведь этому подонку терять нечего.

— Нам тоже. — Смородкин вытащил из кобуры и протянул Родину ПМ. — Дарю.

Родин удивленно вскинул брови, но пистолет взял.

— Чистый?

— Даже не целованный. Один солдатик из Чечни прибыл, а сумку, чтобы не светиться, в камере хранения оставил.

— Спасибо. — Родин автоматическим движением дослал патрон в патронник и сунул пистолет за брючный пояс.

Они спустились в «холодильник» — зал, где хранятся трупы — и разделились: Родин встал за дверью, а Смородкин прошел в глубь

помещения.

Резко очерченное лицо, прямой нос, квадратный, с ямочкой, подбородок, короткая прическа… «Молодец Голодарский! Прямо как срисовал, — подумал Родин, внимательно разглядывая Коптева и отмечая при этом его неторопливость, плавность движений, спокойствие. — Долго тебя, сволочь, муштровали и, видно, не зря — хорошо работаешь».

— Зачем я вам потребовался? — спросил Коптев.

— Кое-что узнать. — Лицо Смородкина напряглось и отвердело. — Подойди ближе.

Коптев сделал два шага вперед, и Смородкин протянул ему фотографию Коньковой.

— Знаешь эту девочку?

— Впервые вижу.

— И в Пахре никогда не купался?

— Нет.

— И на даче Глазова не был?

— Майор, вы меня с кем-то перепутали.

— Перепутал, значит… Мы с тобой знакомы?

— Нет.

— А откуда тебе известно, что я майор?

— Ребята говорили.

— Кто именно?

— Майор Подольский.

— А с ним ты хорошо знаком?

Коптев вдруг присел, сильным круговым взмахом ноги выбил из рук Яши, который стоял позади него, пистолет и бросился к двери.

— Назад! — выхватил «Макаров» Родин.

Коптев притормозил, выпрямился, крикнул затравленно:

— Что вы от меня хотите?

Яша мгновенно подхватил с пола пистолет и рукояткой ударил Коптева в ухо.

— Правды, падаль! — Он кипел от злости, возмущения и позора. Еще бы! У него, афганца, выбили оружие.

Коптев перекосился от боли, смахнул со щеки струившуюся кровь и зло сплюнул.

— Вы мне за это ответите.

— Отвечу. Сейчас отвечу! — Яша загнал его между стеллажами, на которых лежали покойники, и спокойно сказал: — Раздевайся.

— Зачем?

— Как зачем? Чтобы общую картинку не портить — здесь все голенькие. — Яша навернул на ствол глушитель. — В общем, так… Или ты говоришь, или… Вот тебе бирка, номер… тысяча тридцать пять, раздевайся и ложись… рядом, значит, с этим рыженьким. — И он указал на труп, лоб которого украшала небольшая, меньше копеечной монеты, дырочка с запекшейся по краям кровью — входной след пули калибра девять миллиметров. Чтобы скрыть охватившее его чувство страха и растерянности, Коптев сузил глаза, бросил короткий взгляд на Родина, затем на Смородкина и, мгновенно сообразив, кто из них старший, угрюмо спросил:

— Ваши условия?

— Я на даче кур держу, — сказал Смородкин. — Которые несутся, живут припеваючи — едят вволю, пьют вволю, гуляют… естественно, под присмотром петуха, а те, которые не желают нестись, ну хотя бы по яичку в день… Из этих, значит, я готовлю жаркое. Ты меня понял?

— Понял.

— Каким способом ты убрал Конькову?

Яша включил магнитофон.

— Брызнул в лицо паралитическим газом, — сдался Коптев.

— А Добровольскую?

— Я позвонил ей и сказал, что ее вызывают в агентство недвижимости «Онега» — подписать кой-какие бумаги. Когда она вышла и села в машину, вырубили и сделали укол жидкого героина. Доза — смертельная. Затем отвезли в похоронное бюро — Хованская, тридцать три. Ночью отправили в крематорий.

— У вас там свои люди?

— Ваши люди, — упирая на слова «ваши», сказал Коптев. — Из МВД и КГБ. Но мы им тоже платим.

— А документы?

— В порядке документы — гэбэшные. Кремируем поспецнаряду.

«Во жуки! — подумал Родин. — Они и здесь за чужой счет проехали».

Дело в том, что крематорий — учреждение хозрасчетное, а основа хозрасчета — учет и оплата услуг. Но ни МВД, ни КГБ не желали, чтобы через банковские каналы путешествовали счета за услуги по сжиганию трупов, поэтому в свое время добились того, чего не могла добиться ни одна другая организация — кремации за счет государства. По спецнаряду. И человек навеки превращался в безымянный пепел. Такого чуда не мог сотворить даже великий Кио. Он сжигал людей на арене цирка, тут же на глазах ошеломленной публики возрождал, но

чтоб навеки… Извините!

— На кого ты работаешь? — продолжал допрос Смородкин. — Фамилия, имя и так далее…

— Пузырев Василий Викентьевич. Бывший полковник КГБ.

— Должность?

— Заместитель начальника отдела Первого главного управления. Как официально назывался отдел, не знаю.

— А специфику ты знаешь?

— Мокрые дела.

— Где и при каких обстоятельствах ты познакомился с этим Пузыревым?

— Он приезжал к нам в детский дом, беседовал с десятиклассниками и тех, кто ему подходил, приглашал в Отдельный учебный центр КГБ.

— А каким образом ты в детдом попал?

— Я родился в больнице женской колонии. До пяти лет там и рос. А затем — по детским домам…

— И чем вы занимались в этом учебном центре?

— Приемам рукопашного боя, умению водить машину любой марки, владеть холодным и огнестрельным оружием.

— Давно в нашем гараже работаешь?

— С девяноста первого года, когда расформировали отдел.

— Чем сейчас занимается Пузырев?

— Директор похоронного бюро.

— Это частная фирма?

— ТОО «Гамбит».

— Он же и учредитель?

— Не знаю.

— Ты подчиняешься непосредственно Пузыреву?

— Да.

— А кто подчиняется тебе?

— Четыре человека. Гринько, вы его знаете, Лесных и Воропаев — охранники фирмы ТОО «Гранат» и Масаев — дезертир-чеченец. Он не пожелал воевать против своих.

— Ты сколачивал пятерку?

— Я.

— По какому признаку?

— Лесных и Воропаева знаю лично — они проходили вместе со мной подготовку в учебном центре. Гринько и Масаева — по их рекомендации. Оба безработные, а потому обиженные и злые.

— А майор Подольский?

— Ненадежен — напивается в самый неподходящий момент. Но мы иногда его используем. Когда он в запое, мать родную за бутылку продаст.

— Кто приказал убрать Глазова?

— Пузырев.

— Кто еще с ним работает?

— Не знаю.

— Ине догадываешься?

— Почему не догадываюсь?.. Кто-то из верхушки вашего ведомства.

— Ладно, на сегодня хватит, — удовлетворенно вздохнул Смородкин. — Яички исправно будешь класть?

— Постараюсь.

Смородкин продиктовал Коптеву домашний телефон Колберга.

— Звонить будешь каждый день ровно в десять вечера. Там стоит автоответчик. Передашь информацию и положишь трубку. Ясно?

— Предельно.

— И запомни: шаг влево — и Пузырев получит пленочку с твоим признанием. Все. Иди и жди меня в машине.

Версия Климова и Смородкина, что Глазов не добровольно ушел из жизни, а умер насильственной смертью, подтвердилась — у него оказались переоиты шейные позвонки. Каширин написал заключение, сделал из фляжки Смородкина два добротных глотка и, закусив конфеткой, спросил насмешливо:

— Вы счастливы?

— Как Ньютон, когда его треснуло яблоком по голове. — Смородкин язвительно усмехнулся. — Марк Степанович, если кто-нибудь поинтересуется, сколько вам заплатили за ночную смену, что вы ответите?

— Отвечу философски, — сказал Каширин. — Добро только тогда добро, когда оно вершится безвозмездно.

— Хорошо сказано, — улыбнулся Смородкин. — Допивайте водку, и Яша отвезет вас домой.

— А разве нам не по пути?

— К сожалению, нет. Я обязан доставить вашего пациента в крематорий.

— Но ведь это можно сделать и днем. — Каширин снова приложился к фляжке.

— Можно, — согласился Смородкин. — И, наверное, так бы и

поступили, если бы Глазов загнулся не в тюремной камере, а прямо на сцене, как всеми любимый и обожаемый Андрей Миронов. И тогда бы катафалк вкатили не со стороны служебного входа, а через парадные ворота, и не ночью, а днем, как вы правильно заметили, и провожали бы его в последний путь не два пьяных охранника, а плачущие родственники, печальные коллеги, неунывающие студенты и, конечно же, незаметно снующие в толпе любовницы. И поплыл бы Глазов в огненное жерло печки не голым на железной ленте, а нарядно одетым, в гробу из карельской березы за четыре тысячи долларов, и тихо сомкнулись бы над ним бархатные шторки, и все подумали бы, что душа покойного улетает в рай…

Каширин вернул Смородкину пустую фляжку, посмотрел на него грустными и печальными, как у вола, глазами и спросил:

— Витя, ты сегодня много выпил?

— Норму. А что?

— Переходи на кефир. Ты стал циником.

МАГНИТОФОННАЯ ЗАПИСЬ РАЗГОВОРА КРАКОВСКОЙ Л. Б. И ГОСПОДИНА ИКС

ИКС: Ты неважно выглядишь. Что-нибудь стряслось?

Краковская: Может быть.

ИКС: Значит, стряслось. Выкладывай.

Краковская: Был у меня друг…

ИКС: А почему «был»?

Краковская: Потому что его, наверное, больше не будет.

ИКС: Кто конкретно?

Краковская: Виктор Глазов. Работал в студии «Киноактера», вчера позвонил и говорит: «Дарю тебе квартиру».

ИКС: Ты что, его любовница?

Краковская: Товарищ по партии! И не перебивай. Я не могу сосредоточиться… Так вот, он был очень взволнован и сказал, чтобы я сидела дома и ждала нотариуса…

ИКС: Приехал?

Краковская: Минут через сорок.

ИКС: Как его зовут?

Краковская: Роммель Михаил Георгиевич.

ИКС: И он оформил на тебя квартиру?

Краковская: Да.

ИКС: Где?

Краковская: На проспекте Андропова. Рядом с метро «Коломенское».

ИКС: Доку менты с тобой?.. Покажи… Что тебе еще Глазов говорил?

Краковская: Что его могут забрать в больницу.

ИКС: Забрали?

Краковская: Забрали, но, по-моему, в тюрьму.

ИКС: Почему ты так решила?

Краковская: Квартира опечатана.

ИКС: И чего ты от меня хочешь?

Краковская: Чтобы ты выяснил, куда его забрали. И за что. Сможешь?

ИКС: Пожалуй, смогу. Но для этого мне потребуются твои документы. Дня на два. Не больше.

Краковская: Ты думаешь, его арест как-то связан с квартирой?

ИКС: Мне необходимо проверить все.

Краковская: Он честный человек. Я ему верю. Помоги, если можешь!

ИКС: Ты эти документы кому-нибудь показывала?

Краковская: Нет. А что?

ИКС: Ничего. Тебе, по-моему, замуж пора.

Краковская: Может, ты и прав. Я стала плохо переносить одиночество.

ИКС: Так и выходи. У тебя есть кто-нибудь на примете?

Краковская: Был.

ИКС: Глазов?

Краковская: Да.

ИКС: Это не вариант. Тебе нужен парень… ну, допустим, с южного побережья Америки. Устраивает?

Краковская: Устраивает-то устраивает… Только где мне его встретить?

ИКС: Руководитель международного брачного агентства «Интерсваха» Татьяна Николаевна Беляева мой хороший друг. Обратись к ней, и она в два счета подберет тебе жениха.

Краковская: Это пожелание или приказ?

ИКС: Люда, по-моему, наши отношения всю жизнь строились на взаимном доверии. Я тебе только добра желаю. И счастья.

Краковская: Танечка Беляева меня примет?

ИКС: Я ей позвоню.

Краковская: Хорошо. А сейчас довези меня до театра.

ИКС: Но мы же договорились — на дачу…

Краковская: Я занята в спектакле, во втором действии… Ты огорчился?

ИКС: «Я старый солдат, я стою, как в строю…» Что ты делаешь?

Краковская: Проверяю выправку твоего гренадера. О-о! Он и впрямь стоит!

ИКС: Серега, отключи радиосвязь и вруби музыку.

Краковская: А ты шторки задерни, а то он вместо тебя кончит…

ГЛАВА 8

В свое время Родин год проработал в КГБ и никогда не жалел об этом, ибо познакомился не только с внешней стороной жизни людей из спецслужб, которая, впрочем, мало чем отличалась от жизни остальной — городской и провинциальной — части населения, но и внутренней, тщательно замаскированной и всегда готовой к действию — защите и нападению.

В КГБ Родин попал, можно сказать, случайно. В поле зрения контрразведки оказался некий Камнев, крупный ученый, специалист по электровихревым течениям в магнитном поле. Он выдвинул гипотезу, которая позволила расшифровать одну из самых таинственных загадок природы — смерч. Американцы заинтересовались — в Штатах торнадо — явление частое, ущерб от них — на миллионы, — и взяли Камнева в разработку — предложили лабораторию, хорошие деньги… Вот здесь-то наши органы госбезопасности и спохватились и, чтобы предотвратить отъезд ученого за границу, принялись изучать его биографию и выяснили… что Родин учился вместе с ним в одной школе, в одном классе, более того — сидел на одной парте…

Служить Родину пришлось под началом полковника Егорова, опытного контрразведчика со скуповатой, таинственной улыбкой восточного божка. За год совместной работы они не просто сблизились — сдружились, ибо Родин в отличие от многих подчиненных Егорова не слепо исполнял приказы последнего, а чаще всего действовал по своему усмотрению, стараясь предугадать очередной шаг противника, дальнейший ход событий и тем самым гарантировать себя от возможных ошибок. Ошибок ему, естественно, избежать не удалось (Камнев женился на американке и уехал в Штаты), но благосклонностью и расположением Егорова он заручился на долгие годы.

…Дверь Родину открыла жена Егорова, небольшого роста женщина, хрупкая, с таинственной, как у мужа, улыбкой и теплым, лучезарным взглядом.

— Здравствуйте, Мария Александровна! — Родин вручил хозяйке дома букет цветов. — Как здоровье?

— Здравствуй! Ты сперва-зайди, а потом о здоровье справляйся.

— Спасибо. — Родин вошел в прихожую, бросил на спинку стула плащ. — Мне Виктор Афанасьевич свидание назначил.

— Знаю. Ждет. — Мария Александровна внимательно изучила его лицо. — Что-нибудь стряслось?

— Со мной все в порядке. А вот Россию лихорадит.

— А когда ее не лихорадило? — спросил Егоров, выходя из кухни. Он был в спортивном костюме и выглядел совершенно не по-генеральски — заурядный тренер заурядной футбольной команды. — При Владимире, который заставил Русь насильно принять христианство?..

— Это была главная ошибка в истории России, — перебил его Родин. — Мы, русские, язычники. Мы поклонялись огню, солнцу, природе, а нас — мордой об стол! Я не против Иисуса Христа, но не мой это Бог, не мой!

— Значит, не веруешь?

— Только в добро и справедливость!

— А Виктор Афанасьевич в последнее время склоняется к тому, что балом правит Сатана, — печально заметила Мария Александровна.

— Не исключаю. — Родин вытащил из сумки бутылку коньяка и протянул хозяину. — Ибо народец наш стал потихоньку сатанеть.

— От водки, — тихо проговорила Мария Александровна.

— Ладно, мать, не ворчи, — мягко упрекнул ее муж. — Сотвори нам лучше закусочку, а мы пока с Александром побеседуем. — Он взял Родина под руку, провел в свой кабинет и усадил в кресло. — С чем пожаловал, герой? Или ты теперь предпочитаешь, чтобы тебя называли частным детективом?

— Капитаном, — улыбнулся Родин, вспомнив, что именно в этом звании он служил у Егорова.

— До майора, значит, не дотянул?

— Не дотянул — выперли.

— Не огорчайся: не тебя одного. Как там Семен Тимофеевич поживает?

— Нормально. Привет вам от него большой и… маленькая просьба…

Улыбка на лице Егорова мгновенно пригасла, кофейного цвета глаза сузились и приобрели ту особую проницательность, которая свойственна только людям умственного труда.

— Что за просьба?

— Полковник Пузырев Василий Викентьевич… Знаете такого?

— Допустим.

Родин с трудом подавил улыбку: Егоров никогда не говорил ни «да» ни «нет», даже в том случае, когда был прекрасно информирован о смысле вопроса, — такая уж у него манера разговора.

— Что это за тип?

Егоров закурил и некоторое время разглядывал сквозь кольца дыма потолок.

— Он что, наследил?

— Крупно.

— Этого от него можно было ожидать — самовлюбленный, беспринципный дурак.

— Самовлюбленность — не дурость, — философски заметил Родин. — А беспринципность — удел умных и жестоких людей. Может быть, он просто умный дурак? Тот самый Иванушка-дурачок, который любого барина вокруг пальца обведет?

— Может быть. — Егоров задумчиво разгладил пальцами высокий, с залысинами, лоб. — Прежде чем ответить на твой вопрос, я бы хотел выслушать тебя… Что он натворил? Если это, конечно, не секрет.

— Какой к черту секрет — мы же частное сыскное агентство.

— Но работаете-то совместно с уголовным розыском.

— Уголовка нам только палки в колеса ставит, — буркнул Родин, подумал и решил выложить все начистоту. Егоров слушал Родина внимательно, часто переспрашивая, уточняя даты и факты, но выражение лица при этом оставалось непроницаемым, словно он был не человек, а будда с навеки застывшей, дьявольской полуулыбкой. И вывод из рассказа сделал далеко не обнадеживающий.

— Саша, это ворота Карфагена. Вы лоб себе расшибете.

— Это почему же? — спросил Родин с плохо скрытым раздражением.

— Потому что вы нарвались на спецслужбы — тренированные, прекрасно обученные, действующие по законам международного терроризма.

— В таком случае объяснитесь. Я хочу знать, с кем имею дело.

— Что такое «Вымпел»? Имеешь представление?

Родин молодцевато вытянулся и скороговоркой выпалил:

— Группа «Вымпел» создана решением Совмина и Политбюро девятнадцатого августа тысяча девятьсот восемьдесят первого года на базе внештатных спецгрупп «Зенит» и «Каскад», получивших боевой опыт в Афганистане.

В функции «Вымпела» входило проведение диверсионных действий за пределами СССР. Именно поэтому группа структурно

находилась в Управлении «С» — нелегальная разведка Первого главного управления КГБ. В официальных документах фигурировала под названием Отдельный учебный центр.

Егоров, отвердев лицом, внимательно посмотрел на Родина.

— Ты эти сведения выудил, когда у меня работал?

— Чуть позже. Когда мы второй раз раскручивали дело Крайникова — Кариновского, нам помогали двое симпатичных ребят — Градов и Волынский. А они, между прочим, оба прошли подготовку в Отдельном учебном центре КГБ.

Не меняя выражения лица, но голосом уже более язвительным и вежливым Егоров спросил:

— Может быть, тебе известны и причины, благодаря которым эти парни покинули «Вымпел»?

— Почему же нет? Ребята из «Вымпела» отказались идти на захват Белого дома, и Ельцин им этого, естественно, не простил. А добавил масла в огонь новый директор внешней разведки. Он заявил, что поскольку у России теперь, дескать, врагов нет, то нет и никакой необходимости иметь диверсионное подразделение для зарубежных операций, и профессионалам из «Вымпела» было предложено переквалифицироваться в… управдомы, то есть — надеть милицейские погоны. Для ребят, знающих по нескольку иностранных языков, такой поворот был не просто неожиданным — оскорбительным. И в результате от «Вымпела», как говорится, остались рожки да ножки.

— Все верно, — хмуро кивнул Егоров. — А теперь я тебе скажу то, чего ты не знаешь… Пузырев Василий Викентьевич — полковник госбезопасности. Образование — высшее: строительный институт. Около десяти лет работал начальником хозяйственного управления КГБ. Бабник. Очень ловко и умело прибирал к рукам смазливых студенточек, а затем сдавал их нашим операм для работы с иностранными клиентами. Второе хобби — стрельба. В обед его можно было найти только в тире. В одной руке — бутерброде ветчиной, в другой — пистолет, и палит по сорок минут без передыха.

— Справочка более чем обширная, — помолчав, сказал Родин. — Вы с ним по работе не сталкивались?

— Нет.

— Тогда, с вашего разрешения, еще один вопросик… Из конторы его выперли или он сам ушел?

— Сам.

— От вас сами не уходят. — Родин бросил на Егорова

укоризненный взгляд. — Не уходят, Виктор Афанасьевич. И вы это прекрасно знаете.

— Ну и въедливый же ты мужичонка, капитан! — вздохнул Егоров, потирая ладонью шею. — Ладно, черт с тобой, слушай… Несколько лет тому назад — еще до перестройки— у нас прямо с комитетского двора сперли около тридцати машин кровельного железа, кирпича и прочих строительных материалов. И кто-то из доброхотов об этом стукнул. Дело к производству приняла прокуратура Свердловского района. Первым, понятно, вызвали для дачи показаний Пузырева. Он, естественно, свалил все на рабочих — они, мол, все разворовали. А меня, говорит, больше не беспокойте — нет времени, строим секретный объект.

— Действительно секретный?

— Подземный туннель от Кремля к площади Дзержинского, — расхохотался Егоров. — Но следователь попался дотошный и упрямый, как мул, и примерно через месяц докопался до истины: железо и кирпич пошли на строительство дачного кооператива КГБ СССР.

Вот здесь-то и поднялся переполох! Но, как ты сам понимаешь, волки себя в обиду не дадут. Дело быстренько замяли и передали в КГБ. Где оно теперь, в чьих руках — одному Богу известно. Скорее всего, уничтожили. Пузырев уволился по собственному желанию, сохранив и связи, и друзей, ибо никого не продал и не предал, но… — Егоров откинулся на спинку кресла и задумчиво посмотрел в окно. — Это только предыстория, сама история впереди… Месяца через три после этих событий из отдела внутренней контрразведки ушли в отставку по совершенно непонятным причинам несколько крупных специалистов. Меня это насторожило. В чем дело? Почему? Ребята все толковые, на хорошем счету… и вдруг сматываются, бегут, как зайцы, на хвост которым сели гончие собаки! Стал копать. Я мужик, как и ты, въедливый, поэтому копал до тех пор, пока не докопался — понял, что их сдали. Сдали иностранным спецслужбам. Компромат — хищение государственного имущества.

— То есть строительных материалов, — уточнил Родин.

— Именно. И не удивляйся. Это в России на хищения такого рода сквозь пальцы смотрят, а на Западе — это преступление номер один. Отставка, причем позорная — со скандалом — неминуема!

Вербовали ребят очень осторожно — без личного контактирования, но грубо: каждый из них получил по почте письмо-ксерокс, набранное на компьютере, с предложением о сотрудничестве. А в случае отказа

обещали предать гласности документы, которые ставили крест на их служебной карьере.

Ребята решили плюнуть на карьеру и все, как один, ушли со службы.

— А чем они мотивировали свой уход?

— Мотивировка в наше время одна — деньги, — сказал Егоров. — Они ушли в коммерческие структуры.

— И их оставили в покое?

— О них просто забыли.

— Поняли, что дело не выгорит?

Егоров мрачно усмехнулся.

— Ослабить ряды нашей разведки — уже половина победы. Им, может быть, большего и не требовалось.

— Странно, — сказал Родин. — Сдать их мог только тот человек, который был в курсе событий и положения дел.

— Очень верно мыслишь, — кивнул Егоров. — Продолжай…

Родин потер указательным пальцем переносицу.

— Неужели Пузырев?

— Больше некому. Все варианты просчитаны.

— И давно он у вас под колпаком?

— К сожалению, капитан, недавно. И если честно, то мы до сих пор против него ничего не имеем — очень хитрый лис. А скорее всего его использовали как одноразовый шприц — укололи и выбросили.

— Не вижу логики… Он же у них на хорошем крючке.

— Капитан, внешняя разведка — любой страны — дело тонкое и деликатное, она действует, руководствуясь определенными моральными нормами, поэтому предпочитает не связываться с уголовщиной. А Пузырев — вор, бандит и убийца. Его действия подлежат наказанию, но… Наказать его должен МУР!

— А вы… — опешил Родин, — вы что же, открещиваетесь от этого дела?

— Нив коем случае. Пузырев предал наших людей, и мы, если, конечно, докажем его виновность, влепим ему на всю катушку!

В кабинет с подносом в руках вплыла Мария Александровна.

— Вот вам бутерброды, пирожки с капустой, пирожки с рыбой и боржоми.

— Пирожки с капустой я люблю, — сказал Родин, — а вот с рыбой в жизни не пробовал.

— Попробуй.

Родин в два захода проглотил пирожок и от удовольствия

прищелкнул пальцами.

— Очень вкусно! Вот только не понял, что за рыба.

— Секрет, — улыбнулась Мария Александровна. — Ты не женился?

— Собираюсь.

— Кто она?

— Красивая, умная и богатая.

— В таком случае тебе придется жениться три раза. — Мария Александровна покачала головой — мол, что с тебя, бестолкового, взять — и незаметно, тенью, выскользнула из комнаты: видно, поняла, что разговор сугубо мужской и профессиональный.

— Теперь ты понимаешь, с кем вы столкнулись? — спросил Егоров. — С бандой киллеров, которой руководит бывший гэбэшник Пузырев, а вы… Извини меня, многие из вас и в тире слону в жопу не попадете!

Некоторое время Родин сидел неподвижно, смежив веки, подперев голову ладонью. Можно было подумать, что он спит. Однако, просидев минут пять не шелохнувшись, тщательно обдумав ситуацию, он внезапно поднялся и решительно проговорил:

— Может быть, с пятидесяти метров я слону в жопу и не попаду, но переиграть эту сволочь у меня ума хватит!

Пузырев у вас уже на крючке, — миролюбиво проговорил Егоров. — Так что переиграть его у тебя действительно ума хватит, а вот что касается Редькина…

— Между прочим, что их связывает? — перебил Родин. — Ведь Пузырев, судя по вашим словам, птичка полетом выше, а командует парадом господин Редькин.

— Я думаю, что эта бестия Редькин собрал в свое время на Пузырева хорошенький компромат…

— Что было, то было — быльем поросло, — возразил Родин. — Пузырев давно не у дел, и плевать ему на Редькина с высокой колокольни.

— Против ветра плевать не рекомендуется.

— Это верно, — согласился Родин, моментально вспомнив, на каком этаже в здании МВД сидит Редькин. — Виктор Афанасьевич, у меня к вам просьба… Если вы действительно хотите нам помочь, то поделитесь своими соображениями с Климовым, а то он нас со Скоковым не больно-то слушает.

— С ним Леша Градов поговорит.

От такого признания у Родина даже ладони вспотели.

— А вы его откуда знаете?

Егоров посмотрел в окно, и губы его тронула скупая, неразвернутая улыбка.

— Он у меня работает.

— На контрразведку?

— А чего ты удивляешься? Ты думаешь, развалили КГБ и дело с концом, нет, друг мой. Первое главное управление существовало, существует и будет существовать.

Родин без разрешения хозяина налил себе рюмку коньяка, выпил залпом и, почему-то заикаясь, спросил:

— А-а Волынский?

— Волынский смирил гордыню и стал работать на МВД в Екатеринбурге. Сейчас он в Москве — женился и болтается без работы. Кто его жена, тебя интересует?

— Очень! Такого человека могла заглотить только акула.

Егоров впервые за весь вечер расхохотался, весело, беззаботно.

— Капитан, ты мужик умный, не спорю, но иногда проходишь мимо женщин, возле которых надо останавливаться.

— Я уже остановился.

— У Кудимовой?

«Ну и Скоков, ну и жук! Сотрудничает с Егоровым, а мне — ни слова».

— Да.

— Поздравляю. А теперь вспомни секретаршу своего родственника Крайникова Донецкую Маргариту Васильевну. Разве она похожа на акулу?

Перед глазами Родина, словно кадр из немого кино, промелькнула молодая женщина лет тридцати — тридцати пяти с очень серьезным для ее возраста лицом и выразительным, глубоким и внимательным взглядом. А затем услышал: «Таких профессий очень мало… Для дипломата, например, или разведчика расслабиться — это значит проиграть».

— Она прекрасная женщина, — стараясь скрыть смущение, проговорил Родин. — Но…

— Что «но»?

— Сдаюсь. — Родин и впрямь поднял руки, затем подошел к окну, потер по привычке переносицу и спросил: — Выходит, что Крайников и Кариновский отправились на небеса с разрешения, так сказать, спецслужб?

Егоров посыпал сахаром дольку лимона, прожевал и ответил на

вопрос вопросом.

— Ты сам-то считаешь себя до сих пор работником контрразведки?

— Считаю.

— А какого хрена тогда задаешь дурацкие вопросы? Тебе и Климову было прекрасно известно, в какой поезд сели эти господа. И конечная станция назначения этого поезда!

«Бог ты мой! — подумал Родин. — Спецслужбы — это доктрина двух истин: для «внешних» и посвященных. Для «внешних», тому, кто только вступает в ряды спецслужб, всячески внушается необходимость следовать добру, нормам высокой морали и нравственности, когда же ты становишься своим, посвященным, то слышишь совершенно противоположное: нравственно все, что ведет к победе, а проще — цель оправдывает средства. Теперь я — посвященный…» Но странно, от этого открытия Родин в ужас не пришел, более того, испытал даже некоторое облегчение, примерно такое же, какое испытывает забойщик скота, сообразив наконец, что его профессия столь же прозаична и безгрешна, как и профессия конструктора танков, предназначенных участвовать в боевых действиях и сражениях. А в справедливых или нет — это уже вопрос десятый.

— Если я вас правильно понял, Виктор Афанасьевич, то я должен выполнить следующее, — проговорил Родин после некоторого колебания. — Первое — не трогать пока Пузырева. Второе — искать подходы к Редькину…

— Каким образом, знаешь?

— У него должны были быть и, по всей вероятности, остались информаторы, сексоты…

— Правильно. Надо постараться их выявить и заставить говорить.

Родин, соглашаясь, кивнул.

— Третье — обезопасить Краковскую. И четвертое — пригласить к нам на работу, причем, очень ненавязчиво и тактично, Волынского. Он тот парень, который сумеет защитить нас от непредсказуемых действий Пузырева. Верно?

— Верно. И еще. Леша Градов работает коммерческим директором в ТОО «Гранат», так что эти два психа из пятерки Коптева — Лесных и Воропаев — у него под присмотром. Далее. Градов и Волынский не знают, что работают на одну контору, и Бог с ними, сами в своих отношениях разберутся. Ты в их дела не лезь. Понял?

Родин кивнул.

— И о нашем с тобой разговоре никому, даже Скокову, ни слова.

— А я думал, он в курсе, — сказал Родин, стараясь перехватить

взгляд Егорова.

— Он знает столько, сколько ему и положено знать. Будет знать больше, меня за это по головке не погладят.

— Как-то это не очень…

— Красиво. Ты это хотел сказать?

— Да.

— Саша, ты и Градов — спецслужба. Я с вами работал. Привлекать посторонних я не имею права. Я даже не могу и не хочу привлекать вас официально: вы на стороне в данный момент можете заработать столько, сколько я вам дать не в состоянии. Это ты хоть можешь понять?

— Могу.

Они выпили еще по рюмке коньяка, и Родин, прощаясь с хозяином, с улыбкой спросил:

— Виктор Афанасьевич, я так и не понял, кто на кого работает… Вы — на нас, или мы — на вас?

— Спецслужбы, капитан, работают на правительство, — усмехнулся Егоров.

Яша Колберг подъехал к дому Добровольского в десять утра — такая у них была договоренность. Позвонил в квартиру — ни ответа ни привета. Яша удивился, вышел во двор, сел в свой «жигуленок» и принялся ждать, думая, что Добровольский выскочил за хлебом или там за пивом в магазин. Но прошел час, второй — Добровольский так и не появился, и, когда наступило время обеда, Яша понял, вернее, допер шестым чувством, что случилась беда. Тогда он сосредоточился и принялся буквально по косточкам разбирать события, которые произошли накануне, и свое собственное отношение к ним.

Ровно в шесть вечера — в это время Скоков обычно проводил со своими коллегами оперативное совещание, на котором обсуждались итоги прошедшего дня — Добровольский попросил отвезти его в Царицыно.

— Куда именно? — спросил Яша.

— Я покажу, — ответил Добровольский.

Они остановились в глухом, безлюдном переулке, который одним из своих концов выводил к офису Скокова. Добровольский нацепил наушники — они были подсоединены к портативному, но, по-видимому, очень мощному японскому радиоприемнику, настроил его и затих, затаился, словно кошка, выслеживающая добычу.

— Игорь Николаевич, а вы, случаем, не шпион? — скроив обеспокоенную физиономию, поинтересовался Яша.

— Два года на ЦРУ работаю, — весело подмигнул Добровольский.

— А платят хорошо?

— Хреново. Я б в два раза больше заработал, если б на Царицынском рынке окорочками торговал.

— Ну а меня-то вы на кой черт в эту грязь втягиваете? У меня папа в ГУЛАГе четвертак отсидел! Вы хотите, чтобы и я…

— Тихо! — рявкнул Добровольский. — Сейчас шпионы в каждом офисе сидят.

— Но им платят! А я за что…

Добровольский выудил из кармана стодолларовую купюру и процедил со злостью:

— Заткнись, вымогатель!

Яша заткнулся.

Минут через двадцать Добровольский снял наушники, спрятал их в кейс, в котором находился портативный радиоприемник, и губы его сложились в ядовитую, брезгливую усмешечку. «Он выудил нужную ему информацию, узнал фамилии людей, которые причастны к убийству его матери, — сообразил Яша. — И теперь ищет вариант, каким способом с ними рассчитаться». Добровольский размышлял минут пять. Глаза — полузакрыты, пальцы рук сцеплены, причем, с такой силой, что можно было подумать, что он же схватил за горло своего невидимого противника и ждет только одного — последнего хриплого вздоха, судороги, которая предшествует смерти.

— В Безбожный, — глухо обронил Добровольский. — К Кожину.

Яша отвез его в Безбожный переулок. Добровольский вылез из машины, уколол своего водителя холодно-равнодушным взглядом, спросил с издевкой:

— Ты действительно извозом занимаешься?

— Второй год.

— Ты плохой актер, Яша.

— Это почему же?

— Потому что ты прекрасно знаешь, кто я есть на самом деле. Отдыхай. На сегодня — свободен.

— Завтра в десять? — обескураженно спросил Яша.

— Да. Как обычно. — Добровольский кивнул и скрылся за железной дверью офиса.

Люди, как правило, делятся на две категории — творцов и исполнителей. Яша был исполнителем. Хорошим исполнителем. Таких исполнителей советская власть ковала десятилетиями. Они — эти исполнители — по первому приказу, не думая, бросались под танки,

вкалывали по две рабочие смены, перекрывали реки, теряя здоровье, строили гигантские заводы, поднимали целину, на которой до сих пор ни черта не растет, в общем, выполняли любую блажь и глупость правительства. И все эти подвиги вершились по призыву партии, которая нарекла свой народ Великим, и последний, поверив в свое величество, в светлое коммунистическое будущее во всем мире, в слово «надо»! — творил чудеса беззакония, издеваясь над матушкой-природой и своим собственным «я» — достоинством Человека.

Во время перестройки муравьиная куча, сцементированная из совков — так образно окрестили на Западе советских людей, — развалилась, стала думать… Но это был самообман. Народ уже разучился шевелить мозгами. Слишком долго он работал на барина, на партию из-под палки, по приказу, поэтому вылезти из шкуры раба, встать на ноги, жить самостоятельно, ему уже было не под силу: он не знал, что делать с обрушившейся на него свободой.

Примерно то же самое произошло и с Яшей Колбергом. Он был прекрасным исполнителем, на работе его ценили и уважали, но вот творчески мыслить, то есть из всех решений выбрать единственно правильное, ему еще было не под силу. Это и привело его к ошибке, которая стоила Добровольскому жизни.

Скоков сказал: «Яша, как только узнаешь, что Добровольский нас слушает, сообщи мне». Яша не сообщил. Он вспомнил Климова и его полный горечи и сарказма монолог, обращенный к Родину и Скокову: «Вот что, господа начальники, я очень хочу посадить Крайникова на скамью подсудимых, но не могу — нет доказательств его вины. Более того, как работник правоохранительных органов я обязан эту сволочь защищать. Но делать я этого не буду. Не хочу! Я лучше посмотрю, как он взлетит вместе со своими вонючими потрохами до седьмого этажа. Это будет прекрасный фейерверк!

Вспомнив этот монолог, Яша решил последовать примеру Климова — подумал: «Скокову Пузырева не посадить — нет доказательств его вины, а раз так, то почему бы этого Пузырева не отправить в мир иной руками Добровольского?» И он, думая, что совершает благое дело, скрыл от Скокова тот факт, что Добровольскому известны имена убийц его матери. И вот результат: Добровольский пропал, сгинул! И виноват в этом он, Яша Колберг.

Известно, одна глупость рождает следующую. Сопоставив и проанализировав события предыдущего дня, Яша пришел в крайнее уныние и, обругав себя последними словами, решил произвести собственное расследование. «Иначе, — подумал он, — мне перед

Скоковым не оправдаться — выгонит! Без выходного пособия выгонит!»

Яша круто развернул машину и помчался в Безбожный — к Кожину.

— Вадим Николаевич занят, — остановила его длинноногая секретарша с осиной талией. — Подождите!

— Не могу! — отрезал Яша. — Передайте ему, что дело крайне сложное и отлагательств не терпит.

Секретарша вспорхнула, словно потревоженная стрекоза, скрылась за дверью, тут же выпорхнула.

— Проходите, — сказала она, придерживая массивную, обитую светло-коричневым дерматином дверь.

Яша вошел и замер, застыл, точно его накачали жидким цементом: рядом с Кожиным, вольготно развалившись в кресле, попыхивал сигаретой… Алексей Васильевич Градов, который вместе с Борисом Николаевичем Волынским принимал участие в уничтожении банды Крайникова.

— Простите, я забыл, как вас зовут? — спросил Кожин, пристально всматриваясь в побледневшее лицо посетителя.

— Яша, — ответил Колберг. — Я шофер Добровольского.

— Что вы мне хотели сообщить?

— Игорь Николаевич к вам сегодня не заходил?

Глаза Кожина обеспокоенно забегали, и он, чтобы скрыть охватившее его волнение, еще ниже склонился над столом.

— Что-нибудь стряслось?

— Его нет дома. Со вчерашнего дня.

Кожин посмотрел в окно, пальцы нервной дробью прошлись по столешнице.

— Это не повод для беспокойства. Выпил лишнего, задержался у какой-нибудь дамочки, так что…

— Если бы это было так…

— А ты в этом сомневаешься?

— Вы его друг и прекрасно знаете, что секретарши с осиными талиями и длинными ногами его не волнуют, — язвительно заметил Яша. — Он называет их девочками с запоздалым умственным развитием.

— А у тебя, значит, с развитием все в порядке? — не остался в долгу Кожин.

Яша снисходительно улыбнулся.

— Я — шофер первого класса. — Он перевел взгляд на Градова,

который сидел уткнувшись в газету и делал вид, что весь этот разговор ему до лампочки, и сказал: — В общем, я дома. Если Игорь Николаевич объявится, передайте ему, пожалуйста, чтобы он мне позвонил.

— Хорошо, — коротко ответил Кожин.

Яша заехал на Центральный рынок, купил у знакомого торговца две бутылки «Рябины на коньяке» — знал, что именно этот напиток обожает Градов, — кусок свинины, зелень и, добравшись до дома, приготовил шикарный обед. Затем включил телевизор, завалился в кресло и стал ждать прибытия высокого гостя — Градова: он почему-то был уверен, что этот человек обязательно приедет и протянет ему руку помощи. Яша не ошибся. Градов объявился через три часа. Он молча пожал Яше руку, прошел в комнату, увидел накрытый стол и зычно расхохотался.

— Ты, парень, по-моему, крупно вляпался. Верно?

— Берно, — вздохнул Яша и поведал Градову все, что с ним приключилось за последние два дня.

Градов слушал вроде бы вполуха, уплетая свинину и запивая ее «Рябиной на коньяке», но на самом деле фиксировал все, что касалось этого, якобы незначительного дела, уточнял, переспрашивал и делал выводы. Молча. Когда Яша закончил свой рассказ, он спросил:

— Скокову ты, конечно, о своей операции не доложил?

— Нет.

— Зря. Командир на то и командир, чтобы быть в курсе событий. Иначе… Ты представляешь себе армию из одних полковников? Это всеобщий хаос — все умные, и каждый действует по своему усмотрению. Не приведи Бог такому случиться!

Градов взглянул на часы.

— В общем, так… Лети сейчас к Скокову и кайся. И не переживай: он тебя простит. Далее. У Скокова в данный момент торчит Волынский…

— Как он туда попал? — вытаращив от изумления глаза, спросил Яша.

Градов оскалил в улыбке белые широкие зубы.

— Скоков — человек умный, поэтому, пока ты отсутствовал, он размышлял, а поразмышляв, понял, что с такими ребятами, как ты, кашу не сваришь, и взял на работу Волынского. Ясно?

— Ясно, — молча проглотив обиду, кивнул Яша.

— Слушай дальше. Что они там с Волынским решат, я не знаю, может, чего толковое и придумают, но твоя задача привезти сюда, ко

мне, Волынского. Все понял?

— Да, — сказал Яша, натягивая куртку.

— Тогда действуй!

Яша выполнил наказ Градова — покаялся, но нагоняй получить не успел: Скокову стало плохо. Он закашлялся, захрипел и, синея лицом, так и не обронив ни слова, с трудом поднялся и вышел во внутренний дворик. И это было самое страшное, ибо Яша вдруг понял: случись что с полковником, ему останется только одно — застрелиться.

Кефир, чувствуя своим собачьим сердцем, что с хозяином неладно, жалобно завизжал и бросился за ним следом. Родин мгновенно достал из аптечки корвалол, набухал в стакан сорок капель, долил его холодным чаем и тоже выскочил во двор.

— Понял, до чего доводит самодеятельность? — хмуро спросил Волынский.

Яша не ответил. Но по его виду — отрешенному взгляду, вздувшимся на шее жилам и сжатым, побелевшим кулакам — Волынский сообразил, что и он чувствует себя не лучше, чем полковник. Сказал:

— Возьми себя в руки.

Вошел Родин, вытащил из холодильника бутылку водки, наполнил до половины стакан и, отдышавшись, проговорил:

— Все нормально. — Затем сел к столу и закурил. — Яша, Скокову за шестьдесят, и он перенес два микроинфаркта. Это во-первых. А во-вторых, только благодаря ему мы очень прилично зарабатываем и совершенно независимы. Так что помни об этом, когда тебе в следующий раз…

— Он все понял, — остановил его Волынский. — Давайте лучше обсудим ситуацию…

— Вас ждет Градов, — сказал Яша.

— Где?

— У меня дома.

— А как он у тебя оказался?

— Я встретил его в офисе Кожина, но он сделал вид, что меня не узнал.

— Это хорошо, — задумчиво проговорил Волынский. — Александр Григорьевич, в таком случае ты оставайся здесь, так сказать за старшего, а я вместе с Яшей смотаюсь к Градову — эта бестия зря не притащится. Договорились?

Родин хмуро кивнул.

— И жди моего звонка. — Волынский перебросил через плечо

пиджак, который висел на спинке стула, и, кивнув Яше, пошел к выходу.

В Отдельном учебном центре КГБ Градов и Волынский не сдружились, а может быть, просто не успели, ибо занятия отнимали столько сил и энергии, что для общения друг с другом у курсантов элементарно не хватало даже времени. И это обстоятельство не было случайностью, скорее — закономерностью: начальство сознательно воспитывало в своих учениках такие черты характера, как замкнутость и скрытность, ибо разведывательные службы, конечно, могут взаимодействовать друг с другом в целях обмена информацией, но… Первое правило обмена информацией гласит: ничего не давать, если в этом нет необходимости, а второе — дать как можно меньше, чтобы для твоего разведывательного управления складывался благоприятный баланс.

Градов и Волынский сблизились и подружились через несколько лет после окончания школы, причем, при обстоятельствах настолько курьезных и комических, что впоследствии встречаясь и вспоминая их, они оба впадали в гомерический хохот.

Как правило, ребята из Отдельного учебного центра знали два языка, обычаи, нравы и природно-климатические условия той страны, в которой начинали работать. Все они проходили тестирование и подготовку на выживаемость в определенном регионе. И хотя каждого из них готовили для работы в конкретной стране, побывать пришлось практически везде — там, где возникали так называемые горячие точки.

Теоретически парни из Отдельного учебного центра должны были выполнять роль инструкторов и не имели права участвовать в боевых действиях. Но это только теоретически, на деле же они не раз проводили акции по уничтожению командных пунктов повстанческих формирований, мест сбора их лидеров, ну и самих лидеров. Допустим, необходимо нейтрализовать штаб неких повстанческих сил страны, с которой Советский Союз имел договор о дружбе и взаимопомощи. Вначале эту акцию пробовали осуществить местные кадровые войска, потом силы безопасности. Если у них ни черта не получалось, тогда в бой вступали ребята Отдельного учебного центра. Вначале они обстреливали врага неуправляемыми снарядами типа «земля — воздух», потом «чистили» это место из пулеметов, а затем, бросаясь в атаку, добивали все, что шевелится, и быстро сматывались. А на смену им уже приходили местные парни, которые якобы и вершили все дело.

Вслед за местными парнями прилетали американские журналисты.

Они делали снимки, брали интервью, и в газетах появлялись сообщения о разгроме группировки или штаба силами безопасности аборигенов. В общем, веселая была работа, как выразился однажды Волынский.

Как-то Волынского загнали в Анголу. Условия — хуже не придумаешь. Идешь с разведгруппой, вдруг вертолет противника, плюхаешься лицом в болотную жижу, лежишь, а по тебе ползет какая-то мерзость — то ли паук, то ли скорпион, не поймешь. Ситуация тогда в Анголе сложилась примерно такая же, как у нас в гражданскую войну. Одни воюют за СВАПО, другие — за УНИТА. В общем, страна разделилась на два лагеря и постреливает — грызется.

Волынский учил черных братьев тактике ведения партизанской войны и владению советским и наиболее распространенными видами американского оружия. Со скуки стал делать все по правилам — устраивать теракты, засады, набеги, взрывы, регулярно совершать ночные рейды на территорию противника. А толку — никакого. Кто-то очень грамотно ему противостоит. Волынский подумал, что это либо «Великий неизвестный» — французский легионер, — либо американец и проклял все на свете, ибо уже на горьком опыте знал, что самая затяжная, нудная и мучительная борьба — это борьба двух спецслужб: уровень подготовки примерно одинаков, поэтому, чтобы переиграть противника, необходимо иметь численное преимущество или ждать, когда тебе улыбнется удача. Недаром же их так и называли — солдаты удачи…

Вечером к Волынскому подошла переводчица и, ужасно смущаясь, сказала, что с ним желает встретиться офицер противоположной стороны. Волынский задумался: если узнает об этом начальство, неприятностей будет выше крыши, но искушение победило — очень уж ему хотелось взглянуть в глаза парня, который умеет не только воевать, но и не прочь поболтать с тобой. «Интересно о чем»?

Волынский дал согласие, проверил оружие и в назначенное время отправился на свидание. Его уже ждали. Вражеский офицер прогуливался вдоль берега разъединявшей их позиции речушки и, заметив его, затопал навстречу. У Волынского екнуло сердце: было что-то до боли знакомое в облике офицера — и походка, и привычка носить автомат — у левого бедра, палец на спусковом крючке, — и нож, рукоятку которого он сжимал правой рукой.

— Лешка, ты?! — ахнул Волынский, когда незнакомец приблизился на достаточно близкое расстояние, и выглянувшая из-за облаков луна осветила его широкое, улыбчивое лицо.

— Папа римский! — расхохотался Градов. — Ты чего, сукин сын, против своих воюешь?

— А ты?

— Приказ, Боб.

— И у меня приказ, Лешенька.

Они обнялись, троекратно, по-русски, расцеловались, выпили из фляжек по глотку разведенного спирта и договорились лупить друг друга по очереди — три дня Градов Волынского, три дня Волынский Градова, а по выходным летать вместе в Луанду и трахать там местных девок, которые славились тем, что умели доводить мужиков до оргазма еще до постели — во время танца живота, когда демонстрировали красоту и возможности человеческого тела.

— Очень приятная встреча! — сказал Волынский, обнимая Градова. — Ты откуда свалился?

— Допустим, с луны.

— А зачем меня вызвал?

— Поздравить. Когда друг женится, его надо обязательно поздравить.

— И содрать с него выпивку, так?

— Это само собой — ты у меня напарницу увел.

— Об этом, Леша, забудь. Она теперь в колледже преподает — учит детишек лопотать на английском и французском.

— Серьезная перестройка, — улыбнулся Градов. — Выпьешь?

— А что еще с тобой можно делать?

— Тогда садись. Яша, у тебя осталась свинина?

— В духовке запечь? — спросил Яша улыбаясь. Ему очень нравились эти мужики, которые говорили о делах вскользь, как бы между прочим, но, как он уже убедился, крутили эти дела с такой лихостью и проворством, что им мог бы позавидовать даже цирковой иллюзионист самого высокого класса.

— В духовке, — кивнул Градов. — С корочкой. И не забудь чесноком нашпиговать.

— Сделаю.

Яша ушел на кухню, а Градов, разлив по рюмкам «рябиновку», с улыбкой уставился на Волынского.

— Чего молчишь?

— Хочу задать тебе один очень деликатный вопрос.

— Твое дело. Только запомни: разговор начал ты. Запомнил?

— Запомнил.

— Это я для того, чтобы ты потом об этом не жалел.

— Где ты познакомился с Ритой?

— В лагере для подготовки террористов в Ливийской пустыне.

— Что она там делала?

— Знакомилась с искусством любви народов Ближнего Востока. — Градов выпил и, помолчав, добавил: — Она может убить любого мужика во время полового акта — голыми руками и без всяких следов насилия. — Он выбил из пачки сигарету и, бросив на приятеля короткий взгляд, подумал: «Он похож на Маяковского, который однажды сказал: «А лицо мое видели, когда я абсолютно спокоен?»

— Как ты думаешь, она мне будет хорошей женой?

— Лучше не найдешь. Но…

Договаривай.

— Боб, она до сих пор в деле.

— Я тебе сказал: она преподает английский язык.

— А я работаю коммерческим директором у Кожина в ТОО «Гранат».

— Это твоя «крыша»?

Градов шумно вздохнул.

— Боб, ты же знаешь, у меня четверо детей. Чтобы их прокормить…

— Понимаю, — остановил его Волынский. — Первое главное управление не в состоянии платить своему агенту столько, сколько он заслуживает.

— Может быть, и в состоянии, — пожал плечами Градов, — но я предпочитаю жить свободным художником — независимо. А что касается нашей с тобой деятельности, то я скажу тебе следующее: нас хоть и выперли из конторы — не знаю, по каким причинам, это дело политиков, — но мы, солдаты удачи, остались ей верны. И не потому, что патриоты, а потому, что без этой работы мы жить уже не можем. Она у нас в крови, в голове… — Он постучал себя костяшками пальцев по лбу, и широкое лицо его осветилось грустной улыбкой. — Ты помнишь, как мы лупили друг друга в Анголе?

— Вспоминаю. И довольно часто.

Градов удовлетворенно кивнул.

— По-моему, это лучшие годы нашей жизни. Абсурд, но это так.

Волынский надолго задумался, затем выпил «рябиновки» и задал вопрос, который мог вывести Градова из равновесия, но одновременно и приоткрыть план его дальнейших действий — провокационный вопрос.

— А тебе не один черт, за кого воевать?

— Дурак ты, Боб! — взвился Градов. — Я — русский офицер! В России родился, за нее, матушку, и смерть приму.

— А на кой хрен тебе такая матушка, которая своих сыновей прокормить не может?

— Матушка здесь ни при чем, — возразил Градов. — Что мы ходим оборванные и голодные, виноват Президент и его свита — сволочь продажная! Но эту сволочь мы давили, давим и будем давить! Как клопов! Пока все не передохнут!

— Каким образом?

— Ручным. — Градов сжал пальцы в кулак и поднес его под нос Волынского. — У Редькина работает Мария Петровна Баранова, референт по внешнеполитическим вопросам. Ты, Родин и Климов должны сделать так, чтобы она заболела, внезапно и надолго. Или уволилась по собственному желанию. А на ее место необходимо внедрить Риту Донецкую.

— Мою жену…

— Твою жену, — подтвердил Градов.

— И что она должна сделать?

— Проверить содержимое сейфа в его рабочем кабинете и, если там окажется что-либо достойное внимания, сфотографировать. Это — первое. Второе… — Градов вытащил из кармана миниатюрную коробочку, извлек из нее булавку с пластмассовым наконечником — микропередатчик — и протянул Волынскому. — Мой подарок твоей жене. Она знает, куда и кому эту дрянь вставить.

— И где ты это барахло берешь? — искренне удивился Волынский, приколов булавку к лацкану пиджака.

— Я — коммерческий директор, — растягивая губы в улыбке, проговорил Градов. — И в отличие от тебя почти каждую неделю мотаюсь за границу. А знакомых там у меня больше, чем карасей в царском пруду. Понял?

— Понял. А ты, значит, займешься Пузыревым?

— Сегодня же, — сказал Градов. — Яша!

Из кухни выскочил перепуганный Яша.

— Свинина готова?

— Зеленью обкладываю.

— Молодец! Во сколько тебе должен звонить Коптев?

— В десять.

Градов взглянул на часы.

— Девять пятнадцать. Отлично! Назначь ему встречу и притащи сюда. Я с ним лично поговорю. Усек?

— Усек.

— А сейчас давайте ужинать.

Коптев позвонил ровно в десять и, думая, что включен автоответчик, монотонным голосом забубнил: «Сегодня в одиннадцать утра в похоронное бюро заявился неизвестный мужчина, заказал гроб для своей матери и место на кладбище. И все — по высшей категории. Сказал, что расплачиваться будет наличными. По такому случаю его пригласили в кабинет Пузырева. Что там произошло, не знаю, но только через несколько минут неизвестный сам оказался в гробу. Документов при нем не обнаружили. Кремация — в двенадцать ночи. По наряду. В Донском монастыре. Отбой».

— Подожди, — остановил его Яша. — Как выглядел покойник?

Коптев, не ожидая, что его слушают, выругался, а затем спросил:

— Яков, ты?

— Я. Как он выглядел?

— Среднего роста, шатен, сухопарый, два золотых зуба…

— Подожди секундочку… — Яша прикрыл ладонью трубку и быстро пересказал своим гостям суть дела.

— Передай ему, что ты подъедешь, — сказал Градов.

Яша выполнил его просьбу, сухо простился с Коптевым и положил трубку. Наступило неловкое молчание. Волынский, обдумывая ситуацию, ковырял спичкой в зубах, Градов, вытащив из-под стола вторую бутылку «Рябины на коньяке», искал нож, чтобы содрать пробку, а Яша, осознав, что именно он виновен в смерти Добровольского — что погиб Добровольский, он уже не сомневался — два золотых зуба, — тупо смотрел на экран телевизора, но, потрясенный случившимся, ни черта не видел и не слышал.

— Я поеду с тобой, — сказал Градов, наконец содрав пробку с бутылки. Затем вскинул голову и спросил: — Переживаешь?.. Это хорошо. Впредь не будешь по чужим кастрюлям лазить. Между прочим, то же самое я сказал бы и Добровольскому. Он сам сунул голову в капкан. И жестоко поплатился. Если это, конечно, был он. Он?

— Да, — кивнул Яша. — Два золотых зуба…

— Ладно, — сказал Волынский. — Покойник от наших разговоров не воскреснет. Давайте лучше прикинем, как говорят в Одессе, что мы с этого покойника можем иметь?

— Если Коптев согласится пойти в свидетели, то этого Пузыря можно подвести под вышку, — сказал Градов.

— Он отмажется, — возразил Волынский. — Добровольский

наверняка был вооружен, и адвокат Пузырева без особого труда докажет, что убийство непреднамеренное — в целях самозащиты.

— А мне-то что делать? — обескураженно спросил Яша. — Скоков теперь и разговаривать со мной не захочет.

Градов вяло отмахнулся.

— Яша, твоя судьба — на весах правосудия. На одной чаше — верность и преданность, на второй — дурость. Первое явно перетягивает, так что выгонять тебя у Скокова резона нет… Нет! — повторил он, выдержав паузу. — Но на будущее запомни: «Никогда не поступай согласно первому движению души, ибо оно — самое благородное». Знаешь, кто это сказал?

— Талейран, — улыбнулся Волынский.

— Правильно. Яша, ты в прошлый раз Коптева на магнитофон писал?

— Да.

— Где он?

— В машине.

— В рабочем состоянии?

— В рабочем. — Яша потянулся за курткой, проверил, на месте ли документы, и выключил телевизор.

— До дому подкинете? — спросил Волынский.

— Неужели мы тебя бросим в городе, в котором полно бандитов, — улыбнулся Градов. — Ты только не забудь передать жене мой «подарок».

Волынский печально вздохнул.

— Передашь? — повторил Градов.

— Леша, горе твое в том, что ты никогда не чтил и не боялся Бога, а верил исключительно в приметы, суеверные знаки и страшился только черта! Впрочем, это беда всего русского народа.

— Это ты к чему? — моментально насторожился Градов.

— Леша, мы продолжаем с тобой лупить друг друга. Сегодня — твой черед. — Волынский круто развернулся и потопал к выходу.

Яша подъехал к служебному входу крематория со стороны Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, загнал машину на обочину, чтобы не мешать въезду и выезду, и посмотрел на часы.

— Без пяти двенадцать.

— Подождем, — кивнул Градов, не открывая глаз: по дороге в крематорий он задремал.

Коптев подъехал пятнадцать минут первого, неторопливо вылез из

машины и закурил, давая понять, что к нему можно подойти.

— Ты один? — спросил Яша, приблизившись.

— Один, — кивнул Коптев. — Сопровождающим дал на водку и отпустил по домам, чтобы, значит, не засветиться. — А ты?

— С напарником.

— Вы что, хотите опознать этого типа?

— Да.

— Тогда залезайте в мой фургон и помалкивайте.

Яша и подошедший Градов нырнули в темный провал кузова. Коптев закрыл за ними дверцы, сел за руль, трижды нажал-клаксон и мигнул фарами.

— В технический? — спросил выскочивший из будки солдат в военной, защитного цвета форме.

— В технический, — буркнул Коптев.

— Дорогу знаешь?

— Если замерз, могу подвезти.

Солдат хотел было огрызнуться, но в последний момент передумал — знал, подлец, кого по ночам обслуживает. Коптев уверенно подогнал свой продовольственный фургон к техническому подвалу, открыл задние дверцы, коротко и тихо бросил:

— Вытаскивайте!

Яша и Градов вытащили из машины брезентовый мешок и поволокли по асфальту двора к черному входу кремационного отдела. Там было тихо и душно, только зло гудело газовое пламя за печной заслонкой. Коптев вытряхнул из мешка голое, скрюченное тело и пошел навстречу оператору, который ждал его на верхней ступеньке лестницы.

— По наряду? — Голос был густой, хриплый и равнодушный — привык, видно, человек к смерти, к ее угрюмому оскалу, омерзительному, вызывающему тошноту виду.

Коптев спокойно кивнул, протянул ему бумаги и бутылку водки.

— О-хо-хо! — Оператор спрятал водку в задний карман брюк, бросил, не глядя, наряд в папку, перекрестился и молча побрел на свой командный пункт.

— Давно он здесь работает? — спросил Градов Коптева.

— По-моему, всю жизнь.

— Жизнь здесь, конечно, бьет ключом. — Градов осмотрел тело покойного и сразу же заметил то, что искал: аккуратный, размером в квадратный сантиметр, кусочек лейкопластыря, который был наклеен чуть ниже левого соска. Он легко, одним движением, содрал его и убедился, что прав: Добровольского убили выстрелом в сердце.

— Профессионал работал, — проворчал он, заглядывая покойнику в рот. — А золотишко где?

— Наши выдрали, — флегматично ответил Коптев. — Еще в конторе.

— Вопросов больше нет, — сказал Градов, вытирая платком руки.

Коптев задрал голову, коротко свистнул. Оператор нажал кнопку, заурчал мотор, и черная, отполированная годами работы лента конвейера повезла Добровольского в огненное жерло печи.

«Дорога в ад, — подумал Яша. — А каким же образом попадают в рай?» На этот вопрос он ответить не смог, плюнул и вслед за Градовым поплелся к выходу.

Когда Коптев выкатил за ворота и остановил фургон на обочине, Градов предложил ему пересесть в «жигуленок» и потребовал повторить рассказ — теперь со всеми подробностями — о сцене, которая разыгралась в похоронном бюро. Яша включил магнитофон.

— Добровольский пришел с оружием? — спросил Градов, выслушав исповедь Коптева.

— По-моему, да. Когда Пузырев пригласил меня в кабинет, то на столе в полиэтиленовом пакете лежал ПМ с глушителем.

— Где ты находился во время их разговора?

— На складе. Принимал гробы.

— Выстрела не слышал?

— Нет.

— Как Пузырев объяснил смерть Добровольского?

— Он назвал его психом, сказал, что этот псих хотел его застрелить, и он убил его, защищаясь. Но о том, что произошло, приказал всем молчать.

— Как вел себя Пузырев после случившегося? Нервничал? Звонил кому-нибудь по телефону?

— Вид у него был не ахти, — согласился Коптев, — растерянный. А звонил… — Он помял пальцами подбородок. — Если не ошибаюсь, он называл ее Еленой Владимировной.

«Клеопатра», — догадался Яша.

— Не вспомнишь какие-нибудь фразы из их разговора?

— Пузырев дважды повторил один и тот же вопрос: «Кому в данный момент принадлежит квартира Добровольской? Ответ он получил, по всей вероятности, очень для него неожиданный, ибо после этого бросил трубку, выпил залпом бутылку боржоми и куда-то укатил.

— Все? — спросил Градов и, не дожидаясь ответа, вытащил и повертел перед носом озадаченного Коптева булавку — точно такую же, какую передал Волынскому. — Знаешь, что это такое?

— Микропередатчик. Если не ошибаюсь.

— Верно. В чем твой шеф постоянно ходит?

— В кожаном пиджаке. Он у него — на все случаи жизни.

— Прекрасно. Так вот, загони ему эту булавочку за подкладку. Сумеешь?

— Сделаю.

— Будь здоров! Звони завтра и каждый день.

Яша проводил Коптева взглядом, запустил движок и спросил:

— Куда?

— Домой, — устало ответил Градов.

— Я не знаю, где вы живете.

— Кунцево, улица Молодежная, дом три, квартира трехкомнатная со всеми удобствами и двумя лоджиями. Найдешь?

— Попробую. — Яша плавно тронул машину с места и включил магнитофон. Из динамиков вырвалось:

Чтобы жизнь улыбалась волкам — не слыхал, —
Зря мы любим ее, однолюбы.
Вот у смерти — красивый широкий оскал
И здоровые крепкие зубы.

Улыбнемся же волчьей ухмылкой врагу —
Псам еще не намылены холки!
Но — на татуированном кровью снегу
Наша, роспись: мы больше не волки.

— Высоцкий? — встрепенулся Градов.

— Любимая песня Добровольского.

Градов иронично усмехнулся и, дослушав песню до конца, сказал:

— Добровольский, конечно, волк, но он не знал, что существуют волкодавы, потому и вляпался… Дурак!

ГЛАВА 9

Уважаемый, Семен Тимофеевич!

В свое время следователь Виктор Андреевич Красин (это произошло вскоре после моего ареста, когда Вы меня взяли, так сказать, с поличным в поезде Брест — Москва) пытался доказать, что я работал не один, а вместе с Пудановым, что мы, мол, друзья, и наши действия можно расценивать как сговор и сообщество. Я его понимаю: сговор — максимальный срок. Но я ведь, извините, не дурак, я ведь тоже знал, чем пахнет мое признание, и потому так и не раскололся. Красин рассвирепел и на прощание бросил мне фразу, которую я помню до сих пор: «Дятлы умирают от сотрясения мозга». Не знаю почему, меня задела эта фраза, но я часто над ней думал и вот до чего додумался… С одной стороны дятел — птица полезная, всяких там вредных насекомых уничтожает, а с другой… Природа использует эту птичку с такой беспощадностью, что у нее в конце концов крыша едет, как, впрочем, и у других не менее благородных работников коммунистического труда — плотника, например, который всю жизнь забивает гвозди, жестянщика, кузнеца, стукача… Последних при советской власти расплодилось особенно много — стукачи платные, стукачи на компромате, стукачи на «патриотизме» (тайно осведомляющие органы о неправильном мышлении сограждан), стукачи «на обещании» (за помощь в служебном положении), стукачи-соседи, стукачи-дворники, стукачи-наседки… Да что там говорить — несть им числа. И все они — порождение советской власти, ее работники, кузнецы счастья — «куем мы счастия ключи…» Помните? И здесь Красин прав (не могу с ним не согласиться): все мы — дятлы! А дятлы умирают от сотрясения мозга… Печально, но — факт.

Семен Тимофеевич, и я дятел — пытаюсь достучаться до правды. Но достучаться до правды в России — значит заколотить себя самого в гроб. Может быть, мне повезет, и я обойду стороной свою могилку, но на всякий случай — от неожиданностей не застрахован никто — сообщаю вам…

1. Жучок в ваш кабинет всобачил я. Но с благородной целью: хотел узнать имена тех, кто отправил мою маму на кладбище, а узнав — наказать.

2. Вчера выяснил имена убийц — Редькин и Пузырев, обрадовался и одновременно огорчился: доказать их виновность практически невозможно, ибо все свои делишки они творили чужими руками.

Поэтому я решил расправиться с ними лично.

3. К Вам претензий не имею. Вы честно и грамотно выполнили свою работу, я выполнил свое обещание — перевел на Ваш счет в банке оговоренную мною с Вами сумму.

4. В моем чемодане Вы найдете восемьдесят тысяч американских долларов. На эти деньги я хотел выкупить у Глазова мамину квартиру, но, как видите, не удалось… Так вот, если со мной случится беда — я это не исключаю, — то деньги (родственников у меня нет, я один на этом свете) я завещаю Вам — вашему агентству «Лучник». Но делаю это не безвозмездно. Я желаю, чтобы Вы продолжили расследование и засадили этих подлецов — Пузырева и Редькина — за решетку. Всего Вам доброго!

И. Добровольский

P. S. Зная Вашу щепетильность в денежных вопросах, скажу: баксы — чистые. Я их сделал в своем ресторане «Веселые ребята». И долгов у меня нет. Так что успехов Вам!»

Это письмо Родин обнаружил на столе Добровольского, когда с разрешения районного прокурора посетил его квартиру. Замки вскрыл Яша. На это дело у него ушло не более пяти минут.

— Пожалуйста, — сказал он с довольной улыбкой и, пропустив вперед Родина, Кудимову, двух понятых — соседей Добровольского по лестничной площадке — Надю Груздеву и Марию Александровну Платову, вошел сам.

Родин, прочитав письмо-завещание, передал его Кудимовой, затем собрал вещи Добровольского, составил протокол, который подписали Груздева и Платова, и велел Яше отнести чемодан в машину.

— Что ты на это скажешь? — спросил он Кудимову, когда они остались с глазу на глаз.

— Щедрый человек!

— И все?

— Я бы ему памятник поставила — он дал вам возможность продолжить расследование.

— А вы без нас бы не справились? — с усмешечкой осведомился Родин.

— Не издевайся, — ответила Кудимова. — Сам прекрасно знаешь, чем бы все это кончилось… Климова заставили бы ловить шпану. Если бы заартачился — выгнали. Меня, по всей вероятности, тоже, дело бы передали Можейко, который через пару дней его закрыл — преступник найден — Глазов, — и получил бы очередную благодарность. Так?

— Так. — Родин сложил письмо, сунул его в конверт, на котором почерком Добровольского было крупно выведено: «Скокову», а конверт — во внутренний карман пиджака. Кудимова села в кресло, закинула ногу на ногу и взглянула на часы.

— Саша, примерно через час здесь должна появиться Краковская… Ты не забыл, что квартира теперь принадлежит ей?

— Нет.

— У нее что-то не склеилось с Редькиным, а может быть, ее насторожило исчезновение Глазова — не знаю, но она чем-то озабочена, нервничает, взвинчена до предела.

— Откуда тебе это известно?

— Она приходила к начальнику нашего паспортного стола Федорову и взяла форму номер пятнадцать. Знаешь, что это такое?

— Разрешение на выписку и прописку.

— Верно. Она желает выписаться с Тверской и прописаться здесь.

— Значит, она решила продать квартиру на Тверской?

— Чего не знаю, того не знаю, но мне кажется, что она — очередная жертва. Так, может, поговорить с ней, откровенно, по-бабьи, выложить все начистоту?

Родин вспомнил свой разговор с главным режиссером Молодежного театра и задумался.

Если Краковская действительно беспредельно верит и предана Редькину, то предложение Кудимовой дьявольски опасно, но если она почувствовала неладное, узрела в чем-то подвох со стороны своего кумира, то игра стоит свеч: взвесив все «за» и «против», Краковская бросится в атаку — выяснять отношения, и события начнут развиваться с головокружительной быстротой, как на шахматной доске во время цейтнота двух мастеров международного класса. Так может, рискнуть?

Родин осторожно вытащил из рук Кудимовой сигарету, докурил ее и, погасив, Спросил:

— Ты можешь ее подождать?

— Могу.

— Так вот, сиди и жди моего звонка.

Кудимова вытянула ноги, откинулась на спинку кресла и посмотрела на Родина так, как умела делать только она — спокойным, глубоким, насквозь пронизывающим взглядом.

— Хочешь посоветоваться со Скоковым?

— Хочу! — рявкнул Родин, чувствуя себя букашкой, которую рассматривают под микроскопом. — Ибо не желаю попасть в

положение Яшки, по инициативе которого Добровольского отправили на тот свет.

Взгляд Кудимовой мгновенно изменился — стал томно-притягивающим.

— Милый, а чего ты так нервничаешь? Иди ко мне…

Родин послал свою возлюбленную к чертовой матери и выскочил за дверь.

— Яша, — сказал он, усаживаясь в машину. — У тебя есть жучки?

— Найду.

— Иди и быстренько поставь.

— А кого здесь слушать-то?

— Папу римского! — Родин откинулся на спинку сиденья и подумал: «Она не успокоится до тех пор, пока Редькина не кастрируют».

Скоков с Красиным, расположившись в беседке, играли в шахматы. Кефир спал у ног хозяина, положив голову на лапы. Во сне он иногда взвизгивал, по телу пробегала трепетная дрожь.

— Что-то снится ему, — сказал Скоков, сделав очередной ход. — Интересно что?

— Кошки, — буркнул Красин. — А может, крысы. Он вчера одну у входа в подвал придушил.

— Молодец!

С крыльца спустился Борис Волынский — в спортивном костюме, кроссовках. Сделал несколько гимнастических упражнений, затем подошел к перекладине, которую соорудил Яша, и, с полумаха крутанув «солнце», выполнил соскок-сальто. Охранник Миша Краев, который занимался дзюдо и каратэ, отбросил в сторону гаечный ключ — он ремонтировал машину — и встал в боевую стойку. Волынский мягко улыбнулся.

— Миша, ты знаком хотя бы с основами рукопашного боя?

— У меня черный пояс.

— Это — детская забава.

— Я хочу проверить… — Лицо Миши напряглось и приняло сосредоточенное, полное отчаянной решимости выражение.

— Миша, ты — спортсмен, я — военный, а это другое дело. Спортсменам и военным трудно тренироваться вместе — у них разные цели.

— Моя цель — победить, — сказал Миша. — А ваша?

— Обезвредить нападающего с ножом или убить его без лишнего шума.

— Давайте попробуем. — Миша вытащил из чехла у пояса десантный нож. — Готовы?

— Да.

Миша глубоко втянул в себя воздух и стал приближаться к Волынскому с застывшей на губах улыбкой. «Он опасен, — подумал Волынский. — Улыбочка, как у Леши Градова, когда он тебе всаживает нож в почки», — и принялся внимательно следить за противником, чтобы уловить момент, когда будет нанесен удар, поскольку тысячу раз убеждался, что удар ножом может действительно быть моментальным.

Когда в глазах Краева промелькнула решимость к действию, Волынский мгновенно, одним движением, выставил вперед две руки, чтобы встретить удар как можно раньше. Он захватил и сжал запястье правой руки Краева и предплечье левой, выставив одновременно правое колено, направленное в диафрагму противника. Затем круговым движением поднял обе руки и всем корпусом подался назад.

Краев тут же потерял равновесие, его рука с ножом, заломленная назад, вывернулась, и он, внезапно почувствовав острую боль, выронил нож, который Волынский был уже готов поднять. Однако за мгновение до того, как оба упали на землю, Волынский выхватил свой — несуществующий кинжал — и ребром ладони жестко ударил противника по сонной артерии. Не издав ни единого звука, Краев опрокинулся на спину и… замер, поглядывая на мир пустыми, казалось, лишенными жизни глазами.

— Вот это да! — воскликнул Яша, наблюдавший за этой сценой вместе с Родиным с крыльца. — Борис Николаевич, вы его не убили?

— На две минуты, — сказал Волынский, поднимаясь.

Вскочил, обеспокоенный случившимся, и Кефир, подбежал к своему «крестному отцу», обнюхал и лизнул в щеку. Миша зашевелился, посмотрел вокруг оголтелым, ничего не соображающим взглядом, увидел нож, который валялся в траве, тряхнул головой, встал и молча пожал Волынскому руку.

— За науку спасибо, — сказал он и посмотрел на Яшу. — Карбюратор привез?

Яша молча протянул ему завернутый в тряпку карбюратор.

— У «афганцев» достал.

— И притащи домкрат. Колесо сменим и — порядок.

Родин поздоровался с Волынским и протянул Скокову конверт.

— Что это?

— Завещание.

Письмо Добровольского произвело впечатление на всех — Скокова, Красина и Волынского. Порадовало и Яшу — исповедь покойника снимала с него часть вины за содеянное.

— Что скажете? — спросил Скоков отвердевшим, начальственным голосом. Черты лица его разгладились, и он совершенно незаметно для окружающих из добродушного домашнего кота превратился в голодного тигра — жгучий блеск в глазах, мягкая резкость движений, готовность к последнему, завершающему охоту прыжку.

— Мы обязаны выполнить волю покойного, — ответил за всех Красин. — Он не только оплатил все наши услуги, но и выдал нам аванс — деньги на дальнейшее расследование.

— Где деньги?

Родин вытащил из чемодана Добровольского целлофановый пакет, под завязку набитый стодолларовыми купюрами, и бросил его на стол.

— Восемьдесят тысяч.

— Считал?

— Да.

— Ну и что нам с ними делать?

— Открыть валютный счет, — сказал Красин.

— Зачем же делиться с государством? — хмыкнул Волынский. — Это неразумно.

— Тогда положить в Госбанк и пользоваться месячным процентом.

— Если к власти придут коммунисты… В общем, валютные счета могут заморозить, и мы останемся «на бобах».

— И что ты предлагаешь?

— Открыть счет в Бельгии. Начальник отдела иностранных счетов Кредитбанка господин Торп мой добрый знакомый… И мы будем иметь неплохие проценты. И стопроцентную гарантию, что не обанкротимся.

— А если деньги нам потребуются немедленно? — спросил Родин.

— Все операции можно производить по телефону, — усмехнулся Волынский. — Звоните, называете код, и вам переводят деньги в любую точку земного шара.

— Это законно?

— Вы свободный человек свободной страны. — Волынский улыбнулся, нехорошо улыбнулся — с легкой издевочкой. — Поэтому имеете право хранить свои деньги, как и многие члены правительства, в любом банке любой страны.

— Я подумаю, — сказал Скоков, смахнув пакет с деньгами обратно в чемодан. — А сейчас меня интересует ваше мнение насчет

возникшей ситуации. — Он перевел взгляд на Родина. — Что ты раскопал, кроме денег?

Родин в двух словах поведал о предложении Кудимовой, высказал свое мнение на этот счет и замолчал, ожидая реакции начальства. Скоков легко поднялся, прошелся вокруг беседки и остановился напротив Волынского.

— Что скажешь, Борис Николаевич?

— Игра пошла в открытую, — помолчав, произнес Волынский. — Они знают, что Добровольский был вашим клиентом, ибо квартирой его матушки занималось агентство недвижимости «Онега», и засуетились, забегали… Спутал им карты и Глазов, который успел подарить свою квартиру Краковской, так что последняя неожиданно для себя стала обладательницей двух квартир — в Коломенском и на Тверской. Квартира на Тверской тянет тысяч на триста — в баксах, и они этот жирный кусок постараются у нее оттяпать, если уже не оттяпали, поэтому я считаю предложение Кудимовой важным и своевременным. Краковская — далеко не дура, и если правильно определит ситуацию, то весь свой гнев выльет на Редькина.

— Не побоится? — спросил Родин, памятуя свой разговор с Экзасом.

— А чего ей теперь бояться? Это раньше ей могли червонец навесить за связь с иностранцем, а сегодня… Сегодня она может завалиться в постель с кем угодно — хоть с агентом из Интеллидженс Сервис. Так что плевать она хотела на Редькина — не те времена. И убийство Глазова она ему не простит…

— Верно, — одобрительно кивнул Скоков. — Саша, звони Кудимовой, скажи, что я добро на разговор с Краковской дал. А ты, Виктор Андреевич, — он повернулся лицом к Красину, — найди Роммеля, нотариуса, который оформлял дарственную на Краковскую, и выжми из него все, что только возможно. Он многое знает, он встречался с Редькиным или его человеком. Если упрется рогами в землю, скажи, что разговор сугубо конфиденциальный и о нем не узнает ни одна живая душа, ежели и это не поможет, пригрози — лицензию, мол, отберем. Все. Бери Колберга и мотайте!

— А мне работенка найдется? — спросил Волынский, когда Красин и Колбергушли.

Скоков налил себе стакан кефира, выпил и, помолчав, сказал:

— Тебя просил позвонить Егоров.

— Хорошо.

— Между прочим, чем он сейчас занимается?

— Возглавляет отдел по чистке кадров, то есть выявляет взяточников, хапуг и предателей среди своих же сотрудников.

— Грязная работа, — вздохнул Скоков, — но нужная. — И, заслышав хруст гравия, вскинул голову. Перед ним стоял улыбающийся Климов.

— Разрешите доложить, господин полковник?

— Докладывай.

— Дело Глазова приказали закрыть. Я отказался, мотивируя тем, что Глазова убили. И показал им справочку Каширина. Они забрали у меня и справку, и дело.

— Кто?

— Прокуратура Российской Федерации. А именно — следователь по особо важным делам Можейко.

ГЛАВА 10

В нашем сложном мире порой случается так, что события, которые происходят вдали от тех мест и даже от той части света, где мы живем, события, в которых мы ни прямого, ни косвенного участия не принимаем, вдруг оказывают на наши судьбы и дела куда более действенное влияние, чем все наши самые старательные желания воздействовать хоть каким-то образом и на судьбу, и на эти самые дела. Мистика ли это, совпадение ли, но Родину пришлось столкнуться с этим парадоксом и крепко задуматься.

Как уже говорилось выше, в школе Родин сидел на одной парте и, естественно, дружил с будущим ученым-фундаменталистом Женей Камневым, который впоследствии, клюнув на заманчивое предложение американцев — хороший оклад, собственная лаборатория, шикарный дом на берегу океана, — женился на очаровательной американке, которую ему опять-таки ненавязчиво подсунули, и уехал в Штаты, бросив на прощание своему научному руководителю фразу, которую последний запомнил на всю жизнь: «Быть свободным среди рабов не только бестактно, но и невозможно».

Первые годы эмиграции пролетели незаметно — Камнев с головой ушел в работу. А в редкие часы отдыха выходил на яхте в океан, ловил рыбу, купался, загорал, флиртовал с молоденькими девчонками, до которых был большой любитель, в общем, жил ярко и беззаботно, совершенно забыв, что в мире существует шестая часть суши, которая называется Советский Союз. Но вспомнить все-таки пришлось. Виной тому — два фактора. Первый — развод с женой. Второй — события в России: штурм Белого дома осенью девяносто третьего года и расстрел оппозиции — Верховного Совета — силами ОМОНа, Таманской дивизии, десантниками Наро-Фоминского полка, Тульской воздушно-десантной дивизии. И, конечно же, бойня в Чечне…

«Там началась гражданская война! — подумал Камнев, с ужасом вспомнив, что в Грозном проживает вся его родня: брат, отец, на похороны которого он не успел слетать — слишком поздно пришла телеграмма, — две тетки, племянники. — Что с ними будет?» Он отложил в сторону газету, вышел в парк, раскинувшийся вокруг его дома, обнял первую попавшуюся березку и вдруг отчетливо вспомнил слова своего научного руководителя профессора Кронина: «Женя,

березок и в Америке полно. Березка — это символ, который мы придумали, а Родина — это общество, в котором ты живешь, за которое болеешь и переживаешь, это твои родственники, друзья…»

На глаза Камнева навернулись слезы, и он неожиданно вспомнил Сашку Родина, с которым каждую субботу ходил париться в баню, и… свою первую жену Машу Баранову. Она ушла от него, застав в постели со своей подругой. Как звали подругу, Камнев не помнил, а вот жену… Он и сейчас может сказать, в каких местах расположены на ее теле родинки… «Я ее до сих пор люблю, — признался самому себе Камнев. — Наверное, поэтому и не сложилась моя жизнь со второй женой. Елена — хорошая баба, но она — любовница. И этим все сказано».

Через неделю Камнев взял отпуск и первым же самолетом вылетел в Москву.

… Родин и Кудимова ужинали, когда в квартиру позвонили.

— Ты кого-нибудь ждешь? — спросил Родин.

— Нет, — сказала Кудимова.

Родин встал и подошел к двери.

— Кто?

— Центральное разведуправление Соединенных Штатов Америки.

Голос показался Родину знакомым, и он без колебаний распахнул дверь. И ахнул: перед ним стоял его школьный приятель Женька Камнев, стоял, подлец, и улыбался широкой, просветленной улыбкой.

— Женя, ты? — не поверив глазам, спросил Родин.

Камнев расхохотался.

— В этом доме пьют русскую водку американского разлива?

Родин обнял друга, затащил в квартиру, представил Кудимовой.

— Моя жена, — сказал, посмеиваясь.

— Красивая у тебя жена. — Камнев поставил на пол два огромных, полиэтиленовых пакета и сказал, обращаясь к Родину: — У нас такие бабы в полиции служат. — И увидев, что супруги схватились от смеха за животы, растерянно замолк — «Может, я что-то не так ляпнул?»

— Женя, она действительно в милиции служит — начальник уголовного розыска.

«Разыгрывают, черти!»

— Не поверю. — Камнев бросил на стул плащ и прошел на кухню. — Вы ужинаете?

— Закусываем.

— Ты всегда все съедобное называл закуской. И был прав. Как еще можно назвать кильки в томатном соусе? Между прочим, я ужасно по

ним соскучился.

Кудимова моментально открыла холодильник, и на столе появились две банки килек в томатном соусе.

— Фантастика! — Камнев поцеловал Кудимовой руку и вытащил из сумки литровую бутылку. — Это то, что любят и пьют американцы — настоящая смирновская пшеничная водка.

Родин усадил приятеля в кресло.

— Женька, рассказывай! Мы же с тобой лет десять не виделись.

— А чего рассказывать, — махнул рукой Камнев. — Работаю как вол. Шеф мной доволен, денег — куча, с женой разошелся.

— Если мне не изменяет память, ее звали Елена Гудвин. Почему вы разбежались?

— Выяснилось, что мы не пара. Тогда, при первом знакомстве, мы не поняли этого. — В голосе Камнева проскользнула легкая грусть. — Она небезразлична мне до сих пор, но я часто злюсь на нее, сам не знаю почему. — Он пожал плечами. — Слишком много пустоты между нами, и мы так и не смогли ее заполнить.

— Исчерпывающая информация, — кивнул Родин. — А каким образом ты отыскал меня?

— Позвонил тебе домой, поговорил с Ниной Григорьевной, и она дала мне твой телефон и адрес. Звонить я не стал, дай, думаю, устрою сыщику сюрприз.

— Хороший сюрприз!

Камнев улыбнулся и перевел взгляд на Кудимову.

— Рита, а вы действительно в милиции служите?

Кудимова утвердительно кивнула.

— Мы же с Сашей вместе на юридическом учились.

— То-то мне ваше лицо знакомо… Это не вы играли в волейбол за сборную Москвы?

Кудимова от удовольствия зарделась. Еще бы! Ее знают даже в Штатах.

— А откуда вам это известно?

— Сашка как-то затащил меня после бани в ЦСКА и хвастался: «Девятый номер — моя баба!»

— Так и говорил?

— Так и говорил.

— Вот хвастун! — Кудимова переложила кильки в тарелку и придвинула ее гостю. — Женя, а что вас привело в Россию? Дела?

— Какие там к черту дела — соскучился!

— По мне? — спросил Родин, наполняя рюмки.

— И по тебе, — серьезно ответил Камнев. — И по своей родне, что в Грозном… Между прочим, нельзя ли туда съездить?

— В принципе можно, но я не советую, — сказал Родин. — С твоим американским паспортом тебя выставят оттуда в два счета.

— Как нежелательного свидетеля?

— Можно сказать и так.

— А что там вообще происходит?

— Вообще — массовое убийство наших солдат. А в частности — там делают деньги. Большие деньги! Чечня — это коридор на Запад и на Восток. С Востока по этому коридору везут оружие, а на Запад вывозят стратегическое сырье, наркотики, качают нефть. Это — политика, Женя.

— Значит, это надолго?

— Надолго.

— А как же народ терпит?

— Народ? — Родин едко усмехнулся. — Наш народ достоин своего правительства — потерял достоинство, утратил веру в будущее, а главное — в себя. Умные, как ты, например, свалили на Запад, ловкие и прыткие торгуют в лавках — водкой и продуктами, которые нам в избытке поставляет Запад, ибо срок годности этих продуктов давным-давно истек, ну а дураки шляются по митингам и голосуют за коммунистов.

— Саша, а ты не хватил через край?

— Край еще будет, мы к нему ползем медленно, но верно: заводы и фабрики стоят из-за отсутствия сырья, шахтеры бастуют, потому что им не платят, армия развалилась. Тебе этого мало?

— Очень мрачно, — процедил Камнев.

— В таком случае давай выпьем за светлое будущее и… за нашу встречу. Я тоже по тебе очень соскучился.

Камнев поднял свой бокал.

— За тебя и твою жену. Будьте здоровы!

Они выпили, и Кудимова, выдержав паузу, спросила:

— Женя, а вы к нам надолго?

— Не знаю. Все зависит от того, как скоро я разыщу свою жену. Первую жену, — пояснил он, заметив удивленный взгляд Родина. — На которой женился еще в студенческие годы и которая, оказывается, до сих пор мне небезразлична.

— Ты хочешь увезти ее в Штаты?

— Да. Если она согласится.

— А почему ее надо искать? Она что, съехала с квартиры?

— И, кажется, поменяла фамилию. Была — Стогова Мария Петровна, а теперь… Ты не можешь помочь мне в этом вопросе?

— Раз плюнуть!

Родин позвонил Климову и, когда тот снял трубку, сказал:

— Саша, мне нужно срочно выяснить, где проживает и работает Стогова Мария Петровна. Стогова — это ее девичья фамилия.

— А как ты докопался, что она в прошлом — Стогова?

— Это не телефонный разговор, — почувствовав неладное, ушел от прямого ответа Родин.

— Не темни.

— Я серьезно.

— Если серьезно, то передай Волынскому, что он — мудак: нельзя один и тот же вопрос разрабатывать в разных ведомствах. И тем более — меня разыгрывать. Мне сейчас не до этого. Тебе что, ее домашний адрес нужен?

— И телефон.

— Пиши… Референт Редькина — Баранова Мария Петровна…

— Баранова?! — чуть не выронив от изумления карандаш, переспросил Родин.

— Дурачком не прикидывайся, мне некогда, — обрезал Климов. — Проживает по адресу: Бескудниковский бульвар, дом восемь, квартира тридцать два. Только учти: я к ней сегодня уже подкатывался, но она меня очень вежливо отшила.

— Она замужем?

— Мать-одиночка. Сыну восемь лет, торчит на пятидневке в частном интернате. Квартира трехкомнатная. Будь здоров! Сообщи мне, если у тебя с ней выгорит.

— Хорошо.

Вот здесь-то Родин и поверил в возможность передачи мыслей на расстоянии и прочую телепатическую чепуху, которую отвергал до этого момента полностью и безоговорочно. «Неужели такое возможно?» Он внимательно посмотрел на Камнева и спросил:

— Женя, ты там у себя в Америке не думал обо мне? Ну, примерно с недельку назад?

— Думал.

— В связи с чем?

— Как в баньку сходим, выпьем, поговорим…

— А о жене?

— Ты странный парень, Саша. Конечно думал, раз за ней приехал! «Фантастика!»

— И я думал.

— Врешь.

Родин пожал плечами и передал Камневу лист бумаги.

— Вот ее домашний адрес и телефон. Она была замужем, но разошлась. Сыну восемь лет. Он на пятидневке в частном интернате. Тебя это не смущает?

— Нет. — Камнев повторил вслух адрес и ошалелым от счастья взглядом посмотрел на Родина. — Старик, с меня причитается. Проси, что хочешь!

— Я хочу только одного, — затаив в глазах веселую усмешечку, проговорил Родин. — Чтобы твоя мадам завтра же ушла с работы и в самые ближайшие дни укатила с тобой в Америку.

— Ты действительно этого хочешь?

— Женя, я хочу, чтобы ты был счастлив.

— Спасибо! — Камнев встал, трижды облобызал приятеля и торжественно провозгласил: — Сашка, пока есть такие парни, как ты, Россия не погибнет! Выпьем?

— С удовольствием.

Они выпили, и Камнев сказал, прижав правую руку к сердцу:

— Ребята, извините меня, я поеду.

— К ней? — спросил Родин.

— К ней.

— Сценарий придумал?

— Какой там к черту сценарий, — отмахнулся Камнев. — Упаду в ноги и буду стоять до тех пор, пока не простит. Он перевел взгляд «а Кудимову. — Простит?

— Я бы простила.

— А утром обязательно позвони, — добавил Родин. — Доложишь о результатах.

— Обещаю. — Камнев схватил плащ и опрометью выскочил из квартиры.

Утром Родина разбудил телефонный звонок. Он снял трубку и услышал радостный вопль Камнева:

— Старик, все в порядке!

— Поздравляю.

— Спасибо. Ноу меня к тебе еще одна просьба… Штампа в паспорте о регистрации брака надо ждать около месяца. Я этого позволить себе не могу, у меня времени…

— Не волнуйся, — остановил его Родин. — Этот вопрос мы утрясем сегодня же. Ты у нее?

— Да.

— Жди моего звонка.

— О кэй, Сашка! Целую!

Нотариальная контора Роммеля находилась на Патриарших прудах в тихом и доброжелательном — по выражению Колберга — переулке, усыпанном старинными купеческими особняками. Один из таких двухэтажных особняков арендовал Михаил Георгиевич Роммель.

Родин толкнул дверь, естественно, железную, обитую темно-коричневой кожей, поздоровался с охранником и вошел в просторную, увешанную портретами русских мыслителей прошлого столетия комнату, в которой, как он сразу же понял, происходила сортировка клиентов. Почтенного возраста мужчина в роговых очках с густыми, насупленными бровями, но очень выразительным, доброжелательным лицом записывал в карточку фамилию клиента, суть его дела, просил подождать, а карточку отправлял нотариусу, который занимался именно такого рода делами. Когда подошла очередь Красина, он спросил:

— Вы по какому вопросу?

— Сугубо личному. Мне нужно поговорить с Михаилом Георгиевичем.

— Вы по рекомендации…

— Румянцевой Елены Владимировны, — быстро договорил Красин, решив что эта маленькая ложь никоим образом не уронит его достоинства.

— Ваша фамилия?

— Она ему известна.

Мужчина по внутреннему телефону соединился с Роммелем.

— Михаил Георгиевич, к вам посетитель от Румянцевой… Хорошо.

Мужчина положил трубку и сказал:

— Второй этаж, первая дверь налево.

— Спасибо.

По деревянной скрипучей лестнице Красин поднялся на второй этаж и без стука вошел в кабинет Роммеля. Ему навстречу встал высокий, крупного телосложения мужчина с правильными чертами ухоженного лица и твердым, но пустым до жестокости взглядом.

— Мы с вами, по-моему, не знакомы, — сказал он, приподнимаясь и внимательно разглядывая гостя.

— Это не беда. — Красин предъявил ему свое удостоверение. — Сейчас познакомимся.

Роммель усмехнулся, жестом предложил Красину сесть, сел сам и скрестил на груди руки, продолжая сверлить гостя своим твердым, как победитовое сверло, взглядом.

«Тот еще орешек, — подумал Красин. — С первого удара, пожалуй, не расколешь».

— Вы женаты?

В глазах Роммеля промелькнула тень недоумения.

— Да.

— Дети?

— Двое. А какое, собственно, это имеет значение?

— Я хочу понять: есть вам что терять в этой жизни… или нет.

— Есть, — кивнул Роммель. — Но…

— Вопросы задаю я, — остановил его Красин. — На днях по поручению Глазова вы путем дарения оформили его квартиру в Коломенском на имя Краковской. Так?

— Допустим.

— У нас такие выражения не проходят. Только «да» или «нет».

— Да.

— Сколько экземпляров он подписал?

— Три.

Красин с разрешения хозяина закурил, выпустил струйку дыма и, поглядывая в окно, принялся рассуждать вслух.

— Значит, квартиру вы могли оформить на трех разных лиц…

— К чему вы клоните? — взорвался Роммель. — Вы хотите сказать…

— Я хочу сказать то, что и сказал, — хлопнул ладонью по столу Красин. — Одну дарственную вы оформили на Краковскую… А вторую?

— Вы когда-нибудь занимались квартирными вопросами? — взяв себя в руки, спросил Роммель.

— Нет. Но я следователь с многолетним стажем, и прежде чем взяться за какое-либо дело, тщательно изучаю его.

— Тогда вы должны знать, что при оформлении сделки один экземпляр остается у клиента, второй — у меня, третий — в Бюро технической инвентаризации.

— Все верно, — кивнул Красин. — У Краковской — оригинал, у вас и в БТИ — ксерокопии. Где два вторых оригинала? И не вздумайте врать. У меня с собой, — он похлопал по внутреннему карману пиджака, — постановление прокурора на обыск. Так что если я обнаружу в вашем сейфе или в сейфе… Румянцевой дарственную,

которая оформлена на подставное лицо, то вы, дорогой мой, не только лишитесь лицензии, но и на неопределенный срок сядете в тюрьму. Устраивает вас такой вариант?

Глаза Роммеля испуганно забегали.

«А вдруг этот тип не врет, и у него и впрямь постановление прокурора?»

Красин, видя, что Роммель вот-вот сломается, решил добить его ударом в солнечное сплетение.

— Михаил Георгиевич, а вам разве не известно, что Глазова уже нет в живых?

— Как «нет»?

— Его убили.

— Кто?

— Ищем.

Взгляд Роммеля остекленел.

— И вы подумали…

— В своей работе мы опираемся только на факты. Так что успокойтесь и… В общем, если мы договоримся, поладим, так сказать, полюбовно, то обещаю вам полную конфиденциальность нашего разговора.

— А суд? — не выдержал Роммель. — Он учтет, что меня заставили…

— Учтет.

— Обещаете?

— Мое слово — закон, — сказал Красин. — На кого вы оформили вторую дарственную?

— На Томкуса.

— Кто такой?

— У него много лиц: чемпион Европы по стрельбе, работник КГБ, диссидент. Ныне проживает в Соединенных Штатах Америки.

— Каким же образом вы оформили на него дарственную?

— У него двойное гражданство.

— Кто вам дал на это указание?

— Пузырев.

— Пузырев?! — Красин с трудом погасил радостные нотки в голосе. — Василий Викентьевич?

— Василий Викентьевич.

— Он приходил к вам в контору или вы приняли его распоряжение по телефону?

— По телефону.

— Расскажите, где, когда, при каких обстоятельствах вы с ним познакомились.

Роммель открыл форточку и, отпустив галстук, с трудом разлепил сухие, бескровные губы.

— До перестройки я работал следователем прокуратуры Свердловского района. Однажды мне вручили дело о хищении строительных материалов из Комитета государственной безопасности. Они были получены на складе и завезены по небезызвестному вам адресу: площадь Дзержинского, дом два. Оттуда и пропали. Испарились, как летучий газ… Само по себе дело, как видите, не сложное. Взял я путевые листы водителей, опросил их, и сразу все стало на свои места: и адреса воришек — поселок Кубинка, дачный кооператив КГБ СССР — и фамилии… Перечислять не буду — тошно станет. Тем более что доказать виновность этих лиц я так и не смог.

— Палки в колеса вставляли?

Роммель печально вздохнул и посмотрел Красину в глаза.

— Вы следователь, вы меня поймете… Можно вызвать на допрос председателя КГБ или его заместителей?

— Невозможно.

— Поэтому мне пришлось ограничиться беседой с начальником хозяйственного управления Комитета полковником Пузыревым, но он все свалил на своего заместителя майора Томкуса. Он, мол, получал материалы, он пусть и отвечает. Вызвал Томкуса. Хороший парень, замечательный спортсмен, но в хозяйственных делах — извините — ни бэ, ни мэ, ни кукареку. Говорит, понимаю, что подставили, а что делать — не знаю. И я растерялся: давят со всех сторон — и прокурор Москвы, и союзная прокуратура— кричат: «Конец года, пора дело закрывать, а ты все возишься!»

Не выдержал я. Вызываю Томкуса в последний раз и говорю: «Если не сдашь Пузырева, сядешь сам». Он в ответ только руками развел: «Значит, судьба». И ушел. И оставил, подлец, у меня на столе конверт с мечеными деньгами. Обыкновенный почтовый конверт, который сразу и не заметишь. И я не заметил. А через двадцать минут ко мне в кабинет ворвались…

— Можете не продолжать, — сказал Красин, чувствуя, что Роммель от волнения задыхается. — Били сильно?

— Если бы только били… Мне по несколько суток спать не давали! Знаете, что это такое? Это камера в два квадратных метра. Без окон, без нар, с низкими потолками и осклизлыми от сырости стенами — гроб! Сядешь на пол, а на тебя откуда-то сверху вода! Потоком!

Плавать, значит, учат. Встаешь… И так до бесконечности, до следующего допроса…

— И вы в конце концов признали себя виновным.

— Признал. И меня примерно через месяц выпустили. И даже, представляете себе, извинились. Удивительно?

— Удивительно, — согласился Красин. — Пузырев на допросах присутствовал?

— Несколько раз. В качестве наблюдателя, так сказать. Но улыбался при этом очень выразительно. — Роммель устало склонил голову, растер ладонью лоб. — Поэтому, когда Пузырев заявился ко мне в девяносто втором и сказал, что поможет открыть нотариальную контору… В общем, у меня не хватило мужества ему отказать. Вы меня понимаете?

— Понимаю, — сказал Красин. — Дарственная на Томкуса у вас?

— У него.

«Они ее запустят в дело, как только Краковская исчезнет. Ловко!»

— И ксерокопии нет?

— Две.

— Не подарите одну?

Роммель тяжко вздохнул и протянул Красину бумаги, которые вытащил из сейфа.

— Что еще от меня требуется?

— Молчать. — Красин тщательно изучил документы и спрятал в кейс. — И расслабьтесь. Ваши подчиненные не должны знать, что вы чем-то расстроены.

Роммель принял совет Красина буквально — достал из нижнего ящика стола бутылку коньяка и два стакана.

— Выпьете?

— На работе не употребляю.

Роммель выпил, закурил и, зло, жестко усмехнувшись, хлопнул себя ладонью по коленке.

— Черт побери! А я ведь знал, что именно так все и кончится! Знал!

— Он помассировал сердце. — И долго мне молчать?

— Вы хотите знать, когда наступит развязка?

— Да.

— Я думаю, через недельку. — Красин легко поднялся. — Всего доброго, Михаил Георгиевич!

— Всего доброго! — автоматически повторил Роммель и пустым безразличным взглядом уставился в окно.

ГЛАВА 11

Ровно в семнадцать тридцать, как ей и было назначено, Донецкая вошла в приемную Редькина. Она внимательно осмотрелась и медленно, с достоинством приблизилась к столу, за которым сидела рыжеволосая секретарша, средних лет дамочка с удивленно-настороженным взглядом широко распахнутых светло-серых глаз.

— Здравствуйте! — Я — Донецкая Маргарита Васильевна…

— Очень приятно. — Секретарша встала, поправила поясок, стягивающий в талии свободного покроя платье, и скрылась за дубовой резной дверью. Через минуту вернулась, сказала, взмахнув пушистыми ресницами:

— Вас ждут.

Редькин, мужчина с бычьей шеей и крупной головой, блондин со стрижкой «ежик» сидел за столом, перелистывая какие-то бумаги. Ему было под пятьдесят, а может быть, и больше — возраст скрадывала прическа и очки с затемненными стеклами. На маленьком журнальном столике рядом с ним стоял небольшой японский телевизор. Одет Редькин был в серый костюм, но пиджак в данный момент висел на спинке стула.

— Здравствуйте, — сказал Редькин. — Здесь написано, что вы свободно владеете английским и французским языками. Это верно?

— Верно, — кивнула Донецкая. — Я долгое время работала в нашем посольстве в Бельгии…

— А после перестройки — в частных заведениях на преподавательской работе… И рекомендации отличные…

— Вас это смущает?

— Настораживает. — Редькин снял очки, всмотрелся в жесткое, без единой морщинки, но привлекательное лицо посетительницы, вышел из-за стола и, закурив, сунул руки в карман брюк.

— Вам сколько лет?

Донецкая сузила глаза.

— Если бы вы внимательно прочитали мою анкету, то не стали бы задавать даме столь бестактный вопрос.

— Простите, — сказал Редькин без тени смущения в голосе. — Я читаю обычно только то, что меня интересует. — Он сделал несколько шагов в сторону и стал рассматривать посетительницу с новой

позиции — сбоку. Донецкая мгновенно вспомнила, как демонстрировала ей свою фигуру секретарша, подумала, что здесь так принято, и, поставив на стол сумочку, походкой манекенщицы прошлась к окну и обратно, не забыв при этом эффектно развернуться и гордо вскинуть голову.

— Вы очень красивая женщина, вернее, элегантная, — сказал Редькин, когда Донецкая остановилась и — тоже без тени смущения — бросила на своего нового шефа вопросительный взгляд.

— Я рада, что вы это оценили. — Донецкая пригасила взгляд и спросила: — Чем я должна заниматься?

Редькин в недоумении дернул себя за мочку уха.

— Видите ли, внешнеполитические вопросы меня, конечно, интересуют — с кем мы в хорошие отношениях, с кем не очень, из-за чего конфликт и каким образом этот конфликт наше правительство улаживает. Но главный вопрос для меня — что происходит в нашей стране…

— Кавказский регион?

— Да. Я часто выезжаю за рубеж, встречаюсь с сотрудниками «Интерпола», которые порой подкидывают мне довольно каверзные вопросы.

— Например?

— Что происходит в Чечне, через которую на Запад хлынули огромные партии наркотиков? Кто этим занимается? Кто за этим стоит?

— Трудные вопросы, — согласилась Донецкая. — Но не по адресу.

— И я так думаю, — оживился Редькин. — Пусть на эти вопросы отвечает министр иностранных дел, но… Чтобы не выглядеть дураком… Вы меня понимаете?

— Прекрасно. Мне надо составить для вас список возможных вопросов и конкретных, с юмором, ответов, которые вызвали бы у оппонента улыбку и привели его в хорошее настроение.

— Абсолютно верно! Сумеете?

— Срок?

— Неделя. Работать можете дома. Если будет что-нибудь срочное, я вас вызову. Договорились?

— Да, — кивнула Донецкая. — А моя предшественница справлялась со своими обязанностями?

— Она слишком серьезно относилась к ним, поэтому ее мнение довольно часто совпадало с мнением прессы, у которой, извините меня, язык без костей. В общем, я расстался с ней без сожаления. —

Редькин посмотрел Донецкой прямо в глаза и впервые за весь разговор улыбнулся. — Надеюсь, мы с вами поладим.

— Поладим, — сказала Донецкая. — Я — хороший дипломат.

— Хотите кофе?

— С удовольствием.

Редькин прошел к задней стене и распахнул замаскированную под книжные полки дверь.

— Прошу.

Комната была небольшая, но с удобствами: стол, диван, холодильник, электрический самовар, и было в ней тепло и уютно.

— Ваши личные апартаменты? — спросила Донецкая.

— Как вам сказать… — пожал Редькин покатыми плечами и включил самовар. — Я здесь и обедаю, и отдыхаю. Иногда принимаю гостей.

— Женского пола?

— Совершенно не обязательно, — хмыкнул Редькин. — Может быть, пока по рюмочке коньяка?

— Не откажусь.

Редькин кивнул и полез в шкафчик за бутылкой.

— За что? — спросил он, наполнив рюмки.

— За нас с вами! Чтобы мы сработались!

— Сработаемся!

Донецкая взяла рюмку, задела локтем вазу с конфетами и залила коньяком платье.

— Ой! — вскрикнула она. — Ради Бога извините!

— Не беспокойтесь, я сейчас вытру, — улыбнулся Редькин. — А вот ваше платье…

— У меня платок в сумочке остался… Разрешите?

— Пожалуйста.

Донецкая выскочила в кабинет, достала из сумочки плоскую коробочку с пластилином, взяла связку ключей, которую беспечный хозяин оставил на столе, и, выделив два — от сейфа и кабинета, — мгновенно сделала двухсторонние оттиски. Затем вытащила булавку-передатчик и ловко всадила за подкладку пиджака Редькина.

— Нет, это бесполезно, — пробормотала Донецкая, усаживаясь в кресло. — И главное — на самом интересном месте.

— Что? — не понял Редькин.

— Пятно! — Донецкая провела ладонью по низу живота и залилась пунцовой краской. — Ваша секретарша может подумать, что мы с вами занимались черт знает чем!

Редькин зычно расхохотался.

— Я ее сейчас домой отправлю.

— Не надо! — вскочила Донецкая. — Тогда она подумает, что мы только собираемся этим заняться.

— А вы против?

— Алексей Васильевич, не летайте самолетами Аэрофлота — они часто бьются.

— Советуете поездом?

— Да. Тише едешь — дальше будешь!

— Хороший совет, — кивнул Редькин. — Мне скоро предстоит поездка в Грозный… Я закажу отдельное купе…

— Два! — отрезала Донецкая.

— Это почему же?

— Потому что нельзя компрометировать женщину, с которой работаешь.

Редькин даже засопел от удовольствия, подумал: «Она — баба без предрассудков. Мне, пожалуй, такие и не попадались… Даже проститутка, прежде чем снять трусики, будет час выламываться и набивать себе цену».

— Маргарита Васильевна, вы действительно мастер давать дельные советы. За вас! — Он выпил и выразительно щелкнул пальцами. — А за платье не волнуйтесь: через пятнадцать минут высохнет.

— Я тоже так думаю, — улыбнулась Донецкая. — Прилипает только грязь.

После разговора с Кудимовой Краковская крепко задумалась. Информация, которая свалилась ей на голову, была настолько неожиданна, страшна и нелепа, что она почувствовала себя мышью, застигнутой врасплох проголодавшимся удавом.

В квартире стояла тишина, и от этой звенящей тишины гулко и обеспокоенно стучало сердце. Краковская прошла на кухню, выпила рюмку коньяка и забилась в угол дивана, пытаясь сосредоточиться, собрать в кулак прожитые годы и разобраться — с чего все началось?

В памяти всплыла довольная, с прямым крупным носом и твердо сжатыми губами улыбающаяся физиономия Редькина.

— Имя? — спросил он резко.

— Людмила.

— Хорошее имя… Люда… Мила… Скажи мне, Милочка, какого черта ты спишь с иностранцами? У них что, вместо члена царь-пушка?

— Они умеют быть благодарными… Умеют обращаться с

женщинами, — добавила Краковская, очевидно, посчитав свое первое объяснение недостаточно убедительным.

— А мы, значит, не умеем? — строго спросил Редькин.

Краковская промолчала. Редькин встал и, закрыв дверь кабинета на ключ, тоном, не терпящим возражений, приказал ей раздеться. Краковская подчинилась и, нутром чувствуя, что это ее последняя возможность остаться на плаву, сделала все, чтобы понравиться грозному начальнику…

И не промахнулась — Редькин остался доволен. Сел в кресло и спросил, добродушно посмеиваясь:

— Я не хуже… англичанина, из номера которого тебя вытащили?

— Я же вам сказала: они умеют быть благодарными.

— А мы, по-твоему, скряги, да? — Редькин вытащил из среднего ящика стола двойной лист бумаги, заполнил пустующие графы и легким щелчком пальца отправил его на край стола.

— Подпиши.

Краковская испуганно прижала руки к груди.

— Что это?

— Твое согласие сотрудничать с нами.

— А что я должна для этого делать?

— Спать с англичанами, датчанами и прочими там разными шведами и докладывать нам, что они поделывают в нашей стране.

— И все?

— А тебе этого мало?

— И приставать ко мне никто не будет?

— Ни одна сволочь.

Краковская подошла к столу и, даже не прочитав бумагу, расписалась.

— Что теперь?

— Иди домой и отдыхай. Когда потребуешься, позвоню.

— Я в общежитии живу.

— Не переживай. Будешь хорошо работать, комнату дадим.

Да, с этого момента она стала жить двойной жизнью — спала с теми, с кем приказывали, ездила с «партнерами» по Союзу, а потом строчила обстоятельные докладные записки…

Вскоре она получила комнату, а затем, работая уже в театре, — квартиру. Ее передали КГБ, который представлял симпатичный подполковник Кретов. Сам он к ней никогда не приставал, но клиентов поставлял регулярно. И способом довольно оригинальным.

— Люда, — говорил он. — Твоя квартира — гостиница. Закрытого,

так сказать, типа. В ней дней десять поживет один веселый американец, любит выпить, подурачиться… Обслужи его на высшем уровне. Но запомни: на это время ты не хозяйка квартиры — экономка, при ходящая домработница.

— А где же я сама буду жить?

— За тобой забронирован номер в гостинице «Советская», но если американец пожелает, чтобы ты ночевала здесь, не возражай. Все поняла?

Краковская давно уже все поняла. Ей нравилось, более того, доставляло удовольствие менять клиентов. Они дарили ей подарки, вносили в ее жизнь разнообразие, причем, каждый на свой лад — театры, музеи, ипподром… Один из них, некий Фрэнк Чалмерс, пытался даже завербовать.

— Люси, — сказал он однажды, — я знаю, что ты работаешь на КГБ, но ничего страшного, если будешь выполнять и мои поручения… — И сунул ей в сумочку пятьсот долларов.

— Что вы хотите? — спросила Краковская в полной растерянности.

— Чтобы ты пригласила сюда поужинать со мной Вася Пузырев.

Краковская, обмозговав предложение, написала на имя подполковника Кретова докладную записку. И сообщила об этом Редькину, с которым продолжала сотрудничать и поддерживала более чем дружеские отношения.

Это произошло в мае девяносто первого года. А в декабре, после заседания большой тройки в Беловежской Пуще — Ельцин, Кравчук, Шушкевич, — случилось непоправимое: развалился словно карточный домик Союз Советских Социалистических Республик. И канули в неизвестность и Редькин, и Кретов, и Пузырев, и их неугомонная, любознательная клиентура. Спектакль закончился — занавес закрыли. Но ненадолго. В девяносто четвертом объявился Редькин, а вслед за ним — Пузырев, и затеяли вокруг нее, вернее, вокруг ее квартиры — это она сообразила только после разговора с Кудимовой — веселенький хоровод, в результате которого испарился Глазов, успевший подарить ей квартиру в Коломенском, и… Вторую глупость она совершила сама — отдала документы Редькину, удостоверяющие, что квартира принадлежит ей. Зачем они ему потребовались? И зачем это ей выходить замуж за какого-то там американца и продавать свою квартиру на Тверской? Зачем?

Краковская прошла в комнату и позвонила в международное брачное агентство «Интерсваха».

— Будьте любезны, Беляеву.

— Я вас слушаю.

— Здравствуйте, Татьяна Николаевна! Вас беспокоит Людмила Борисовна Краковская… Я к вам по рекомендации Алексея Васильевича.

— Я в курсе. Как у вас со временем?

— Без проблем.

— Тогда приезжайте. Ваш жених сейчас у меня.

— Кто он?

— Американец русского происхождения. Свое дело, богат, шикарный дом в престижном районе.

— Сколько ему лет?

— Сорок восемь. Но выглядит моложе. Играет в теннис, любит путешествовать…

— Его условия?

— Возраст — не старше сорока. И знание языка.

— Хорошо. Я буду разговаривать с ним на английском. Где вы территориально находитесь?.. Знаю. Я подъеду минут через сорок.

Они встретились в АОЗТ «В. Шварц и К», на одном из этажей которого был расположен офис брачного агентства «Интерсваха».

Виталий Томкус (так звали жениха) смотрелся — высокий, с умным и тонким интеллигентным лицом. Со спокойными, вкрадчивыми манерами. И одет он был со вкусом — светло-серый костюм, цвета морской волны рубашка, легкие замшевые туфли.

— Может быть, поужинаем? — предложил он, обнажив в улыбке белоснежные фарфоровые зубы.

Краковская взглянула на часы.

— Сейчас время обеда.

— Это не страшно: русские умеют, не вставая из-за стола, от обеда переходить прямо к ужину. Согласны?

— Не возражаю.

— Какую кухню предпочитаете?

— Домашнюю.

— Значит, небольшой, уютный частный ресторанчик с тихой музыкой и хорошим поваром… Знаю такой!

Томкус предложил ей руку, они спустились вниз и сели в машину.

— На Полянку, — сказал Томкус шоферу. — Там есть харчевня… «Три карпа».

Шофер кивнул и плавно тронул «БМВ» с места.

— Это ваша машина? — спросила Краковская.

— Напрокат взял, — рассмеялся Томкус. — Вместе с шофером.

— Это, наверное, очень дорого?

— В России все дорого, Людмила Борисовна. Вы говорите по-английски?

— Я некоторое время работала переводчицей в Интуристе.

— А сейчас?

— Заслуженная артистка РСФСР.

Томкус неожиданно расхохотался — беззвучно и надолго. Краковская в недоумении вскинула брови.

— Что с вами?

— Я тоже заслуженный, — еле сдержав рвущийся из него водопадом смех, проговорил Томкус. — Я — заслуженный мастер спорта по стрельбе. Неоднократный чемпион Союза и Европы!

— А теперь?

— Теперь? Теперь у меня свой клуб, тир… Учу американцев стрелять из всех видов оружия — стоя, лежа, навскидку. В целях самоза щиты, так сказать.

— Хороший бизнес?

— От клиентов отбоя нет. Америку, как и Россию, захлестнула волна преступности. Если ты возвращаешься домой вечером — с наступлением темноты, то можешь заранее проститься со своим кошельком. И благодарить Бога, что кости не переломали.

— Вы давно эмигрировали?

— Девять лет назад.

— А причина? Вы же, наверное, неплохо жили — соревнования, загранпоездки…

Томкус снова загоготал.

— Всю валюту — деньги за призовые места — забирал Спорткомитет, нам доставались жалкие крохи, и мы, чтобы хоть как-то свести концы с концами, вынуждены были заниматься спекуляцией — там, в Европе, покупать тряпки в магазинах уцененных товаров, а здесь, в Союзе, продавать их втридорога. И однажды…

— Вам это надоело.

— Не то слово — осточертело! Идешь и оглядываешься: не топает ли за тобой какая-нибудь сволочь.

— Приехали, — сказал шофер, останавливаясь у красивого, по всей вероятности, недавно отреставрированного особняка, на фронтоне которого отсвечивали золотом витиеватые буквы — «Три карпа».

Томкус и Краковская заняли столик на двоих, у окна, и к ним тотчас подбежал вежливый до омерзения официант — молодой, лет двадцати пяти, парень с приклеенной улыбкой и модными —

щеточкой — усиками.

— Что прикажете?

— А что у вас есть? — спросил Томкус, мгновенно убрав с лица улыбку.

— Все.

— В таком случае… Копченый угорь, икра…

— Черная?

Томкус вопросительно посмотрел на Краковскую.

— Красную.

— Тушеное мясо в горшочках, коньяк, шампанское…

— Кофе?

— Там видно будет. — Томкус брезгливо повел рукой, и официанта как ветром сдуло.

— Очень вы уж с ним резко, — тихо проговорила Краковская, разглаживая ладонью скатерть.

— Я не люблю людей, которые торгуют своим достоинством.

— Это — удел всех официантов и швейцаров.

— Не скажите. Некоторые обслуживают так, что ты моментально располагаешься к нему доверием и симпатией.

Краковская кокетливо повела плечами.

— Допустим, в данный момент я вас обслуживаю… Что вы ко мне испытываете?

— Прежде всего, вы подобрали не то слово — «обслуживаю»… Вы пришли на деловую встречу, и я бесконечно рад, что это именно вы — вы мне нравитесь.

— Спасибо. У вас американское гражданство?

Вопрос остался без ответа, ибо официант-угорь, как окрестил его про себя Томкус, притащил вино и закуски.

— Горячее нести сразу? — спросил он, сгибаясь в полупоклоне.

— Я скажу. — Томкус наполнил бокалы и взглянул Краковской в глаза. — Предлагаю на брудершафт — мне легче называть вас по имени и на «ты».

— Не возражаю.

Они выпили, и Томкус сказал:

— Да, теперь я — гражданин Соединенных Штатов Америки.

— Вы счастливы?

— Мы договорились на «ты».

— Ты счастлив?

— Как тебе сказать… Когда иммиграционный судья спросил меня: «Вы любите Америку?» — я соврал, сказал: «Да». Судья улыбнулся и

добавил: «Вы — русский, а потому не старайтесь быть американцем в большей степени, чем мужчины, которые в нашей стране родились… Почаще готовьте русские блюда, старайтесь соблюдать русские обычаи и праздники, покупайте для сына русские пластинки и книги — американскими он обзаведется сам…»

— У тебя есть сын? — вскинула брови Краковская.

— Нет. Но надеюсь, что будет.

— Ты хочешь сказать…

— Договаривай, — улыбнулся Томкус. — После «а» следует «б».

— Ты хочешь, чтобы я родила тебе сына?

— Это тебя смущает? Или расстраивает планы?

Краковская нервно рассмеялась. Она и впрямь пришла в крайнее замешательство. Через ее постель прошли десятки мужчин, но ни один из них не предлагал ей то, что предложил этот свалившийся черт знает откуда симпатичный мужик. Но главное было не в его предложении, а в том, что она сама давно об этом мечтала, ибо пролетевшие, как курьерский поезд, годы оставили ей в наследство только одиночество, которое в последнее время буквально терзало и мучило ее, и она, просыпаясь по ночам, испытывая в душе тревогу и страх перед надвигающейся старостью, решилась на крайнее — выйти замуж. За кого? Да хоть за черта лысого, хоть за Глазова! Но в последний момент, когда она была уже готова осуществить свое> решение, судьба снова подставила ей ножку — Глазова убили. Если, конечно, верить Кудимовой.

— Почему ты молчишь? — спросил Томкус.

— Думаю.

— А ты не думай — голова разболится.

— Тогда ты думай за меня, — улыбнулась Краковская.

— Хорошо. Я тебя устраиваю? Как мужчина?

Глаза Краковской вспыхнули мягким, зазывным светом.

— На этот вопрос, можно ответить только после… — Она смутилась и, чтобы скрыть это смущение, лихо допила оставшееся в бокале шампанское.

— Ты меня неправильно поняла. Я не вызываю у тебя отрицательных эмоций?

— Только положительные.

Томкус одобрительно кивнул.

— У тебя есть загранпаспорт?

— С открытой визой в Америку — я туда ездила недавно на гастроли.

— Сколько времени у тебя уйдет на сборы?

— Какие сборы? — опешила Краковская.

— Чемоданов. Если я, допустим, возьму на послезавтра билеты.

— В Америку?

— Естественно.

— Ноу меня квартира! — воскликнула Краковская. — Даже две.

— Отлично! Одну загонишь, чтобы быть независимой женщиной, а вторую… Вторую оставь себе. Это очень удобно, когда есть где остановиться.

— Все верно, — соглашаясь, кивнула Краковская. — Но чтобы решить этот вопрос, необходимо время.

— Сколько?

— Не знаю. Может, неделю, может, две.

— Я согласен ждать хоть месяц, — сказал Томкус. — А в принципе… Ты согласна?

— Да, — тихо, одними губами прошептала Краковская.

Томкус снова наполнил рюмки.

— Когда мы обвенчаемся?

— Сегодня вечером. — Краковская протянула Томкусу визитку. — Вот мой телефон и адрес. Приходи часов в одиннадцать.

— А раньше нельзя?

— У меня спектакль.

— А я могу тебя встретить у театра?

— Буду только рада.

— Во сколько подъехать?

— К служебному входу к десяти часам.

В этот вечер Краковская превзошла себя. Она сыграла свою роль с таким вдохновением, азартом и страстью, что даже обычно сдержанный и скупой на похвалу Эквас не выдержал, подошел к ней после спектакля, поздравил и с тихой радостью в голосе спросил:

— Люда, дорогая, ты была изумительна, правдива и естественна, как… У меня нет слов… Что с тобой случилось?

— Ничего. Просто это был мой бенефис — последний, юбилейный спектакль в вашем театре. Завтра я подам заявление об уходе. Спасибо вам за все! За все, что вы для меня сделали!

Краковская поклонилась режиссеру в пояс, трижды расцеловала при всех и направилась к выходу, где ее поджидал Томкус — человек, которого она уже любила и с которым решилась соединить свою жизнь.

Ах, что это была за ночь! Краковская и не знала, что бывают такие

ночи. Обычно она «работала», в эту же ночь — впервые любила, Она чуть с ума не сошла, лаская и возбуждая своего Виталия, и успокоилась лишь тогда, когда почувствовала, что их обоюдное желание зародить новую жизнь, исполнилось. Она радостно вскрикнула, задрожала всем телом, с неистовой силой прижимая к себе любимого, затем затихла и беззвучно заплакала. От счастья.

ГЛАВА 12

Редькин пил каждый вечер. Привык. А привычка, как известно, вторая натура. Но пить одному скучно, поэтому компанию ему обычно составляли два-три верных сатрапа и, естественно, женщины. Без них он не мог. Его спесивая кавказская натура (мать Редькина была чеченкой) требовала, чтобы они его окружали — подавали еду, массажировали, дарили улыбки, удовлетворяли плоть. Все! Разом! Только тогда он испытывал наслаждение. Одну — пощупаешь, вторую — поцелуешь, третью — подомнешь, и пошла потеха… именно потеха, ибо к этому моменту — главному в сексе — Редькин напивался так, что кончить был уже не в состоянии.

Утром Редькин просыпался злой и неудовлетворенный. Хотелось снова подмять под себя одну из сучек, безмятежно храпевших в разных комнатах, но не было времени — ждала машина, работа. И он, матерясь, одевался и спешил вниз.

В приемную Редькин входил печатая шаг, чтобы все слышали: начальник на месте! — здоровался с секретаршей, которую за квадратные очки и надменно-неприступный вид его сослуживцы прозвали Птица-секретарь, коротко бросал: «Кофе» и торопливо исчезал в своем огромном кабинете.

Через пять минут на столе появлялся кофе с бутербродами, а под столом — Птица-секретарь, которая до утренней оперативки должна была выполнять то, что не удавалось сделать за всю ночь целой семье ее товарок.

Утро 29 августа 1995 года не принесло Редькину ничего нового — та же головная боль с похмелья и уже ставшая привычной навязчивая мысль: кого бы трахнуть? Он взглянул на часы и понял: секретаршу.

На работе Редькин появился ровно в девять. Поднялся на лифте на свой этаж, звучным, значительным шагом дотопал до приемной, кивнул Томке (так звали Птицу-секретаря) и направился в кабинет.

— Кофе? — строгим голосом спросила Томка.

— И парочку бутербродов с рыбой.

Редькин сел в кресло и принялся просматривать план мероприятий на сегодняшний день — что надо сделать обязательно, что можно отложить и так далее. Дойдя до фамилии Роммель, задумался. Вчера он отослал к нему с нарочным документы Краковской и короткую

записку с просьбой позвонить. Но звонка так и не дождался. В чем дело?

Вошла Томка. Поставила на стол кофе, бутерброды и, сделав шаг назад, замерла в ожидающей приказа позе. Редькин разогнул правую руку и повернул ладонь так, чтобы большой палец смотрел вниз. Странный жест для наблюдателя со стороны, но Томка поняла. Она моментально скинула туфли и залезла под стол.

Редькин пил кофе, блаженно посапывал, улыбался. Теперь, когда Томка была лишена возможности наблюдать за ним, он мог позволить себе расслабиться и сбросить маску умного и властного чиновника, каковым привыкла и должна всегда его видеть Птица-секретарь. «Иначе, — думал он, — можно и уважение потерять».

Но Томка была далеко не дура. Она давно догадалась, какое магическое действие оказывают ее губы на палицу господина, и умело пользовалась этим, однако старалась ни словом, ни жестом не выдать, что хозяйка положения — она. «Если ему хочется быть Великим, — мудро рассудила Томка, — пусть будет Великим! А нас не убудет: мы умеем рядом с Великими жить».

Неожиданно затрещал телефон. Редькин поморщился, но трубку снял.

— Я вас слушаю.

— Здравствуйте, Алексей Васильевич! Людмила Борисовна беспокоит.

— Здравствуй, птичка! Кто тебя так рано поднял?

— Дела.

— Интимные?

От ревности ротик Томки превратился в пасть удава, заглатывающего добычу.

— Не иронизируйте, Алексей Васильевич, сами прекрасно знаете, что все дела на свете взаимосвязаны.

— З-знаю.

— Ну и прекрасно.

«Что-то подлая баба затевает», — подумал Редькин в самый неподходящий момент.

— Что «прекрасно»?

— Что вы это понимаете.

— Людмила Борисовна, мы с вами не два влюбленных школьника, давайте конкретно…

— Мне нужны документы.

— Я передал их вашему нотариусу Роммелю. Так что позвоните

ему, он вам назначит встречу и уладит все ваши дела. Еще вопросы есть?

— Есть. Глазов…

«Зачем волновать девочку? Все равно она никогда и ничего не узнает».

— С ним все в порядке. Он просто подозревается.

— В чем?

— В квартирных махинациях.

— Значит, все-таки причастен?

— Да.

— Спасибо, Алексей Васильевич! Всех благ вам!

— И тебе, птичка!

Редькин положил трубку и с любопытством посмотрел на Томку, которая, сидя в кресле, подкрашивала губы.

— Позавтракала?

— Да.

— Вкусно?

— Нормально.

— Ошибаешься, птичка! Это самый калорийный, самый дорогой завтрак… Такой завтрак может себе позволить только очень богатая женщина… Например… великая певица.

— А я слышала, что она предпочитает яйца всмятку.

— Одно другому не мешает, — назидательно проговорил Редькин и большим пальцем правой руки указал на дверь.

Томка подхватила поднос и мгновенно испарилась.

Редькин включил телевизор, чтобы послушать новости, открыл левую тумбочку стола и выдвинул нижний ящик, в котором находился портативный, самовключающийся магнитофон. Он был подключен ко второй — секретной — дверце сейфа и срабатывал только в том случае, если кто-то набирал код правильно, по инструкции — два щелчка направо и один — налево. Чтобы магнитофон «молчал», надо было нарушить инструкцию — перед набором кода повернуть ручку настройки до первого щелчка налево. Об этом знали только Редькин и мастер завода-изготовителя Фрол Иванович Люлько. Но Люлько умер, поэтому Редькин за свою «секретку» был абсолютно спокоен.

Первое время Редькин проверял «секретку» чуть ли не каждый день: уж больно важные документы хранились в сейфе, но потом успокоился — Птица-секретарь бдительна и всегда на месте, а в ночное время вход в приемную и кабинет надежно прикрывал дежурный по этажу — и лазил в нижний ящик стола… ну, раз, от силы

два в месяц.

Редькин включил магнитофон и вдруг явственно услышал, что кто-то открывает его сейф — два щелчка направо и один — налево. Ему стало плохо. Подумал: «Такого быть не может. Галлюцинация! Бред! Допился, мать твою…»

Редькин отмотал пленку назад, нажал кнопку включения и замер, затаился, всем своим видом — неподвижностью, напряженностью каждой клетки тела — напоминая «слухача» подводной лодки, пробирающейся среди вражеских мин: пронесет или… Не пронесло. Через несколько секунд он услышал щелчок, второй и после паузы — третий. И щелкали они так громко, что у него чуть не лопнули барабанные перепонки.

Редькин окаменел. Казалось, все утратило для него значение. Связь с живым, реальным миром не просто нарушилась — перестала существовать. Он замкнулся в себе, в своем прошлом, в бесконечном страхе. Его застывшая поза была неестественной: руки бессильно свисали вдоль тела, взгляд пустой, мертвый, губы бескровные.

Через несколько секунд Редькин очнулся, взял себя в руки и попытался вспомнить, когда он последний раз проверял «секретку». Выходило что-то около недели назад. А за неделю… Впрочем, панику поднимать не стоит. Если его неделю не трогали, то не будут беспокоить и вторую. Но чего им от него нужно? Чего? Опрометчивого шага? Не дождутся. Ни одного не сделал и не сделает. Тогда… Нет, сперва надо выяснить, кто им заинтересовался. Свои? Чужие? Людям со стороны в это здание, пожалуй, не проникнуть — слишком много заборов. Но ведь могли купить! Сегодня живой товар идет по дешевке. Они сами предлагают свои услуги — охранники, работники частных предприятий, правительственные чиновники, члены Государственной Думы. Он покупал их с потрохами, оптом и в розницу, так что вариант этот вполне возможен и осуществим. Кто мог его продать? Человек из его окружения? Тот, с кем он непосредственно общается, выпивает, спит?.. Нет, баба отпадает. Тогда кто? Кто?!

Редькин нажал кнопку звонка, вмонтированного под столом, и в кабинет тотчас влетела Птица-секретарь.

— Слушаю, Алексей Васильевич.

— Тамара, вспомни, пожалуйста, кто за последнюю неделю приходил ко мне… на прием? Или добивался аудиенции? Или просто околачивался у тебя в тамбуре после шести часов вечера?

Птица-секретарь задумалась, поправила изящным жестом очки и

сказала:

— Разрешите я составлю списочек?

— Сколько тебе нужно для этого времени?

— Час.

Редькин кивнул.

— Только постарайся не пропустить ни одну сволочь!

Томка испарилась.

«Ладно, еще не вечер». Редькин подошел к сейфу, открыл его своим кодом и взглядом ястреба, высматривающего добычу с высоты полета, впился в его содержимое — все ли цело, все ли на месте? Когда убедился во внешнем порядке бумаг, принялся проверять каждую из них в отдельности. Проделав работу, пришел к выводу: «Если кто и рылся в моем чемодане, то это был большой профессионал».

Тихо скрипнула дверь, и в кабинет вошла Томка.

— Пожалуйста, — сказала она, положила на стол лист бумаги, весь исписанный мелкими, округлыми буковками-бочонками, и замерла в позе просителя.

— Ну? — спросил Редькин.

— У вас что-нибудь пропало?

— Золотые часы.

— А где они лежали?

— Под столом.

Птица-секретарь дерзко вскинула голову.

— Тогда вам придется вспомнить, кто там бывал, кроме меня. Самостоятельно. В списке этих фамилий нет. — Круто развернулась и зацокала копытцами по паркету.

— Бутербродов принеси, — усмехнулся вслед Редькин.

В списке было около сорока фамилий. Около двадцати пяти Редькин исключил сразу — телохранители, компаньоны, адъютант, в общем, люди, на которых он мог полностью положиться. Но мысль при этом выдробилась совершенно иная: «В наши дни доверять можно только своей собаке, если таковая, конечно, имеется».

Более двух часов провел Редькин за письменным столом, проверяя надежность остальных людей — где работает, давно ли, по чьей рекомендации приходил, с каким вопросом обращался и т. д. и т. п. Затем придвинул к себе один из телефонов, подумал и набрал номер.

— Петр Сергеевич?.. Здравствуй! Редькин беспокоит… Мне необходимо выяснить один небольшой, но важный вопрос… Работала ли в нашем посольстве в Бельгии с 1980 по 1985 год Донецкая

Маргарита Васильевна?.. Заранее благодарю… Спасибо, буду ждать.

Обычно люди начинают разматывать и осмысливать свою жизнь, когда до края пропасти остается один шаг. Дальше — бездна, мрак, пучина… Краковская не оступилась и не сорвалась в пропасть благодаря разговору с Кудимовой, а Томкус, как ни странно, — после встречи с Краковской, которая произвела на него столь сильное впечатление, что он решил завязать с холостяцкой жизнью. Но принять решение — это одно, а претворить его в жизнь — совершенно другое. На пути осуществления этой задачи стоял… Пузырев. А его ни обойдешь, ни объедешь. Значит, надо действовать.

Томкус заказал завтрак в номер — он остановился в гостинице «Космос» — и подошел к окну. С высоты двенадцатого этажа Москва походила на большой муравейник, но в отличие от тружеников-муравьев, которые прекрасно знают, куда и зачем бегут, москвичи и гости столицы перемещались как-то хаотично, рывками, словно заблудившиеся в лесу и потерявшие ориентировку люди. «Нет, это уже не люди — толпа, которая не внемлет голосу разума, а действует по указке вожака, — подумал Томкус. — Потому, наверное, Александр Сергеевич и написал, что нет ничего страшнее русского бунта… Только он, дорогой, ошибся, не бунт это, а бешенство раненого, доведенного до отчаяния зверя».

Томкус сел в кресло и придвинул к себе телефон.

— Я вас слушаю, — ответил приятный женский голос.

— Будьте любезны, Василия Викентьевича.

— Простите, кто его спрашивает?

«Сволочь! Секретаршу завел…»

— Томкус.

— Минутку.

И сразу же раздался радостный возглас Пузырева:

— Здравствуй, Виталий! Где ты пропадал?

— У Краковской.

— Сладкая конфетка?

— В шоколаде.

— Ты ей доказал целесообразность…

— Да. Но нам необходимо поговорить.

— Есть проблемы?

— Небольшие.

— Уладим. Приезжай ко мне в контору… Ну, скажем, часам к четырем. Устраивает?

— Нет.

— Почему? — удивился Пузырев.

— Тебя могут слушать, — вылил на него ушат холодной воды Томкус. Это было заведомое вранье, но ничего другого, чтобы сбить с этого человека спесь, заставить говорить на равных, Томкус придумать не мог.

Пузырев нервно рассмеялся.

— Ты меня разыгрываешь?

— Зачем? — вопросом на вопрос ответил Томкус.

— Тогда где?

— На природе. Царицынские пруды знаешь?

— Хорошее место.

— Так вот, в четыре у входа в Царицынский парк.

— Договорились. — Пузырев с такой силой бросил на рычаг трубку, что Томкус понял: добился своего, вывел противника из равновесия, и принялся размышлять над возможными вариантами предстоящего разговора.

Они встретились у центрального здания дворца, который когда-то одним повелительным взмахом руки приказала выстроить в зелени столетних сосен рядом с царицынскими прудами Екатерина Великая, и был разрушен вторым взмахом руки, ибо императрица, узнав, что ее придворный архитектор Баженов связался с масонами, повелела во гневе уничтожить творение великого Мастера. Поэтому достраивать дворец пришлось архитектору Казакову, а реставрировать — художнику Глазунову, возглавившему в наши дни Российскую художественную академию и не пожелавшему, чтобы баженовское чудо кануло в Лету.

— Почему ты думаешь, что меня слушают? — забыв даже поздороваться, спросил Пузырев.

«Зацепило! Значит, действительно рыло в пуху».

— Это мое предположение, — пожал плечами Томкус.

— Предположения на пустом месте не возникают, — отрезал Пузырев. — Давай начистоту.

— Пожалуйста. Я бы сам себя назвал последним идиотом, если бы два раза подряд вляпался в одну и ту же кучу говна.

— Не понял.

— Могу объяснить. Где мы с тобой познакомились?

— В тире.

— Кто тебя научил стрелять?

— Ты.

— А что я получил в благодарность? Не помнишь?

Пузырев раздраженно взмахнул рукой.

— К чему ты клонишь?

— Придется напомнить, — сказал Томкус, не обратив внимания на возмущенный жест бывшего приятеля. — Ты, Вася, воспользовавшись моим бедственным положением, пригласил меня на службу в КГБ. Сказал: «Негоже бывшему чемпиону Союза и Европы заведовать тиром, иди ко мне, в хозуправление, ты кто по званию? капитан? Будешь майором, квартиру дам, земельный участок, хороший оклад». Так?

— Так. И ты все это получил.

— Все, что я получил, вам, гэбэшникам, и осталось, а мне светил червонец, ибо я, идиот, подписывал за тебя бумажки на выдачу строительных материалов всяким там полковникам и генералам, которые строили себе на халяву загородные домики — двухэтажные, трехэтажные! А мне, значит, нары обеспечили! На Колыме! Расклад — лучше не придумаешь!

Пузырев растерянно заморгал, затем округлил глаза и спросил с издевочкой:

— Витенька, а тебе солнце головку не напекло? Ты что, забыл, кто тебя выручил? Кто тебе визу в Германию открыл, когда у тебя подписка о невыезде на руках была, кто тебя деньгами на дорогу снабдил, кто?

— Ты. Не отрицаю. Но у тебя было только два выхода: или навеки заткнуть мне рот, или уготовить мне роль беженца, спасающегося от преследования КГБ. Ты предпочел второе, подумал: «Огурчик хорошего засола — сгодится». И точно. Не успел я отдышаться, как ты меня снова в дерьмо усадил!

Растерянность Пузырева сменилась возмущением.

— Это Америка дерьмо? Да ты, милый, совсем рехнулся! Это мы здесь в дерьме барахтаемся, а ты там, за океаном, как сыр в масле катаешься! — Он вдруг остановился, ощупал карманы и примирительно улыбнулся. — Сигареты в машине оставил. Не угостишь?

Томкус протянул ему пачку «Мальборо». Пузырев прикурил и, продолжая смотреть на тонкий язычок пламени зажигалки, спросил:

— Тебе понравилась невеста?

— Хорошая женщина.

— Ну и увози ее в Штаты! Детишек рожай! Чего тебе еще надо?

— Чтобы ты оставил меня в покое.

— Да кто ж тебя в Америке побеспокоит? Я бы сейчас с

удовольствием поменялся с тобой местами, — размечтался Пузырев. — Сел бы в «Боинг» и… «Прощай, Россия, прощай, Ильич, я уезжаю на Брайтон-Бич!»

— И что б ты там делал?

— «Бабки».

— Ты думаешь, они там с неба падают? — с иронией спросил Томкус. — Нет, дорогой мой, чтобы в Штатах заработать триста тысяч долларов чистыми, надо несколько лет подряд вставать в шесть утра и горбатиться до позднего вечера.

— Почему именно триста? — насторожился Пузырев.

— Потоку что именно столько стоит квартира Краковской на Тверской. Плюс сто тысяч, как минимум, квартира в Коломенском. Итого — четыреста. А ты эти «бабки» хочешь заработать за один вечер! Не жирно ли?

— Могу поделиться, — флегматично заметил Пузырев. — Сколько ты хочешь?

— Этот вопрос ты адресуй себе, — отрезал Томкус. — Только сумму назови в разумных пределах, иначе…

— Что «иначе»?

— Вася, я не могу жить с женщиной, которую предварительно ограбил на четыреста тысяч долларов! Ты можешь это понять или нет?

— В таком случае заплати мне из своего кармана.

— Сколько?

— Триста тысяч.

— Подавишься! — взбесился Томкус, но тут же взял себя в руки и добавил: — Во-первых, таких денег у меня нет, а во-вторых… у тебя, Вася, крыша поехала… Я не буду платить за женщину, с которой собираюсь жить.

Пузырев остановился, задумчиво посмотрел на темную гладь Царицынского пруда, на снующие в разных направлениях лодки, на резвящихся на берегу малышей, и его строгое, хорошей лепки лицо, которое портили маленькие, с острым мышиным взглядом глазки и неоправданно большие уши, приняло озабоченное выражение.

— Торг возможен?

— Нет! Получишь ровно столько, сколько получает «Интерсваха» за сводничество — пятьдесят тысяч. Деревянными!

Такого поворота событий Пузырев никак не ожидал: слишком был уверен в себе и своих возможностях, поэтому бунт Томкуса привел его сперва в замешательство, крайнее недоумение, а затем в ярость и негодование. «Мальчишка, сопляк! Я тебя в люди вывел, а ты… Ну

ладно, сука, я с тобой разберусь!»

— Ты хорошо подумал?

— Да. И запомни: если попытаешься совать мне палки в колеса, МУР заинтересуется деятельностью агентства недвижимости «Онега» и «Интерсваха», которая выбрасывает твой товар на черный рынок. Все понял? — Томкус брезгливо сплюнул, развернулся и зашагал к выходу.

Пузырев с ненавистью смотрел ему вслед.

ГЛАВА 13

Старшему оперуполномоченному по особым поручениям при министре государственной безопасности СССР подполковнику государственной безопасности тов. КРЕТОВУ А. С.

от секретного сотрудника «Краб».

АГЕНТУРНОЕ ДОНЕСЕНИЕ

С первого мая сего года в квартире номер 76 по улице Горького я обслуживаю американца Фрэнка Чалмерса. Чалмерс интересуется историей Москвы — памятниками, архитектурными ансамблями, старинными особняками, поэтому мне пришлось некоторое время поработать экскурсоводом. Мы осмотрели с ним Лефортово, Донской монастырь, Старый Арбат, село Коломенское, Ваганьковское кладбище и т. д. и т. п. Несколько раз он приглашал меня в ресторан.

Шестого мая мы с ним обедали в гостинице «Советская». Чалмерс был очень обходителен и любезен, рассказывал интересные истории из своей жизни, смешил анекдотами о наших правителях — Брежневе и Хрущеве, а в конце разговора предложил мне сотрудничать с ним. Привожу его слова дословно: «Люси, я знаю, ты работаешь в КГБ, но ничего страшного, если будешь выполнять и мои поручения…» Я притворилась полной дурочкой и спросила: «Что вы хотите?» Он ответил: «Мало, мало… Я хочу, чтобы ты пригласила к нам в квартира поужинать со мной друг Кретова Вася Пузырев». — И сунул в сумочку пятьсот долларов. Я сказала, что передам Пузыреву его приглашение, но за дальнейшее — согласится Пузырев на встречу или нет — не отвечаю.

7. V. 91 г. *Сек. сот. «КРАБ».*

— Ну вот, теперь картиночка проясняется, — сказал Егоров, прочитав второе агентурное донесение Краковской, которое отличалось от первого только адресатом — полковнику Редькину А. В. — да маленькой приписочкой: «Встреча Пузырева и Чалмерса состоится 10 мая в шесть часов вечера». — Пленка в сейфе

была?

— Две кассеты, — сказал Волынский.

Егоров удовлетворенно кивнул и подошел к окну. В беседке четыре охранника в камуфляжной форме забивали «козла». Кефир сидел под яблоней, на которую загнал невесть откуда взявшуюся кошку, и зорко следил за ее передвижениями.

— А ты, Семен Тимофеевич, неплохо устроился, — сказал Егоров. — Вдали от шума городского, но… со всеми удобствами — яблони, понимаешь, сливы… В такой обстановке можно работать.

— Нормальная обстановка, — спокойно ответил Скоков.

— А у меня — ненормальная, — моментально влез в разговор Климов. — Мы со Смородкиным, чтобы пошептаться, в туалет бегаем: все телефоны прослушиваются.

— Хорошо уже то, что ты об этом знаешь, — усмехнулся Егоров. — И не расстраивайся — себе дороже, плюнь и забудь.

— Я бы плюнул, если бы в Лэнгли работал, на нашу разведку А здесь свои… ловят, слушают, следят! Когда это безобразие прекратится?

— У меня, Костя, атмосфера не лучше. Только вот пожаловаться некому. Ты мне — можешь, а мне — некому!

Егоров прошел на свое место — он сидел в торце стола по правую руку Скокова — и вторично пробежал глазами донесение Краковской. Сказал жестко:

— Давайте подбивать бабки… На Пузырева у нас компромата хватит? — И посмотрел на Родина, давая тем самым понять, что отвечать должен именно он, Родин.

— У нас, — подчеркнул Родин, — хватит. Хватит, если Томкус и Краковская подпишут письменные показания против Пузырева. А у вас?

— Задавай вопрос прямо. Здесь все свои.

— Хорошо. Из агентурного донесения Краковской можно предположить, что Редькин зацепил Пузырева во время его контакта с Чалмерсом. Но ведь ваша служба тоже не дремала, и запись разговора Чалмерса и Пузырева должна была быть у вас на столе…

— Значит, дремала, — перебил Егоров. — А вот почему, мне теперь спросить некого — полковник Кретов в декабре девяносто первого ушел в отставку и, как говорится, в одночасье скончался.

— На что же, в таком случае, вы надеетесь?

— На Редькина. На то, что в его сейфе хранится пленка, подтверждающая предательство Пузырева. — Егоров перевел взгляд

на Градова, который, сидя в сторонке, пил чай с шоколадными конфетами и всем своим видом показывал, что весь этот секретный разговор ему до фени. — Градов, если Редькин успеет уничтожить пленку с компроматом на Пузырева, то ты выбей этот компромат из самого Пузырева. При аресте.

— Сделаем, — буднично ответил Градов.

— А почему вы решили, что Редькин успеет уничтожить пленку? — спросил Родин.

— Потому что мне кажется, что он в данный момент тоже подбивает бабки, — сказал Егоров. — Игра пошла на опережение — кто кого.

— Вы думаете, мы где-то засветились?

— Томкус вас засветил. Он открыто выступил против Пузырева, и Пузырев сейчас судорожно ищет выход из создавшегося положения.

— А выход один, — сказал Волынский. — Убрать и Томкуса, и Краковскую.

— Правильно! А потому мотайте вместе с Градовым к ним на квартиру и обоих — сюда!

— Краковская может быть в театре, — сказал Скоков, вырываясь из благодушного оцепенения, которое охватило его, когда вожжи перехватил Егоров.

— Они это учтут.

Градов и Волынский быстро, но как-то неторопливо собрались и ушли. Егоров проводил их озабоченным взглядом и сказал:

— А вот против Редькина у нас материала действительно маловато. И совсем не будет, если он успеет уничтожить эту чертову пленку. Что мы тогда ему предъявим?

— Пулю в лоб, — зло и спокойно проговорил Климов. — И, чтобы, значит, концы в воду — в тот же крематорий. Как нарядного.

— Мы не банда, — вспылил вдруг Скоков. — Мы не имеем права…

— Все правильно. Они — имеют, а мы — нет!

Несколько минут Скоков сидел неподвижно, стараясь справиться с волнением. Но давалось ему это нелегко, и Родин, чтобы предотвратить назревающий конфликт, спросил, обращаясь к Егорову:

— Виктор Афанасьевич, если Редькин чувствует себя в полной безопасности, то за каким чертом ему уничтожать пленки?

— Что он чувствует, не знаю, но я бы на его месте после звонка Пузырева, который сообщит ему, а может быть, уже сообщил, что Краковская скурвилась, насторожился и сжег бы все документы,

имеющие отношение к делу. Это — его единственное спасение.

— Тогда чего мы ждем? Надо действовать!

— А мы уже действуем. — Егоров взглянул на часы. — Сейчас двадцать один тридцать. Минут через двадцать нас навестят Томкус и Краковская. Ты возьмешь у них письменные показания… В двадцать два позвонит Колберг, сообщит, что происходит в стане врагов, мы сориентируемся и пойдем на приступ. Все ясно?.. А пока завари чайку Крепенького! Похоже, всю ночь спать не придется.

ГЛАВА 14

Данные на Донецкую подтвердились: да, она действительно с 1980 года по 1985-й работала в Советском посольстве в Бельгии, затем — с 1985-го по 1991-й — переводчицей в «Интуристе» и с 1991-го — секретарем-референтом генерального директора АОЗТ «Тантра» Крайникова, который являлся учредителем этого общества и которого в 1995 году взорвали во время переговоров с авторитетами из Екатеринбурга в кафе «Аист».

«Странное совпадение, — подумал Редькин. — Делом Крайникова — Кариновского занимались Климов и частное сыскное агентство «Лучник», которое возглавляет мой бывший дружок и бывший начальник 3-го отдела МУРа полковник Скоков, и они же — совместно — принялись разматывать квартирные дела… И там и здесь — Донецкая. Это не может быть случайностью. Значит, значит… меня пасет собственная уголовка, то есть — Климов. Но в одиночку штурмовать крепость он вряд ли бы решился. Его кто-то подталкивает. Кто?»

Редькин распахнул замаскированную под книжные полки дверь, прошел к столу и выпил рюмку коньяка. Затем позвонил Донецкой. В ответ — длинные, раздражающие гудки.

— Смылась, сучка! — сказал он вслух, подумал и налил себе вторую рюмку. «Что же делать? Своим ходом не уйти — в Шереметьеве возьмут. В Чечню смотаться? К Дудаеву?»

Два года назад Редькин встречался с опальным генералом. Он летал к нему вместе с одним из заместителей министра обороны, который был уполномочен решить довольно деликатный вопрос: какое количество техники — авиационной и бронетанковой — и стрелкового оружия — всех видов — Россия должна оставить на территории Чечни.

Позиция заместителя министра была предопределена и одобрена Президентом — пятьдесят процентов. Но что делать со своей половиной? Гнать в Россию — дороговато: в казне денег нет. Уничтожить? Единственный выход. И два генерала, улыбаясь, пожали друг другу руки.

Что стояло за этой улыбкой и крепким рукопожатием, Редькин понял, к сожалению, только через полгода, когда Россия ввела свои

войска в Чечню, и он окольными путями узнал, что дудаевские боевики сражаются на той самой технике и тем самым оружием, которое подлежало уничтожению.

Тепло простился Дудаев и с Редькиным. Сказал:

— Думаю, мы еще встретимся. — В его умных, темно-серых глазах мелькнула озорная искорка. — Мы все хотим мира и свободы. И будем драться за нее до последнего вздоха!

«Ведь он, по существу, сделал мне предложение, — подумал Редькин, — протянул руку, а я… Хреновый я, видно, политик, если сразу не понял, что война — бизнес, деньги! А вот заместитель министра понял, сообразили это и многие люди из окружения Ельцина. Они теперь чуть ли не открыто сотрудничают с опальным генералом — приказы о передислокации наших войск сперва ложатся на стол Дудаева и лишь потом попадают в полевые сумки командиров федеральных войск.

«Да, крыша у Дудаева надежная, — продолжал размышлять Редькин, — борьба за свободу и независимость! А мы, дураки, объявили его вне закона, листовки по всей стране расклеили: разыскивается опасный преступник! Нет, этого он мне не простит».

Редькин тяжело вздохнул и позвонил старшему службы оперативного прослушивания.

— Баскаков?.. Дай мне, пожалуйста, номер телефона Кудимовой… Записываю… Спасибо.

«Отлично! Теперь — звоночек нашей несостоявшейся любовнице… Дома? Очень хорошо! Теперь — Пузыреву…»

— Я вас слушаю, — мгновенно ответил Пузырев.

— А тебя не слушают, — усмехнулся Редькин. — Чего молчишь? Усрался?

— Краковская… сорвалась.

— Правильно сделала. Не будешь моих баб трахать.

— И Томкус.

— А я тебя предупреждал, говорил: этого парня на кривой козе не объедешь! Говорил? Говорил! В общем, это твоя проблема… — Редькин сорвал голос и закашлялся, хрипло, с надрывом. Затем хватил ртом воздух и быстро спросил: — У тебя сколько людей? Под рукой?

— Душ десять.

— Надежные?

— Да.

— Мотай с ними на дачу и жди меня. Я подъеду через два часа. Все. Действуй!

Редькин вытащил из-под стола хозяйственную сумку, с которой Птица-секретарь бегала за продуктами, вернулся в кабинет и открыл сейф. «Влезут? — он охватил взглядом бумаги. — Должны».

Три папки, в которых хранились документы с грифом «совершенно секретно», Редькин положил в кейс, в него же — пленки с компроматом на Пузырева и две пачки, в каждой — по пятьдесят тысяч долларов. Это был его загашник, неприкосновенный запас на всякий пожарный случай. Все остальные бумаги он свалил в сумку и вызвал Птицу-секретаря.

— Я вас слушаю, Алексей Васильевич.

— Ты лучше слушай, что преподаватели говорят, и запоминай! — назидательно проговорил Редькин. — Ходишь на лекции?

— А как же! Я уже на пятом курсе.

— Значит, без пяти минут прокурор?

— Адвокат.

— И кого же ты будешь защищать?

— Демократию.

Редькин расхохотался и бросил на край стола толстенькую пачку сотенных купюр.

— Здесь пять миллионов. Аванс, так сказать, за будущие услуги.

— Какие именно?

— Адвокатские.

— Вы хотите сказать…

— Я хочу сказать, — перебил Редькин, — что верю в твои способности и твою преданность, поэтому учись, учись и учись! Кто так говорил?

— Ленин.

— Правильно. А что он из себя представлял?

— Ну, в общем… это — личность.

— Бандит он, — рассмеялся Редькин. — Ладно, бери деньги и сматывай. Мне некогда.

— Вы что, уезжаете? — спросила Томка, осторожно осматриваясь.

— В командировку.

— Надолго?

— «Может быть, на го-од, а может быть, на два-а»… — шутливо пропел Редькин. И уже сухо, по-деловому: — Где мои обормоты?

— В буфете.

— Скажи им, чтобы топали сюда. И быстренько.

— Хорошо.

Томка испарилась. Редькин прошел в «темнушку» — так он

называл свою подсобную комнату, — сбросил пиджак и нацепил наплечную кобуру, в которой плотно сидел «Макаров». Затем надел кожаную куртку, переложил в нее документы и, обведя взглядом свое хозяйство, горестно вздохнул — простился.

Из тамбура в кабинет вошли три рослых молодца — два телохранителя и адъютант, молчаливые, напряженные, готовые, как звери, прыгнуть в любой момент на свою жертву. Редькин указал на хозяйственную сумку и направился к двери.

— Счастливо, Томка!

— Успеха вам, Алексей Васильевич!

У подъезда Редькина ждали две машины, «мерседес» и «Волга» с форсированным движком. Он сбежал по ступенькам и сказал, обращаясь к троице:

— Запомните адрес… Второй этаж, квартира восемь.

— Адом? — растерянно спросил адъютант.

— Я покажу… Что от вас требуется? Мгновенно вышибить дверь, заткнуть хозяйке рот, затолкать в машину и следовать за мной — в Кубинку, на дачу к Пузыреву. Понятно?

— Сделаем, — синхронно кивнули телохранители.

Адъютант привычно щелкнул каблуками.

Томкус и Краковская, сидя по бокам стола, быстро и, можно сказать, весело — узнав, что опасность миновала и правоохранительные органы претензий к ним не имеют, они мгновенно пришли в хорошее настроение — строчили объяснительные записки, Родин дежурил у телефона, Климов читал газету, Егоров в глубоком раздумье стоял у камина и смолил сигарету за сигаретой.

— Про Румянцеву писать? — неожиданно спросила Краковская.

— Если вы с ней знакомы, то обязательно, — кивнул Родин. — Где, когда, при каких обстоятельствах встретились, характер дальнейших встреч… Лирику можете опустить, — улыбнулся он, вспомнив, что Румянцева к женскому полу относится гораздо предпочтительнее, чем к мужскому. — Пишите только то, что имело отношение к Редькину и Пузыреву.

— Понятно. — Краковская вытащила из сумочки пачку «Мальборо», закурила и снова склонилась над листом бумаги.

Зазвонил телефон.

— Агентство «Лучник», — сказал Родин.

— Я вас приветствую, — старательно проговорил Смородкин. — С кем имею честь?

«Выпил паразит! И прилично».

— Родин.

— Не узнал, Сашок, богатым будешь. Климов у вас?

— Да.

— Так вот, передай ему, что из-под его жопы последнюю табуретку вышибли. Понял?

— Нет.

— Расшифровываю: три часа назад из окна своей квартиры, которая на восьмом этаже, прыгнул Роммель Михаил Григорьевич. Последствия трагические: мы потеряли последнего свидетеля, который мог бы нам нашептать кое-что о Редькине.

— Он ничего не оставил?

— Ни письма, ни записочки.

— А ему не могли помочь?

— Исключено. Дверь была закрыта изнутри. На цепочку и стальную щеколду.

— Понятно, — сказал Родин. — Ты на работе?

— Дежурный я сегодня.

— И сколько уже врезал?

— А-абсолютно трезвый! А вот мой напарник того… решил за коммунистов голосовать. Одобряешь?

— Вольному воля.

— Значит, еще не определился.

— Думаю.

— Индюк тоже думал… Пока, второй телефон трещит…

Родин положил трубку и посмотрел на Климова. Тот щелкнул себя средним пальцем по горлу и спросил:

— Смородкин?

— Да.

— Неприятности?

— Роммель…

— Что «Роммель»? — вскинула голову Краковская.

«Все равно завтра узнает…»

— Выбросился из окна своей квартиры.

— Но у него мои документы!

Родин смерил Краковскую неприязненным взглядом, но ответить не успел — снова зазвонил телефон.

— Агентство «Лучник».

— Саша, ты? — быстро и озабоченно спросил Колберг.

— Да.

— Мне только что звонил Коптев. Он в панике: ему приказали

убрать Томкуса и Краковскую. Мы с ним встречаемся в одиннадцать вечера у кинотеатра «Форум». Успеешь подъехать?

— Яша, ситуация изменилась. Так что бери его за жабры и привози в контору. Ясно?

— Предельно.

Родин положил трубку, наткнулся на вопросительный взгляд Климова и пояснил:

— Коптев. Получил заказ.

— На обоих?

— Да.

Климов посмотрел на Томкуса. Тот, почувствовав взгляд, поднял голову, в глазах заметалось беспокойство.

— Что-нибудь не так? — спросил он глухим от напряжения го_-лосом.

«В нем крепко сидят инстинкты зверя, — подумал Климов. — Опасность чувствует за версту».

— Все нормально. Работайте. Не отвлекайтесь.

— Да я уже закончил. — Томкус размашисто расписался, поставил дату и протянул ему бумаги. — Пожалуйста.

Климов быстренько пробежал написанное.

— Вы не знали Редькина?

— Нет.

Климов удручающе вздохнул и передал бумаги Егорову.

— Это по вашей части.

«Я, кажется, вляпался в неприятную историю». — Климов закурил, сломав от злости несколько спичек. Действительно, положению Климова в данный момент вряд ли кто мог позавидовать. Дело Глазова у него забрали и передали в прокуратуру РФ — важняку Можейко. Тот дело закрыл, проигнорировав даже справку, которая свидетельствовала, что Глазов умер насильственной смертью, ион, Климов, остался у разбитого корыта. Более того, ему запретили всякое общение с агентством «Лучник», которое якобы обслуживает «воров в законе» — намек на Добровольского, — и послали к чертовой матери, когда он заявил, что последний пропал без вести и для пользы следствия необходимо начать его поиски. Заместитель начальника МУРа генерал-майор Коваленко так и сказал: «Добровольского объявим в розыск, когда будет соответствующее заявление от его родственников. Но искать будешь не ты — твой отдел занимается особо тяжкими преступлениями, — а те, кому это положено». И подсунул заведомо глухое дело — дело председателя фонда

глухонемых Коровина, которого расстреляли среди бела дня на Басманной два неизвестных паренька, скрывшихся в неизвестном направлении на неизвестной машине — толи «Волге», то ли «жигуленке» четвертой модели.

«Вот и ищи ветра в поле. — Климов чертыхнулся — догоревшая сигарета обожгла пальцы, вспомнил Коптева, который должен был с минуты на минуту подъехать вместе с Колбергом, и досадливо поморщился. — Я не имею право даже арестовать этого подонка, ибо, кроме его собственного признания, выбитого силой, у меня нет против него ни одной улики».

— Кто с вами беседовал, когда вы попросили в Германии политическое убежище? — спросил Томкуса Егоров, и его голос, сухой, резкий, вернул Климова к действительности.

— Ни один из них не представился.

— А узнать смогли бы?

— Конечно. Я эти рожи на всю жизнь запомнил.

Егоров подошел к креслу, возле которого стоял кейс, раскрыл его и выложил на стол несколько фотографий.

— Кто?

— Вот этот! — Томкус без колебаний указал на одну из фотографий. — Он просил меня назвать фамилии людей, которые незаконным путем приобрели строительные материалы.

— И вы назвали?

— А что мне оставалось делать? — пожал плечами Томкус. — Я перечислил всех — от самого Пузырева до зампредседателя Комитета генерал-лейтенанта Переделкина.

Егоров перебросил фотографию Краковской.

— Людмила Борисовна, вы не знаете этого человека?

— Знаю, — смутилась Краковская. — Фрэнк Чалмерс.

— Спасибо.

Егоров сложил фотографии в кейс и вышел во внутренний дворик, где уединились Скоков, Волынский и Градов.

— Семен Тимофеевич, у меня все в порядке.

— Поздравляю, — сказал Скоков. — А на суде они от своих показаний не откажутся?

— Нет. Сейчас Колберг привезет Коптева, и мы их познакомим.

— Очень трогательная картинка, — улыбнулся Волынский. — Киллер пожимает руки своим жертвам. Кино!

— А как вы это кино ставить собираетесь? — спросил Скоков. — Добровольно эти паразиты вам не откроют, а ломать бесполезно: двери

железные, засовы стальные.

— Нормальные герои всегда идут в обход, — хмыкнул Градов. — Мы — через балкон, Семен Тимофеевич. Надеваешь каску, бронежилет, краги и ныряешь… как в Черное море. Я прав, Боб?

Волынский ответить не успел. На крыльцо выбежал Родин, взволнованно, срывающимся голосом крикнул:

— Виктор Афанасьевич, к телефону!

«Что-то стряслось, — подумал Скоков. — Неужели Яшка опять в какую-нибудь историю влип?»

Егоров влетел в кабинет, бросил короткий взгляд на Родина и по его виду — растерянному, ошеломленному, как у ребенка, беспомощному — понял, что произошло нечто страшное, едва ли поправимое.

— Кто? — спросил он.

— Редькин.

Егоров выхватил у Родина трубку, сухо произнес:

— Егоров слушает.

— Здравствуй, Виктор Афанасьевич!

— Здравствуй.

— Узнаешь?

— Узнаю.

— Это хорошо. Мне Кудимова сообщила, что ты сейчас у них там главный, поэтому я с тобой и связался. Делов следующем… Слушаешь?

— Да.

— Кудимова у меня в гостях. Я ее наручниками к батарее центрального отопления принайтовал, а завтра, если ты не выполнишь мои условия, отправлю в гости к Богу. Все понял?

— Да. Ваши условия?

— Условия незамысловатые и вполне приемлемые. Я арендую самолет АН-24, бортовой номер 2707. Он базируется во Внукове на дальней стоянке. Так вот, завтра ты обеспечиваешь мне свободный проезд до аэродрома и воздушный коридор до Парижа. Кудимова летит со мной. В Париже я и Пузырев сматываемся, а она вместе с экипажем возвращается обратно в Москву. Устраивает?

— Каковы гарантии?

— Могу дать номер телефона командира корабля, позвони ему…

— Командир вернется, в этом я не сомневаюсь. А Кудимова?

— Виктор Афанасьевич, подумай: я спасаю свою шкуру! А Кудимова… — Редькин грязно выругался. — Кудимова нужна в

Париже, как в русской бане пассатижи.

— Кто должен сопровождать вас до аэродрома?

— Ты и Скоков со своими шалопаями. Я хочу перед отлетом преподнести вам небольшой подарок.

— Какой именно?

— Хороший. Благодарность от начальства получишь.

— Где вы находитесь?

— На даче Пузырева.

— На какое время назначен вылет?

— Свяжусь с командиром, уточню и сообщу.

— Хорошо. Я буду ждать.

Егоров положил трубку и поведал коллегам облучившемся. Первым отреагировал Климов.

— Надо немедленно предать этому делу гласность, — сказал он. — У нас будут развязаны руки, мы сможем действовать!

— Ошибаешься, — мягко поправил его Волынский. — Действовать будет спецназ, а мы окажемся в роли наблюдателей.

— А спецназовцы посоветуются с нами, — продолжил Егоров. — Что, мол, делать в подобном случае. Наши, конечно, выслушают, но ответственность за операцию на себя не возьмут — побегут за консультацией в правительство. А правительство доложит Президенту! Президент условия Редькина не примет — международный скандал! — и прикажет ликвидировать террористов. Чем это кончится, вы и без меня прекрасно знаете.

— Это единственное, что вы можете нам сообщить? — спросил Скоков, ехидно, с подковыркой.

— Могу добавить: в данный момент я — лицо неофициальное, — грустно усмехнулся Егоров.

— Ия здесь неофициально, — сказал Климов, посчитав, что вопрос Скокова относится и к нему.

— В таком случае, и мы будем действовать неофициально. — Градов выразительно посмотрел на Волынского. Взгляд спрашивал: ну что, браток, рискнем?

В это время дверь распахнулась и в кабинет вошли Красин и Яша Колберг.

— Здравствуйте! — сказал Яша. — Что здесь происходит? Закрытое партийное собрание? — Он пытался за шуткой скрыть свое недоумение и растерянность.

— Где Коптев? — строго спросил Скоков.

— Сбежал, — выдохнул Яша. — Мы ждали его сорок пять минут,

но он так и не появился.

Наступила пауза, которой моментально воспользовалась Краковская. Она встала, резко отодвинув стул, и протянула Егорову исписанные мелким, убористым почерком листы.

— Больше вспомнить ничего не могу.

Егоров бегло просмотрел текст и передал его Климову.

— Если у этого господина вопросов не будет, вы свободны.

— И мы сможем уехать?

— Хоть завтра.

Краковская, не сдержав счастливой улыбки, посмотрела на Томкуса, Томкус — на Климова.

— У меня вопросов нет, — сказал Климов.

— Всего доброго, господа! — Краковская направилась к выходу, нов дверях задержалась, поджидая Томкуса, и, когда он присоединился к ней, сказала: — Успеха вам и… Бог в помощь!

— Спасибо, — ответил за всех Скоков.

Томкус посчитал бы себя за последнего идиота, если бы не понял, в какой переплет попали эмвэдэшники. Они, правда, и без его помощи вычислили Пузырева, но что-то не сработало, и последний опередил их — взял в заложники бабу, — Томкус отчетливо слышал ее жалобный голос по телефону — и, по всей вероятности, потребовал самолет Но эмвэдэшникам его предложение — поперек горла, и они сразу стали соображать, как достать Пузырева. А достать его трудно, поэтому он, Томкус, должен, нет, не должен, а просто обязан помочь им. Ведь они, по существу, спасли его от верной смерти и Краковскую, теперь его черед — долг платежом красен.

Томкус проводил Краковскую до машины, взял за локоть и, развернув, сказал:

— Милая, езжай домой и приготовь что-нибудь поесть.

— А ты? — опешила Краковская.

— Мне необходимо еще немного побеседовать с этими ребятами, кое-что выяснить. Понимаешь?

— Понимаю. Ноты недолго?

— Думаю, что нет. — Томкус распахнул дверцу машины. — Садись! — И шоферу: — Петро, отвезешь Людмилу Борисовну домой, и — свободен!

Охранник Миша Краев, открыв дверь и увидев Томкуса, немного удивился.

— Вы что-то забыли?

— Да.

— Проходите.

Томкус вошел в кабинет. Егоров бросил на него озабоченный взгляд и повторил вопрос Краева.

— Вы что-то забыли?

— Представиться, — сказал Томкус. — Я чемпион Европы по пулевой стрельбе из винтовки, снайпер, с пятисот метров кабану в голову попадаю.

— Очень приятно. Генерал-майор Егоров. — Егоров обозначил приветствие едва заметным наклоном головы. — Слушаю вас.

— Я хочу вам помочь. Я строил Пузыреву дачу, поэтому знаю участок и расположение комнат… как свои пять пальцев.

Яша весело хмыкнул и посмотрел на Волынского. Но вопрос задал Градов.

— С какой винтовкой работал?

— СВД, карабины — 5,6 и 7,62.

— По живым мишеням стрелять приходилось?

— Нет. Но… — Томкус чуть заметно побледнел. — Пузырев и его люди — отпетые мерзавцы! Так что не беспокойтесь, рука у меня не дрогнет.

Градов погасил сигарету и указал Томкусу на стул.

— Садись. В ногах правды нет.

Тревожно прозвенел телефонный звонок. Егоров снял трубку.

— Вас слушают.

— Виктор Афанасьевич? — спросил Редькин.

— Да.

— Вылет в четырнадцать тридцать. Вы должны подъехать к тринадцати ноль-ноль. Я поеду первым, вы — за мной. Будете страховать до самого аэродрома.

— Хорошо.

— И не вздумайте баловаться. У меня, кроме пистолета, перстень с цианидом…

— И вы ведите себя достойно. Если с Кудимовой что-нибудь случится, то мои люди найдут вас даже на Аляске.

— Договорились.

Егоров положил трубку и сказал:

— У него перстень с цианидом.

Градов мрачно улыбнулся и встал. Вслед за ним поднялись Волынский, Колберг, Томкус.

— Я с вами! — рванулся Родин.

— Нет, — твердо проговорил Волынский. — Езжай домой и готовь

жене завтрак. — Он вскинул согнутую в локте правую руку, что со времен кубинской революции означало: «Родина или смерть!» — и тенью скользнул за дверь.

ГЛАВА 15

Ночью небо затянуло тучами и пошел дождь, который с небольшими перерывами сыпал до самого утра.

— Подходящая погода, — сказал Градов, вылезая из машины в ста метрах от дачи Пузырева. Он, как и Волынский и их новоиспеченный друг Томкус, был в армейской камуфляжной форме и соответствующе для предстоящего дела вооружен: два пистолета с запасными обоймами и два ножа, один — обоюдоострый — у пояса, второй — стреляющий — у щиколотки левой ноги. Лезвие этого ножа крепилось на рукоятке поверх мощной цилиндрической пружины, в общем, на вид — обыкновенный десантный боевой нож, но при нажатии стопорной кнопки пружина распрямлялась и лезвие с огромной скоростью летело вперед, бесшумно поражая жертву на расстоянии двадцати пяти — тридцати метров. Этим оружием пользовались не только спецназ, но и КГБ, и секретные службы всех стран Восточного блока.

— Яша, — сказал Волынский, — накинь плащ-палатку и сделай вид, что ремонтируешься.

— Я это уже наизусть выучил, — буркнул Яша. Он был явно недоволен, что в предстоящей операции ему уготовлена столь скромная роль.

Пояснения Томкуса полностью соответствовали действительности: участок — гектар, дом — двухэтажный, кирпичный, с подземным гаражом, забором — из бетонных блоков высотой в два с половиной метра. У ворот — второй гараж, тоже кирпичный, но он, по всей вероятности, приспособлен под караульное помещение.

— С него и начнем, — сказал Волынский. — Дальше — по обстоятельствам.

Они благополучно перемахнули через забор и затаились в густых зарослях малины. Волынский и Градов вытащили пистолеты, навернули глушители. Томкус, заметно волнуясь, еще крепче обхватил хозяйственную сумку, в которой лежала тщательно завернутая в тряпки армейская снайперская винтовка.

Градов еще раз осмотрелся и мягким, скользящим шагом двинулся вдоль забора. За ним — след в след — Волынский и Томкус. Метров через двадцать Градов остановился, осторожно раздвинул ветки, и

Волынский, взглянув через его плечо, увидел боковую стенку гаража, который действительно переоборудовали под караульное помещение, полураспахнутую дверь и в лучах падающего с потолка яркого света охранника в камуфляжной форме. Он сидел за столом и, покуривая, читал газету. Его напарник спал, уткнувшись лицом в подушку.

Градов прикинул расстояние до противника, убедился, что оно слишком велико — одним прыжком, чтобы хрястнуть ребром ладони по шее, не достанешь, — и уступил место Волынскому, который тут же, почти не целясь, «выстрелил». Охранник так и не понял, что произошло. Он почувствовал лишь легкий укол под левую лопатку, судорожно хватанул ртом воздух и с удивленным выражением на лице ткнулся головой в стол. Градов разбудил второго охранника. Тот блаженно замычал, потянулся, но, открыв глаза и увидев ствол пистолета, мгновенно затих, парализованный страхом.

— Отвечай быстро и точно, — сказал Градов. — Пузырев здесь?

— Да.

— Кто с ним?

— Редькин.

— Еще кто?

— Телка.

— Женщина, — поправил Градов. — Где она?

— С ними. В кабинете.

— А где кабинет?

— На втором этаже… Направо и вторая дверь налево.

— А кто за первой дверью?

— Охрана.

— Пузырева?

— Редькина.

— Сколько их?

— Трое.

Градов бросил короткий взгляд на Томкуса, который, сидя за столом, приводил оружие в боевую готовность.

— Насчет расположения комнат он ничего не наврал?

— Пока нет.

— Много вас здесь? — продолжил допрос Волынский. — Охраны Пузырева?

— Было шесть. Вчера приехали еще двенадцать.

«Две пятерки во главе с командирами».

— Ты кого-нибудь из них знаешь?

— Беркута и Лимона.

— Кто такие? Фамилии!

— Лимон — Коптев. Фамилию Беркута не знаю.

— Где они торчат?

— На первом этаже. Половина — в комнатах налево, половина — направо, в кухне и за кухней.

— Прислуга?

— Клава — повариха. И Федор. Он по хозяйству.

— Почему собаки молчат?

— На чужих облаялись, спать не давали… Хозяин их на цепь посадил.

Волынский поднял автомат, который лежал на полу рядом с койкой, и, сделав шаг в сторону, сказал:

— Вставай!

Охранник нехотя поднялся, с тоской посмотрел на своего напарника, которого Томкус оттащил к стене, и рухнул, как подкошенный, на колени.

— Не убивайте!

Градов ухватил парня за волосы, нагнул и ребром ладони ударил под основание черепа. Этот удар считался смертельным, но выполнить его мог далеко не каждый — только тот, у кого ребро ладони в результате ежедневных тренировок постепенно превращалось в кремень.

Томкус, не обращая внимания на шум, расставил поудобнее ноги и посадил кружок мишени — входную дверь дома — на острие пенька прицела; удерживая цель между горизонтальными рисками, добился равномерного теневого кольца в окуляре.

— Хороший обзор? — спросил Волынский.

— Нормальный.

— Клади всех, кто выскочит из дома. Только нас с ними не перепутай.

— У меня оптика, — обиделся Томкус. — Я каждую морщинку на лице вижу.

Градов и Волынский забросили за плечи автоматы и спокойным, неторопливым шагом уставших людей направились к дому. Дождь усиливался, а вместе с ним — и тишина. Не галдели даже птицы, которые обычно в это время закатывали свои предутренние концерты.

— Леша, — сказал Волынский. — Люди Пузырева из разных пятерок, они не знают друг друга, поэтому не торопись, нас могут принять за своих.

— Я об этом подумал, — кивнул Градов. — Меня волнует только

Коптев — он единственный, кто знает меня в лицо.

— И тебе известна его морда, — резонно заметил Волынский. — Стреляй первым.

Градов потянул на себя входную дверь. Она легко, без скрипа, открылась, и они оказались в просторном холле с высокими потолками Двери — слева и справа — были распахнуты, а на ступеньках лестницы, которая вела на второй этаж, дремал дюжий охранник.

Градов прикончил его двумя ударами — в сонную артерию и под основание черепа. Затем прикрыл веки и прислонил к стене, придав ему вид спящего человека. Они быстро поднялись на второй этаж, подошли ко второй двери слева и замерли, сосредотачиваясь перед броском, но дверь вдруг распахнулась и в коридор вышел… Коптев. Увидев Градова, он буквально остолбенел, и Волынский, воспользовавшись этим, мгновенно отобрал у него оружие.

— Они здесь?

Коптев смиренно кивнул. Говорить он не мог: Градов загнал ему в рот ствол пистолета.

— И женщина?

Коптев еще раз кивнул. Волынский взял его за шиворот, развернул лицом к двери и прошептал:

— Открывай и входи. Только не дергайся!

Коптев вошел.

— Ну что там еще? — недовольно проворчал Редькин. Он сидел на мягком пуфике у горевшего камина и сжигал какие-то бумаги. — Кто с тобой?

Это были его последние слова. Маленькая свинцовая пулька влетела ему прямо в рот, оставив на лице выражение крайнего удивления. Пузырев умер еще легче — во сне.

Коптева отправил на смерть вернувшийся из соседней комнаты Градов. Он сказал, указав на Кудимову:

— Ей плохо. Открой ворота и скажи Яше, чтобы подавал машину к подъезду.

И тот поверил. Выбежал на крыльцо, и пуля Томкуса размозжила ему череп.

Кудимова многое видела: камеры смертников, последние минуты приговоренных к смерти, плачущих заложников, террористов, взорванные машины, изуродованные до неузнаваемости человеческие тела… И научилась со временем подавлять в себе чувство страха. Поэтому неожиданное пленение и угрозы Редькина в свой адрес на нее должного впечатления не произвели, наоборот — разозлили, и она, до

предела накалившись, принялась чехвостить своего бывшего начальника таким отборным матом, что последний не выдержал и приказал телохранителям влить в нее две бутылки водки.

Волынский освободил Кудимову от наручников и похлопал по щекам.

— Маргарита Васильевна! Маргарита Васильевна!

Взгляд Кудимовой стал более осмысленным.

— Кто вы? — тихо спросила она.

— Друг Саши Родина.

— Повторите.

— Друг Родина и Скокова.

Кудимова прикрыла лицо ладонями и разрыдалась.

— Поплачь, поплачь, легче станет. — Градов подошел к столу и открыл кейс, который реквизировал у адъютанта Редькина. — Смотри, что я нашел… — вытащил малогабаритный пистолет-пулемет «клин», созданный для спецподразделений МВД, глушитель и магазин с тридцатью девятимиллиметровыми патронами. — В клочья рвет! Хочешь побаловаться?

— Я неплохо с двух рук стреляю, — сказал Волынский, доставая из-за пояса второй пистолет. — Пошли?

Они спустились на первый этаж.

— Ты — направо, — сказал Градов, — я — налево…

Через несколько минут все было кончено, и они уехали, оставив на осиротевшей даче двадцать шесть трупов и очередной кроссворд-ребус для работников УВД Москвы и Московской области.

— Понедельник — день тяжелый, — сказал Смородкин, узнав, что Климова вызывают в Прокуратуру Российской Федерации.

Стоял второй день осени, но солнце пекло по-летнему, аж асфальт плавился, и Климов решил пройтись пешком, тем более что от Петровки до Пушкинской — рукой подать.

По дороге он выпил банку импортного пива и встретил несколько знакомых оперов, которые в последнее время из-за прослушивания телефонов предпочитали решать свои проблемы в небольших кафетериях или прямо на улице — поговорили, подбили бабки и разбежались по делам.

Климов предъявил охраннику пропуск, прошел через ухоженный двор с опрятными вечнозелеными елками, поднялся по мраморным ступенькам в вестибюль и замер, не веря глазам своим: со стены на него смотрел… Редькин. Был он, правда, в траурной рамочке, но прищуренные в полуулыбке глаза, наглые, веселые, как бы

спрашивали: «Ну что, сука, съел меня? Руки коротки! Вся страна меня в последний путь проводит, и сослуживцы помянут и выпьют, ибо погиб я при исполнении служебных обязанностей».

Именно эту фразу — «…при исполнении служебных обязанностей…» — увидел Климов под фотографией Редькина, остальное читать не стал, побелел от злости и медленно побрел к лифту.

— Что с тобой? — озабоченно спросил старший следователь по особо важным делам Можейко, когда Климов вошел к нему в кабинет. — Ты бледный, как… — Не найдя сравнения, он вытащил из сейфа бутылку коньяка. — Выпьешь?

Климов отрицательно покачал головой.

— Зачем вызывали?

— Ну, во-первых, поздравить…

— С чем? — перебил его Климов, нутром чувствуя, что ему грозит очередная подножка.

— Как, ты еще не знаешь? Час назад из управления пришел приказ… Ты — полковник! Так что с тебя причитается… Банкет не зажмешь?

— С деньгами туго, — сказал Климов, переваривая новость.

— За это не беспокойся, подбросим. — Можейко взял с полки и положил на стол пухлый том. — Ну, а во-вторых… Прочитал я еще раз дело Глазова… В общем, должен признаться: поспешили, концы с концами не сходятся… Так что мой долг вернуть тебе его на доследование. Не возражаешь?

— Нет.

— Ну и хорошо. Забирай.

— А где справка, что Глазов умер насильственной смертью?

— В деле. Можешь проверить. Из-за нее, проклятой, весь сыр-бор и разгорелся.

«Изворотлив, как уж, — подумал Климов, сбегая по мраморным ступеням. — Но подожди, я до тебя еще доберусь».

Он выскочил на улицу и из первого же телефона-автомата позвонил Смородкину.

— В конторе спокойно?

— Спокойно и тихо, как на кладбище, — рассмеялся Смородкин. — Какой-то псих сообщил, что в нашем доме бомба тикает, ну, все и разбежались.

«Врет подлец!»

— А ты чего сидишь?

— Судьбу испытываю.

— Меня никто не искал?

— Родин. Он тебя ждет в кафе, напротив здания, из которого ты вышел.

— Что ему нужно?

— Он сказал, что не исключен вариант, что тебя оттуда на «воронке» вывезут.

Климов повесил трубку и пошел в кафе.

Родин сидел за крайним столиком, смотрел в окно и физиономия у него была, как у венецианского мавра, узнавшего про измену жены.

— Грустишь? — спросил Климов, присаживаясь.

— Я заказал два коньяка и овощи… Зачем тебя вызывали?

— Можейко дело вернул.

— Решил, значит, помочь следствию… — Родин с вызовом посмотрел на приятеля. — Впрочем, я бы на его месте поступил точно так же: трудно бороться с человеком, который для начальства — фаворит Верно, господин полковник?

— Перестань ерничать, — поморщился Климов.

Официант принес два пластмассовых стаканчика — в каждом по сто грамм — и овощи, получил с Родина деньги и мгновенно исчез.

— За тебя, — сказал Родин, — за твои полковничьи погоны!

— Дались тебе мои погоны, — раздраженно проворчал Климов. Он выпил и, сжав пальцы в кулак, превратил стаканчик в бесформенную массу. — Ты думаешь, я не знаю, что меня покупают? Знаю. И знаю — почему. Они догадываются, что я знаю о Редькине больше, чем положено знать рядовому милиционеру, поэтому пряник и бросили. Не поможет — возьмутся за кнут. Кнут не поможет — выбросят, как выбросили тебя и Скокова!

Климов пристукнул ребром ладони по столу и, помолчав, грустно добавил:

— Все мы должны держаться вместе, иначе будем висеть порознь!

ФРЕДЕРИК БРАУН

ЗЕМЛЯНЕ, ДАРЫ ПРИНОСЯЩИЕ

Рисунок А. Шахгелдяна

Дар Рай сидел у себя в кабинете, погруженный в раздумье. Из-за двери поступил мысленный сигнал, равнозначный стуку. Взглянув на дверь, Рай — тоже мысленно — велел ей открыться.

И дверь открылась.

— Входите, друг мой, — произнес Рай.

Он мог бы пригласить гостя телепатически, но когда двое марсиан оказывались наедине, разговор вслух считался более вежливой формой общения.

Вошел Эжон Ки.

— Что-то вы, Руководитель, засиделись сегодня допоздна, — заметил он.

— Верно, Ки. Но ведь до прибытия ракеты с Земли осталось меньше часа, а мне бы хотелось собственными глазами увидеть, как это произойдет. Да, да, мне известно, что, если они рассчитали правильно, ракета опустится на поверхность нашей планеты в тысяче миль отсюда, за горизонтом. Но даже если она примарсится вдвое дальше, все равно отсюда можно будет увидеть вспышку атомного взрыва. А я так долго ждал первого контакта с землянами! Пусть в этой ракете нет ни одного представителя рода человеческого, для землян этот контакт будет первым. Что до нас, то, хотя сотрудники нашей телепатической службы уже много веков читают их мысли, прибытие этой ракеты станет первым физическим соприкосновением марсианской цивилизации с земной.

Ки опустился в одно из низеньких кресел. — Вы правы, — согласился он. — К сожалению, я не очень внимательно следил за последними сообщениями телепатической службы и мне не совсем понятно, чего ради им вздумалось применить ядерную боеголовку. Разумеется, я знаю, что они считают нашу планету необитаемой, но все же…

— Они будут наблюдать вспышку с помощью установленных на их Луне телескопов и произведут — как это у них называется? — спектральный анализ. Таким образом они получат дополнительную информацию о химическом составе атмосферы и поверхностного слоя коры нашей планеты. Впрочем, имеющиеся у них сведения о Марсе большей частью ошибочны, хоть земляне и уверены в обратном. Будем считать запуск этой первой ракеты пристрелкой. Сами же земляне прилетят к нам во время следующего противостояния. И тогда…

Население Марса из последних сил цеплялось за жизнь, чтобы дотянуть до прилета землян. А точнее — остатки населения:

маленький городок в девятьсот жителей. Марсианская цивилизация была много старше земной и она умирала. Один единственный город, девятьсот мыслящих существ — вот все, что от нее осталось. Однако марсиане хотели установить контакт с землянами не только из эгоистических побуждений.

Марсианская цивилизация развивалась в ином направлении, чем земная. Здесь не было сделано сколько-нибудь важных открытий в области точных наук, но зато науки общественные достигли такого высокого уровня, что за пятьдесят тысяч лет на Марсе не было совершено ни одного преступления, не развязано ни одной войны. Помимо этого марсиане досконально изучили парапсихологические способности индивидов, а на Земле к этому еще только приступали.

Марс мог бы многому научить Землю. Например тому, как положить конец войнам, как навсегда избавиться от преступности. А кроме этих простейших вещей есть ведь еще и телепатия, и телекинез, и эмпатия…

Марс же, в свою очередь, надеялся, что Земля обучит его кое-чему не менее полезному: как с помощью науки и техники вернуть жизнь умирающей планете, сделать так, чтобы обреченные на гибель аборигены не вымерли, а продолжали существовать и производить себе подобных. Самим марсианам начинать научные изыскания в этой области чуть ли не с азов было слишком поздно, даже обладай они соответствующей структурой мышления.

Как Марс, так и Земля, ничего не потеряв, извлекли бы из этого контакта огромную пользу.

И вот сегодня ночью Земля собралась наконец произвести свой первый пробный выстрел. Вторая ракета, неся на борту если не нескольких, то хотя бы одного землянина, будет послана во время следующего противостояния, то есть через два земных или, по грубому подсчету, четыре марсианских года. Об этом марсиане узнали из докладов сотрудников телепатической службы, которые читали наиболее важные мысли жителей Земли и были в курсе их планов. К сожалению, из-за дальности расстояния связь была односторонней. Марс не мог поторопить Землю, попросить ее ускорить запуск ракеты. Не мог он и сообщить земным ученым данные о химическом составе атмосферы и почвы своей планеты. Если б это было возможно, отпала бы необходимость сегодняшнего запуска землянами этой разведывательной ракеты.

Вот почему в эту ночь Руководитель Рай («руководитель» — самый близкий по смыслу земной синоним марсианского слова) и Ки, его

ближайший друг и помощник по вопросам управления, призадумавшись, сидели рядышком в ожидании столь желанного события. Они выпили за грядущее благоденствие (в состав их напитка входил ментол, который действовал на марсиан как на землян алкоголь) и поднялись на крышу здания. Оба устремили взоры на север, туда, где должна была примарситься ракета. В небе ярко светили немигающие звезды.

На земной Луне, в обсерватории 1, Родж Эверетт, не отрывая глаз от объектива телескопа, ликующе вскричал:

— Она-таки взорвалась, Вилли! Как только проявят все пленки, мы получим гору информации о старикашке Марсе.

Он выпрямился — смотреть было больше не на что, и они с Вилли Сенгером торжественно пожали друг другу руки. То была историческая минута.

— Надеюсь, там никого не прихлопнуло. Ну, каких-нибудь марсиан… Скажи-ка, Родж, ракета примарсилась точно в намеченном пункте Большого Сирта?

— Есть незначительное отклонение. По-моему, она взорвалась эдак на тысячу миль южнее. И это чертовски близко от точки, куда она была нацелена — если учесть, что запуск производился с расстояния в пятьдесят миллионов миль. Вилли, а ты и вправду считаешь, что на Марсе есть жизнь?

— Нет, — секунду поколебавшись, ответил Вилли.

Увы, он был прав.

Перевела с английского Светлана ВАСИЛЬЕВА

……...

В ближайших выпусках мы предполагаем опубликовать новый роман известного американского фантаста К. Сиодмака «ПАМЯТЬ ХАУЗЕРА», остросюжетную детективную повесть А. Чернобровкина «НАЕЗД», новый роман популярного писателя В. Пронина «БАНДА-4», а также произведения К. Булычева, Р. Хайнлайна, Д. Макдональда, Ю. Маслова/продолжение романа «ДЯТЛЫ УМИРАЮТ ОТ СОТРЯСЕНИЯ МОЗГА»/ и других известных авторов.

INFO

Литературный журнал «Искатель»
Издатель журнала ООО «Издательский дом «Искатель»
Редактор
Евгений КУЗЬМИН
Художник
Арнольд ТАМБОВКИН
Художественный редактор
Валерий КУХАРУК
Оператор компьютерного набора
Людмила ЦЫГУЛЕВА
Рукописи не рецензируются и не возвращаются
Подписано к печати 18.07.96. Формат 84x108 1/32. Печать офсетная.
Бумага газетная. Усл. печ. л. 9,4. Уч. изд. л. 10,6.
Тираж 50 000 экз. Заказ № 190.
Адрес редакции: 125025, Москва, Новодмитровская ул. 5а.
Телефон: 285-88-84
Отпечатано в Московской типографии № 13 Комитета РФ по печати.
107005, Москва, Денисовский пер.,д.30.

……...

Сканирование и обработка CRAZY_BOTAN
FB2 — mefysto, 2025

720
B7

ИСКАТЕЛЬ

ЮРИЙ МАСЛОВ
ФРЕДЕРИК БРАУН